

ISSN 1857– 4580

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 8 (14)

Кишинэу
2016

CZU 082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

С 47

Решением Национального Совета по аттестации Республики Молдова (CNAА) № 151 от 21 июля 2014 г. журнал «Славянские чтения» зарегистрирован в качестве научно – теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, педагогики, искусствоведения (категория «С»).

Координатор издательских проектов Славянского университета - доктор философии, профессор **Бабенко О.А.**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ СУ:

- Млечко Т.П., доктор хабилитат филологии, профессор, ректор СУ – председатель РИСа СУ;
- Катан П.И., доктор хабилитат экономики, профессор, проректор по научной работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Репида В.Б., доктор истории, профессор, проректор по учебно-методической работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Дубровский А.Д., доктор истории, конференциар университетар, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой журналистики СУ;
- Жаравина Л.В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
- Лелис Е.И., доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;
- Самаль С.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Белорусского института правоведения;
- Шаклеин В.М. доктор филологических наук, профессор, Академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Горбачева Н.А., доктор педагогики, заведующий кафедрой славянской филологии - ответственный редактор
Дубровский А.Д., доктор истории, конференциар университет. декан гуманитарного факультета; заведующий кафедрой журналистики - зам. ответственного редактора
Балина И.В., доктор экономики, технический редактор
Рецензенты: **Волковская М.А.**, доктор педагогики, конференциар университет Института педагогических наук
Визитей Е.Б., доктор философии, конференциар университет Славянского университета
Сирота Е.В., доктор филологии, конференциар университет Бельцкого государственного университета.

Члены редколлегии:

Руднева Л.Н., доктор филологии, конференциар, Славянский университет;
Визитей Е.Б., доктор философии, конференциар, Славянский университет;
Жигзу Е.И., доктор психологии, конференциар, Славянский университет;
Балина И.В., доктор экономики конференциар, Славянский университет;
Квилинкова Е.Н., доктор хабилитат истории, конференциар, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы;
Цвик И.О., доктор педагогики, старший преподаватель, Кишиневский государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ; РМ;
Жаравина Л. В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
Лелис Е.И., доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;
Яроцкая Г.С., доктор филологических наук, доцент; Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова;
Бежанару Л.Е., доктор филологии, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации; Ясский государственный университет им. Ал. И. Кузэ

Статьи, публикуемые в журнале «Славянские чтения», отражают результаты исследований молдавских и зарубежных ученых в области литературоведения, языкознания, культурологии, философии, искусствоведения и дидактики. Тематически приоритетными для журнала являются исследования, связанные с функционированием в Молдове славянских языков, славянскими духовными и материальными составляющими культуры страны. В специальных разделах помещена информация о международных научных связях Славянского университета и других вузов Молдовы. В частности, журнал отражает деятельность Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Читатели могут познакомиться с новыми книгами по проблематике журнала, изданными в Молдове и за ее пределами.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Горбачева И.А.; пер. с англ. яз.: Бучкова О.Н.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. – К.: Славян. ун-т, 2016. (Tipogr. Asociației lucrătorilor instituțiilor de învățămînt slavone din Republica Moldova) – 20 cm. – ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857-4580.

(Вып. 8/14). – 2016. – 348 p. – Texte: lb. rom., rusă, ucr. – Bibliogr. la sfîșitul art. – 200 ex. – ISBN 978-9975-117-03-6.

082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

ISBN 978-9975-68-037-0

ISBN 978-9975-117-03-6

© Славянский университет, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....7

Мишаткина М.В. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ
СМЫСЛООРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ7

Валентинова О.И. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВНОГО
ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА22

Сулейманова Э.Д. ЭТНОСЫ В КАЗАХСТАНЕ: ЯЗЫКИ
БОЛЬШИНСТВА И ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ40

Дубровский А.Д. ПРАСЛАВЯНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ
КОМПЛЕКС: КОСТИША – КОМАРОВО - ТШИНЕЦКАЯ ..59

Дамьян Н.А. НАРОДНАЯ КУКЛА В ТРАДИЦИЯХ
ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (*НА ПРИМЕРЕ*
ОБРЯДОВЫХ КУКОЛ И КУКОЛ-ОБЕРЕГОВ)76

Луговская Е.Г. СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ В «СКАЗКЕ О ДОЖДЕ» БЕЛЛЫ
АХМАДУЛИНОЙ83

Зайковская Т.В. КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО
ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА97

Туницкая М.В. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО АСПЕКТА
КОНЦЕПТА «ТРУД» В ПОСЛОВИЧНЫХ КАРТИНАХ
МИРА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ КАК
ОТРАЖЕНИЕ ИХ МЕНТАЛИТЕТА112

Кожокарь И.В. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ
МОЛДОВА ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ..129

ФИЛОЛОГИЯ..... 139

Волкова И.И. ЭКРАН И ИГРА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
РАКУРС..... 139

Демченко Л.И. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ
ТОЖДЕСТВА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА . 154

Семикина Ю.Г. «МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ
КОНЦА XX- НАЧАЛА XXI ВЕКОВ 165

Снегирёв И.А. ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В
РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX
ВЕКА..... 176

Полежаева С.С. «СКАЗ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА И
Л.А. ФИЛАТОВА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ 188

Топор Г.Г. ОБРАЗ «ПАДШЕЙ» ЖЕНЩИНЫ И
СВОЕОБРАЗИЕ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНАХ Л.Н.
ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» И Т. ГАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ» 202

Захарова Л.М. ТИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
В РОМАНАХ АНАТОЛИЯ КОГАНА 220

Пазіна Н.В. КРИЛАТІ ВИСЛОВИ БІБЛІЙНОГО
ПОХОДЖЕННЯ В ТВОРЧОСТІ ЛІНИ КОСТЕНКО:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИЙ АСПЕКТ 234

ПЕДАГОГИКА 243

Шаклеин В.М. О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ИДЕАЛЕ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ 243

Паскарь Л.М. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.. 251

Ляшенко О.В. К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ С
РУМЫНСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ 262

<i>Микова С.С.</i> ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЛИНГВИСТИКА».....	270
<i>Цвик И.О.</i> НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИЛОЛОГОВ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ	277
<i>Сузанская Т.Н.</i> «ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	289
<i>Колесник Л.А.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД РОМАНОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЕМЫХ	297
<i>Лобанов А.Н.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ.....	304
РЕЦЕНЗИИ.....	314
<i>Дубровский А.Д.</i> ГРОСУЛ В.Я., СТАТИ В.Н., ПАСКАРЬ Е.Г. и др. «ИСТОРИЯ МОЛДОВЫ». Том I.....	314
ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ	324
<i>Млечко Т.П.</i> РУСИСТИКА В ХРОНИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОВОСТЕЙ	324
<i>Горбачёва Н.А.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 9. ПЛЮС»	329
<i>Сандульская Т.А.</i> ПОСВЯЩЕНИЕ В ГУМАНИТАРИИ	334
ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»	338
НАШИ АВТОРЫ.....	343

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ СМЫСЛООРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Мишаткина Мария Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования у выпускника современного вуза готовности к профессиональной деятельности в пространстве диалога культур. Автор раскрывает сущность готовности к диалогу как приоритетного свойства человека в глобальном мире, выделяет основные приемы создания педагогической ситуации, обеспечивающей опыт диалога, обосновывает необходимость придания диалогической ориентации всем структурным компонентам образования – содержанию, методам обучения, взаимоотношениям его субъектов. В статье выделяются и описываются основные критерии готовности выпускников современных вузов к диалогу с представителями различных культур и толерантному образу жизни.

Ключевые слова: *смыслоориентированное образование, межкультурный диалог, диалогически-развивающая ситуация, выпускник вуза, готовность к диалогу.*

THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE CONTEXT OF SENSE-ORIENTED EDUCATION

Abstract. The article is about the problem of forming the readiness of the modern university graduate for professional activities in the field of the dialogue of cultures. The author reveals the essence of readiness for the dialogue as the most important characteristic of a person in the global world, highlights the basic techniques of creation of the pedagogical situation which provides the experience of the dialogue, substantiates the necessity to attach dialogical orientation to all structural components of education- content, learning methods, relations between its subjects. The author discloses and describes the main criteria of readiness of modern university graduates for the dialogue with representatives of different cultures and tolerant way of life.

Keywords: sense-oriented education, the dialogue of cultures, the dialogical developing situation, university graduate, readiness for the dialogue.

Интенсивное и неуправляемое развитие цивилизации привело к глобальным проблемам, возникшим под влиянием геополитических, социально-экономических, экологических, техногенных и др. факторов. Нельзя также не признать, что состояние глобальных проблем в настоящее время достигло критической отметки. Глобальные кризисы стали прямой угрозой существованию человека как уникального биологического и разумного существа, а предотвратить свою гибель человек может только, существенно изменив свое мировидение, поднявшись на уровень диалога культур и диалогических отношений с природой и космосом. Воспитание человека, готового к диалогу с миром и видящего в этом смысл своего бытия, - приоритетная задача образования.

Диалог культур является сегодня не только формой существования самой культуры, но и единственно возможной формой существования разумного человека. Диалог противостоит двум крайностям в развитии культуры – ее деградации под влиянием глобальных процессов, которые насаждают усредненную безликую интернациональную культуру, основанную на универсальных потребительских ценностях, и ее изоляции как модели противодействия глобальным процессам. Предотвратить эти феномены может только человек, воспитанный на ценностях диалога как единственно возможной формы безопасного бытия человека.

Известный русский философ М.М.Бахтин считал, что только в диалоге культура приближается к пониманию себя самой, глядя на себя глазами иной культуры и

преодолевая тем самым свою односторонность и ограниченность. Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. По такому же закону развивается и самосознание человека: человеку для самообретения нужен другой человек! Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом. Диалог – это еще и способ существования и образования человеческих смыслов!

При такой диалогической встрече двух культур и двух смыслов они не сливаются и не смешиваются, каждый сохраняет свою целостность, но, что важно, они взаимно обогащаются.

Культурно-смысловое многообразие окружающей среды - важное условие для самопознания человека. Совершенно очевидно, что чем больше культур он узнает и чем больше языков выучит, тем лучше он поймет себя и тем богаче будет его духовный мир. Вот почему моделирование диалогической среды – сущностная черта современно понимаемого образования. Диалог культур — основа и важная предпосылка для формирования главного нравственного качества человека – его способности понимать другого человека, что проявляется в таких ценностях, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Способность людей к диалогу оптимизирует интеграционные процессы - усиление контактов, распространение двуязычия, обмен видами культурного опыта, а с другой - сопровождается усилением этнического самосознания и самооценности. Так, культура этноса обеспечивает его стабильность, что выражается в наличии специфических для данной культуры ценностей, норм и стереотипов поведения и закрепляется в самосознании этноса. Благодаря диалогическим отношениям успешнее

протекают процессы интеграции культур и социумов, например, в форме взаимодействия внутри страны или какого-нибудь крупного региона нескольких существенно различных по языку и культуре этносов, при котором у них появляется ряд общих черт, в частности формируются элементы общего самосознания, основанного на длительном хозяйственном, культурном взаимодействии, политических связях, но народы и культуры сохраняют свою самобытность.

Ситуация диалога культур задает новый контекст современного образования. Предметом нашего исследования в этом контексте стало современное международное университетское образование.

Становление современного специалиста происходит в образовательной среде, существенно отличной от того, что мы имели в недавнем прошлом. Университетское образование сегодня обладает качественно новыми характеристиками.

Содержанием образования является не адаптированный культурный опыт, а материал, находящийся в пограничной области между собственно наукой и инновационной практикой (т.е. материал университетского образования носит характер актуальных моделей, прогнозов, гипотез, последних вариантов ответов на актуальные вопросы практики и науки; он выступает как инструмент разработки новейших технологий для различных областей практики).

Университетские профили и специализации не тождественны профессиональным структурам. В университете изучается в строгом смысле не профессия, а фундаментальные научные основания деятельности в различных социокультурных областях: в науке, производстве, образовании, своего рода, универсумы,

которые опережают те профессиональные технологии, которые уже сложились в практике. Поэтому университет, образно говоря, готовит не к профессии, а к своеобразному опережению профессиональной реальности, к инновационному развитию определенных профессиональных сфер.

Специфика содержания университетского образования состоит в обеспечении связи между новейшими достижениями науки и инновационными практиками, между национальными и глобальными научно-образовательными ресурсами. Это обуславливает и специфику университетского образовательного процесса, который перестает быть в узком смысле слова учебным процессом, а становится научно- и культурно-образовательным. Студент в прямом и переносном смысле включается в добывание, разработку содержания своего образования – знаний, исследовательского и практического опыта.

Современный университет должен обеспечить значительный блок надпрофессиональных компонентов образования. Это - знание иностранных языков, экономическая, политическая, этническая, коммуникативная и компьютерная культуры, владение основами теории информации и управления.

К надпредметному блоку университетского образования, вероятно, следует отнести и те, принятые Советом Европы, ключевые компетенции как признаки европейской образованности, которые обозначены словами: «изучать, искать, думать, сотрудничать, приниматься за дело, адаптироваться».

Организация университетского образования должна быть такова, чтобы студент не оказался «рассыпанным» на части «попредметной специализацией». Целостность университетского образования обеспечивается не только

интегрированными метапредметными модулями, но и концептуальным единством научной школы, в рамках которой происходит становление специалиста.

В основе современных образовательных технологий высшей школы сегодня лежит ситуация становления компетентности, которая, если обобщить международный опыт, предполагает определенный контент диалогичности:

не трансляцию, а совместное приобретение знаний;

не только решение поставленных задач, но и самостоятельную постановку новых задач;

акцент не столько на знании, сколько на способе диалогического мышления (получения знаний);

не просто ответы на вопросы, а постановку вопросов, обращение за советом к мастеру;

не простое воспроизведение, а классификацию и свертку информации в удобные для себя базы данных;

не изложение взглядов других, а умение занимать и выражать собственную позицию;

не слепое выполнение учебных указаний, а определение собственной образовательной траектории;

понимание знания не как вечной истины, а как модели, которая имеет ограниченное применение и различные альтернативы;

самоподготовку не к устойчивой стабильной жизни, а к непредсказуемым ситуациям, к смене ролей, к принятию иных ценностей и диспозиций;

не послушную адаптацию к жизненным обстоятельствам, а сохранение и развитие в диалоге собственной индивидуальности;

Подготовленность специалиста определяется не тестированием, а рыночной эффективностью исследовательских проектов, умением убеждать партнеров и клиентов в ценности своего продукта!

Доминирующими стратегиями обеспечения качества образования выступают такие, которые ставят студента в позицию субъекта собственного образования. К этим стратегиям или подходам сегодня надо отнести задачный, контекстный, проектный, профильный, имитационно-игровой, диалогический подходы, метод практических ситуаций и др.

Выпускник современного вуза должен принять диалогический смысл и образ жизни, который отличается открытостью всему новому, интересом к другому человеку и иной культуре, потребностью в непрерывном общении и самообновлении, в неустанном самосовершенствовании, в оппозиционности ко всякому лжепрогрессу, псевдонауке, бездуховности, тирании, подавлению инакомыслия.

Университет в современном понимании становится не просто учебным заведением, а генератором инноваций, сотрудничества народов и культурного прогресса. Именно такую миссию на протяжении многих десятилетий выполняет Российский университет дружбы народов.

Формирующемуся в современном обществе молодому человеку необходимо овладеть *социально-адаптирующей деятельностью* – соблюдением социальных законов, норм, условий общественной безопасности, отношением к власти, исполнением гражданских кодексов, в том числе касающихся отношений к семье, детям, лицам с ограниченными возможностями, представителям других культур как единого мира человека.

Диалогическое воспитание всегда имеет духовный подтекст как воспитание способности возвыситься над обыденным, меркантильным, над телесной самостью, когда содержание и метод познания открывают студенту высокие полеты человеческого духа, поскольку без нравственных усилий, без жертвенности, без преодоления

собственный заблуждений нельзя открыть новые направления в науке, искусстве, политике, технологии, педагогике. Диалогичность формируется как антипод обыденности и посредственности. Человек диалогический почти всегда испытывает неприятие со стороны людей, привыкших следовать в фарватере общепринятых мнений и эгоцентрических жизненных стереотипов.

Воспитание диалогичности направлено на становление *человека вообще*. Осваиваемая при этом диалогическая позиция как нравственная норма – это не инструкция, а некий жизненный принцип, рассчитанный на творческое применение. Эта норма - не формула, которую можно взять из учебника, поскольку она однозначно на все случаи жизни нигде «не прописана». Она вырабатывается самим формирующимся специалистом, становясь его собственной жизненной нормой, внутренним стандартом жизни. Преподаватель при этом не инструктирует студента, а скорее, вводит его в ситуацию переживания, подводит к адекватным нравственным выводам в диалоге с самим собой, побуждает к принятию жизненной цели, союзничеству и дружбе в отношениях с его наставником. Воспитание успешно, когда и педагог и студент находятся в диалогической среде, и оба переживают потребность в напряженно-активной творческой жизнедеятельности, во встрече друг с другом.

Любое образование, к чему бы оно ни «готовило» человека, должно обеспечить развитие его готовности к диалогу с другой личностью – носителем иной культуры, иначе оно не гуманно, не человекообразно!

Будущий специалист выступает субъектом взаимодействия с какой-то областью культуры, преобразует ее в некоторые личные нормы поведения и

начинает следовать им. Социальная норма будет «усвоена», если индивид сам придет к пониманию ее значения, сам для себя решит, почему он должен быть честным, ответственным, компетентным в отношениях с другими людьми.

Идея смыслоориентированного образования опирается как на классические модели развития личностной сферы воспитанника - концепции интериоризации поведенческого образца и «сдвига мотива на цели деятельности», генерализации, так и на современные учения о смыслообразовании, событийности, «внеситуативной активности» личности, понимания и диалога.

Событие как ведущий стимул саморазвития личности – это всегда новый диалог как источник нового личностного опыта, обновления горизонтов мира. Событие для личности - встреча с иной культурой, которая затрагивает, трансформирует прежние стереотипы мышления и поведения, развивает их.

В качестве основных приемов создания педагогической ситуации, обеспечивающей опыт диалога, нами выделены: сам *педагогический диалог* с воспитанником, под которым нами понимается такой образ взаимодействия воспитанника с педагогом, при котором он чувствует себя в психологической безопасности и потому готов к откровенному общению с преподавателем.

Второй прием – это *вхождение преподавателя в контекст* проблем воспитанника (учебных, жизненных, коммуникативных и др.) и принятие его как личности вне зависимости от его взглядов.

Третье действие педагога – вероятно, самое сложное в данной системе, это - *побуждение воспитанника к поступку*, к усилию над собой, к преодолению стереотипов, привычных взглядов и форм

поведения. Поступок – квинтэссенция внутреннего диалога! Поступок, по М.М.Бахтину, субстанция всех проявлений личности, сама жизнь которой – непрерывный поступок, а, значит, и непрерывный диалог с другим.

Четвертое действие педагога в диалогически-развивающей ситуации - это *поддержка воспитанника*. Личность устроена так, что из всех форм воздействия на нее она приемлет только одну – поддержку! Даже если мы хотим исправить что-то негативное в человеке, все равно вначале надо поддержать, проявить доверие, вселить в него уверенность. Поддержка является следствием диалогичности, взаимоустремленности участников данной ситуации. Суть педагогической поддержки - в актуализации внутренних ресурсов личности, сил ее саморазвития.

Неадекватное принятие будущим выпускником вуза *смысла* своей профессиональной деятельности может сделать деятельность неэффективной или даже невозможной. Нарушение смысловой адекватности особенно вредно для творческих видов деятельности. Если в какой-то мере без особого желания можно управлять станком, то заниматься наукой, искусством, педагогикой, социальной работой, управлением человеческими общностями, если эти виды деятельности не становятся сферой жизненного смысла и самоопределения для исполнителя, просто невозможно. Это будет не просто безуспешно, а приведет к вырождению деятельности: подготовленный в вузе педагог превратится в урокодателя. Смысл будущей профессии как раз и состоит в возможности диалога с другими людьми!

Одна из главных загадок природы и социума – *становление человека субъектом своей жизнедеятельности*. Обучая будущего профессионала

управлять собой, принимать решения, выполнять задуманное, преподаватель формирует у студента не только профессиональный опыт, но и опыт *быть личностью*, создает среду, в которой именно нравственные ценности, ориентация на благо другого обретают для будущего специалиста личностный смысл.

Духовно и интеллектуально бедный преподаватель просто не сможет найти нужных решений, а если и «прочитает» про них где-то, скажем в Интернете в готовом виде, то вряд ли сможет реализовать. Словом, и теория и практика в педагогике – гуманитарны, т.е. субъектозависимы, обусловлены личностью педагога, «заражающего» ученика опытом диалога с миром.

Важнейшие факторы качества высшего образования, несмотря на все стандарты, аттестации, информационные технологии и проч., в конечном счете, это: *кто, чему и как обучает* в этом университете и *кто и как в нем учится!* Отсюда стратегия управления качеством – это развитие научных школ и авторских систем научно-педагогической деятельности преподавателей и субъектной позиции студента, при которой основным мотивом и содержанием его учебной деятельности становится профессиональное саморазвитие. Среда университета, в которой разворачиваются диалоги научных школ, - это своего рода норма для становления будущего специалиста.

Учебная деятельность, ориентированная на общение и диалог, т.е. социально- и коммуникативно-организованная деятельность студента, согласно концепции директора Института психологии РАО В.В.Рубцова, становится решением задачи, в которой знание выступает предметом поиска и ориентиром, схемой совместного решения.

Отличие этого от традиционной задачной ситуации в том, что она не построена по принципу: «дано – требуется найти (доказать)». В ней чаще всего дана не искусственная структура (конструкция абстракций – понятий, правил, величин), а фрагмент бытия, реальности, содержащий вопрос, невыявленную закономерность, жизненную ситуацию, требующую преобразования, общения с экспертами. Такая задачная ситуация вызывает самые разные ассоциации у обучающегося – не только познавательные, но и мировоззренческие, духовно-нравственные, в форме, например, ответственности человека за космогенез, соучастником которого он уже давно стал. Или в форме вопроса: зачем это нужно знать, каков смысл моего познания?

Современное высшее образование ориентирует студента на овладение деятельностями до уровня их компетентного исполнения. На первое место, как нам представляется, нужно поставить деятельность *коммуникативную* - общение с Другим, диалог культур, обретение человеческого начала от другого человека, воздействие на другого в рамках меры, нравственности, адекватности применяемых средств.

Кризис человека и любого социума наступает тогда, когда мир меняется, а мы мыслим по-старому. Преобразующие силы человека, его субъектная позиция в мире выросли настолько, что учить и воспитывать его по-старому стало просто невозможно.

В чем суть постнеклассической парадигмы современного мышления? Исходным ее посылом является то, что мир не только познается, но и конструируется человеком! В чем это выражается конкретно в сфере образования? Например, традиционно понимаемый принцип научности предписывал включать в содержание

образования известное устоявшееся знание – факты и теории. В результате у учащихся формировалось представление о незыблемости результатов познания. Необходимо, как считают эксперты, преодолеть темпоральную асимметрию – обращенность образа культуры в прошлое, незыблемое. Это не соответствует культуре современного человека, для которого исчезла иллюзия устойчивости и гармоничности мира и прошлое само по себе перестало быть однозначно понимаемой надежной опорой. Парадигма постмодерна решительно заявляет об отсутствии абсолютно объективного и абсолютно доказанного знания, о принципиальной неустранимости неопределенности и субъективности. Познание мира становится фактически диалогом с ним и с представляющим его Другим человеком!

Парадигма диалога меняет представление и о целостном подходе в образовании. Методом реализации целостного подхода должно стать не выдвигание «единственно верных», «объединяющих» идей, а синтез знаний о реальности, получаемый в результате наложения на нее «сетки различных подходов», ее едино-различное, целостно-расчлененное, словом, диалогическое видение.

Что можно считать отступлениями от целостного подхода при построении педагогического процесса? К таковым можно отнести:

- редуционизм в теориях и практиках образования;
- сведение многообразия культуры к «значимым сегодня» элементам, без ориентации на все «вектора времени»;
- ситуации, когда создается «кажимость» педагогической реальности;
- формальное исполнение стандарта, когда деятельность обучаемых подменяется «работой», т.е. акцент делается на практический результат, а не на смысл

и новообразования в личности; происходит изоляция педагогических исследований и практик от других областей мира человека и от других наук о человеке, а нередко и игнорирование их;

- корпоративность образования вместо открытости его всем культурам и прогрессивным общественным интенциям;

- поверхностное представление о специфике культурного (или субкультурного) мира современной молодежи, способности молодых людей опережать взрослых в усвоении «цифрового», коммуникативного и других видов опыта.

Вершина культурного опыта современно воспитанного человека – принятие им духовных и даже эстетических смыслов бытия. Человек призван сделать мир прекрасным! В этом контексте высшее проявление целостности культурного опыта индивида - стремление сделать мир не только разумным, но и прекрасным, т.е. утверждающим человеческое в человеке. Одно из таких человеческих отношений к миру – это стремление преобразовать его по законам красоты, а утверждение таковой сделать смыслом собственной жизни. Можно предположить, что образовательный процесс, утверждающий истинно человеческое в человеке, сродни художественному произведению и является эстетическим феноменом. А этот феномен всегда гармоничен и целостен!

В традиционном знаниево-ориентированном обучении предметом рефлексии преподавателя и студента является знание, способ действия. Студента, не сумевшего решить задачу, обычно просят рассказать, *как он думал*. Работа же с личностной сферой предполагает другой вопрос – *о чем он думал?* Что являлось действительным

предметом его дум и переживаний в данной жизненной ситуации? Какие смысловые установки открылись ему в его внутреннем диалоге?

Если при традиционном подходе обучающий и обучаемый сосредоточены на том, как происходит данное явление, то в условиях реализации гуманитарной парадигмы доминирует вопрос: *зачем мне надо это знать и что я с этим знанием буду делать?* В этой, казалось бы, небольшой детали и состоит суть *парадигмального смещения*, которое должно произойти, когда мы переходим к постнеклассической гуманитарной и диалогической модели образования.

Задачи и упражнения, стимулирующие развитие у студентов готовности к межкультурному диалогу, формируют у студентов толерантное восприятие собеседника, умение критически анализировать его и свои ценности, эмоционально взаимодействовать друг с другом; умение выдвигать, аргументировать и оспаривать гипотезы по поводу оценки ценностей. Важно помочь студенту выработать систему жизненных смыслов, чувство ответственности за ход и результат диалога; развивать умение передавать друг другу лично-значимые ценности, сформировать системные знания по предмету, умения самостоятельного творческого выявления проблемы в учебном материале. Так же необходимо отметить, что диалог имеет основные критерии: объективная проблемность, присущая учебному материалу, данной теме; субъективно переживаемая ситуация, затрагивающая значимые для личности ценностные сферы; интерес субъектов учебной деятельности к содержанию и процессу диалога, друг к другу; принципиальная независимость от догм и свобода диалога как способа реализации духовных потребностей человека; готовность студентов к поиску смысла присутствующих в материале предмета ценностей.

Подводя итог, еще раз подчеркнем: формирование у выпускника современного вуза готовности к построению своей жизни и профессиональной деятельности в пространстве диалога культур предполагает придание диалогической ориентации всем структурным компонентам образования – и целям, и содержанию, и психологическим механизмам его усвоения, и технологиям обучения, и способам оценки достижений обучаемых. Из высшей школы должен выходить инициатор и носитель диалога культур!

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Белова С.В. Педагогика диалога: Теория и практика построения гуманитарного образования. М., 2006
3. Бермус А.Г. Управление качеством профессионально-педагогического образования. Ростов н/Д., 2002.
4. Бондаревская Е.В. Культурно-антропологический статус личностно-ориентированного образования. Методологическая сфера образования: современные научные подходы / Е.В. Бондаревская. Ростов н/Д., 2007.
5. Сериков В.В. Развитие личности в образовательном процессе. М., 2012.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВНОГО ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

***Валентинова Ольга Ивановна**
доктор филологических наук, профессор
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию десакрализации как основного вектора исторического изменения семантической структуры русского литературного языка. Понимая под десакрализацией отвлечение высокого знака от высокого смысла, автор приходит к

выводу, что по отношению к истории русского литературного языка это явление необходимо признать обусловленным типологически особенной языковой ситуацией — диглоссией, в которой происходило зарождение и формирование русского литературного языка.

Ключевые слова: десакрализация, семантическая структура, русский литературный язык.

**CULTURAL AND HISTORICAL REASONS OF
DESACRALIZATION AS THE MAIN VECTOR OF
DEVELOPMENT OF THE SEMANTIC
STRUCTURE OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE**

Abstract. The article is devoted to substantiation of desacralization as the main vector of historical changes of the semantic structure of Russian literary language. Understanding desacralization as a disjunction between the high sign and the high meaning, the author comes to the conclusion that in relation to the history of the Russian literary language it is necessary to recognize this phenomenon caused by the typologically special language situation of diglossia in which there was the emergence and formation of Russian literary language.

Keywords: *desacralisation, semantic structure, Russian literary language.*

За полутысячелетие до эпохи Реформации, одним из результатов которой в области духовной культуры стали переводы Священного Писания на европейские языки (из них самый известный - перевод Библии на немецкий язык, сделанный профессором Виттенбергского университета Мартином Лютером) и отказ от ведения богослужения на латыни в пользу богослужения на понятных пастве живых европейских языках, в первом государстве восточнославянских язычников - Киевской Руси - христианство сразу было воспринято на языке, в той или иной мере понятном всем слоям общества. Этот язык - староцерковнославянский, или старославянский - стал общеславянским литературным языком эпохи праславянского единства [2, 168]. Через старославянский

язык, а потом через русский извод церковнославянского языка восточные славяне, формировавшиеся вне влияния великих античных культур, стремительно - с исторической точки зрения - воспринимают одну из самых высоких культур в истории человечества - византийскую культуру и выходят на новый уровень развития: «Народы проявляют степень своей цивилизации также в том, насколько они умеют воспринимать и развивать дальше то, что создали другие» [1, 461].

Высочайшая степень структурной и семантической близости языка церкви и древнерусского языка привела к возникновению в Киевской Руси языковой ситуации, особенности которой особенно рельефно обнажаются в понятии диглоссии: речь идет о такой ситуации, когда две языковые системы, находясь в отношениях дополнительной дистрибуции, воспринимаются как один язык внутри языкового коллектива, а сторонними наблюдателями оцениваются два языка [3, 25; 4]. Особенности сложившейся в Киевской Руси языковой ситуации спровоцировали появление известной полемики и о происхождении русского литературного языка - то ли из церковнославянского, то ли из древнерусского, примиренной в концепции В.В. Виноградова о двух типах древнерусского литературного языка - книжно-славянском и народно-литературном. Опорное значение церковнославянского языка в формировании русского литературного языка сообщает затянувшейся полемике весьма условный научный характер, а преодоление этого значения, находящееся в отношениях взаимозависимости от меры обмирщения сознания, определит вектор функциональной перефокусировки субстанциональных для средневекового периода конструктивных приемов построения текста при переходе от Средних веков к

Новому времени и на тысячелетие вперед определит вектор изменения семантической структуры русского литературного языка. И вектор этот - десакрализация.

Десакрализация выразится в изменении принципа соотношения знака и значения. Характер соотношения церковнославянской и древнерусской стихий в эпоху становления древнерусского литературного языка - невозможность пересечения в одних и тех же контекстах - обусловил этическую целостность древнерусского слова, исключаящую покрытие духовного и профанного содержания одной и той же буквенно-звуковой последовательностью, одним и тем же знаком.

Принцип же соотношения знака и значения может измениться только в контексте. На смену контекстам, закрепляющим свойственный русскому средневековью принцип соотношения знака и значения, придут смыслоизменяющие контексты. Опередив почти на полтора столетия появление контекстов, бесповоротно разрушивших семантическую структуру средневекового слова, смыслоизменяющие контексты в сочинениях протопопа Аввакума запечатлеют трагедию русского общества эпохи раскола. Новый смысловой вектор не лежит на поверхности в созданных протопопом текстах. Наряду с «живой народной речью» в произведениях протопопа исследовательское сообщество отмечает и использование протопопом церковнославянского языка, и библейских образов, и характерных для средневековой книжности приемов разрешения мысли. Однако и церковнославянские элементы, и библейские образы, и характерные для богословской культуры конструктивные принципы построения текста в сочинениях протопопа Аввакума изменили функцию, а значит, хорошо узнаваемая форма стала намекать уже на новое содержание:

Библейские образы, через которые, как через эталоны понимания, в средневековой богословской культуре объяснялась новейшая жизнь, в сочинениях протопопа утрачивают канонический герменевтический статус. Символическая сила и интерпретационная значимость сравнивающей части сравнения, которая в религиозной литературе категориально закреплялась за фактами библейской истории, в текстах протопопа сообщается фактам современной жизни. Образы сравниваемой и сравнивающей частей поменялись местами. Изменив место в структуре сравнения, они изменили функцию. А изменив функцию, изменили значение. В результате свершившейся семантической трансформации события нового времени обрели значимость несопоставимо более высокого порядка, чем события библейские:

Кому охота венчатца, не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилон («Житие протопопа Аввакума»);

Не по што в Персы идти пеши огненныя искать, но Богъ даль дома Вавилон, въ Боровске пець Халдейская («Книга бесед»).

Трансформационные контексты в сочинениях протопопа возникают и тогда, когда взятые из разных сфер жизни - духовной и обыденной - однокоренные слова ставятся в синтаксически подобную позицию и, благодаря обладающим смыслопреобразовательной силой синтаксическим условиям, оказываются в семантических отношениях взаимозаменяемости:

Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил; Книгу Кормъчию дал прикацику, и он мне мужика кормщика дал («Житие протопопа Аввакума»).

Так образуются каламбуры. Синтаксически вынужденная семантическая взаимозаменяемость

духовного и обыденного приводит к десакрализации высоких смыслов

«Игра слов» использовалась в образцовой средневековой литературе. В том числе и в жанре жития, в уподобление которому Аввакум написал свое житие, из которого мы и взяли эти два примера. Но в образцовой средневековой литературе предназначение того, что мы сейчас называем по-светски «игрой слов», было иным: «игрой слов» автор выводил читателя на духовные смыслы, недоступные поверхностному взгляду: *«Иже епископ» «посетитель» наричетс#; и посетителя посетила смерть»*, - напишет Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского». Опираясь на этимологию греческого слова *episkoros* 'посетитель', агиограф создает перифрастическое выражение *посетила смерть*, не просто заменяющее слово «умер», но вытесняющее представление о том, что со смертью оканчивается жизнь.

XVIII век трансформационных контекстов не дал. Смещение генетически высокого и низкого не привело к изменению семантической структуры слова. Контексты, окончательно разрушившие средневековое слово, изменившие самый принцип соотношения знака и значения, сформировавшие смысловыразительную стихию, получившую в дальнейшем название «современного русского литературного языка», хотя точнее было бы говорить о светском литературном языке, будут созданы А. С. Пушкиным.

Показателем изменяющегося сознания - от средневекового к светскому - станет семантическая трансформация не каждого церковнославянского слова, а этически значимого, в котором отражается христианская мысль о различении добра и зла. Критерием выделения таких слов окажется значение, а не внешние -

фонетические и морфологические - церковнославянские приметы.

В лицейском стихотворении 1815 года, которое было написано Пушкиным как ответ на напечатанное А. А. Дельвигом в «Российском музее» восторженное послание «Пушкину», выражение *лукавый духовник* - часть перифрастического обращения к другу - остается на смысловой периферии стихотворения: не Дельвиг и его поэтическое дарование оказывается смысловым центром стихотворения Пушкина, а творческое призвание самого автора.

Но оставаясь на смысловой периферии стихотворения, выражение *невинных муз лукавый духовник* повреждает эпицентр высоких смыслов русского литературного языка, хотя общее значение этого выражения, обозначающего всего-навсего поэта, лежит, на первый взгляд, вне этики: 'тот, веселый и игривый, кому вдохновение доверяет свои секреты'.

Историческая значимость созданных Пушкиным контекстов определяется не эстетической ценностью возникающей поэтической действительности, а мерой повреждения семантической организации средневекового литературного языка. Вхождение в единое пространство создаваемой Пушкиным поэтической действительности образов, восходящих к античности, и образов, связанных с христианской культурой, - лишь условное проявление обмирщенного мировосприятия. Связь этих литературных образов с первообразами одинаково условна, и потому их взаимодействие, оставаясь фактом поэзии, не становится фактом литературного языка. Взятые из разных временных и мировоззренческих пластов истории человечества, они равно оказываются показателями и эрудиции автора, и шаблонности художественного мышления. На изменение

семантической организации русского слова окажет влияние не взаимодействие образов на композиционном уровне (музы - духовник), а линейное взаимодействие слов (лукавый духовник, духовник муз).

Свидетельством свершившейся трансформации сознания русского человека станет тот разрыв знака со значением в слове *духовник*, который достигается соединением вырванных из этических противоположностей сущностей - духовник и лукавый. Предельная мера синтаксической зависимости в согласовании обеспечивает предельную интенсивность смыслового напряжения, которое - при сочетании высокого и пагубного - оборачивается жестко направленной трансформацией высокого слова: низкое сохраняется, высокое разрушается.

Порождаемые поэтом контексты меняют не только семантическую структуру слова в силу формирования в условиях нового контекста новых значений, а меняют самый принцип организации семантической структуры русского слова. Знаком, который ранее связывался только с высоким значением, можно будет потенциально обозначать все что угодно - от нейтрального до низменного. Светское сознание снимает остроту этической оценки: в производных значениях светское сознание либо редуцирует этическое начало, либо отвлекается от него. В конечном счете в творчестве Пушкина будут семантически трансформированы все слова церковнославянского происхождения, определяющие смысловой центр христианства. И с изменением семантической структуры этих слов изменится принцип организации семантической структуры всего литературного языка. Независимо от того, будут ли потом возобновляться в текстах Пушкина или текстах других авторов первичные (сакральные) значения или нет, изменится ли мировоззрение самого автора или

сохранится, высокое значение перестанет быть единственным, а станет лишь одним из возможных значений некогда сакрального знака. В творчестве «основателя современного русского литературного языка» окончательно умрет средневековое слово. Разрушение средневекового принципа соотношения формы и содержания приведет к тому, что знак станет условным. Носитель такого языка будет произвольным носителем светского сознания.

Необходимо отметить, что далеко не всякое, даже очевидное, кощунство влияет на изменение семантической структуры литературного языка:

*«На этих днях, среди собора, // Митрополит, седой
обжора, // Перед обедом невзначай // Велел жить долго
всей России // И с сыном птички и Марии // Пошел
христосоваться в рай...»*

То, что в написанном в 1821 году стихотворении Святой Дух, символически изображаемый в образе голубя, «первый русский поэт» называет птичкой, а Богочеловека - сыном птички и Марии, иначе как кощунство нельзя расценить. Но на изменение семантической структуры русского литературного языка повлияют не эти вызывающе скандальные выражения, а находящееся в пределах ближайшего контекста и кажущееся, на первый взгляд, гораздо более мягким проявлением антирелигиозности перифрастическое наименование смерти - *пойти христосоваться в рай*. В этом перифразе сакральное значение христосования (троекратного целования и приветствия «Христос воскрес!» - «Воистину воскрес!» в знак поздравления с Пасхой, праздником победы над абсолютным злом, смертью) будет замещено смысловым антиподом. Кощунство, обнаруживающее себя на образном или сюжетном уровне (*с сыном птички и*

Марии), действительно лишь в пределах категории поэтического. Кошунство, укорененное на языковом уровне (*пойти христосоваться в рай*), а значит, меняющее семантическую структуру высокого (сакрального слова), может выйти за пределы поэзии, войти в семантическую действительность литературного языка во всей его целостности и определять сознание всех носителей этого языка, а не только читателей поэта. Это же стихотворение Пушкина, обращенное к В. Л. Давыдову, дает примеры смысловой трансформации предельно сакральных слов - *евхаристия, воскресение, спасение, причащение*:

«Вот евхаристия другая, // Когда и ты, и милый брат, // Перед камином надевая // Демократический халат, // Спасенья чашу наполняли // Беспенной, мерзлую струей // И за здоровье тех и той // До дна, до капли выпивали!.. // Но те в Неаполе шалят, // А та едва ли там воскреснет... // Народы тишины хотят, // И долго их ярем не треснет. // Ужель надежды луч исчез? // Но нет! — мы счастьем насладимся, // Кровавой чаши причастимся — // И я скажу: Христос воскрес».

Контексты - формирующие этически нейтральные светские значения (*евхаристия* 'основное занятие, главное дело', *воскресение* 'возвращение, повторение, возрождение') первоначально сакрального слова или значения этически зеркальные (*причастится* 'приобщиться к чему-то кровавому: восстанию, мятежу, революции') - равно подорвут прежний принцип организации семантической структуры русского слова.

Революция вовлечет в явление десакрализации этически нейтральные слова церковнославянского происхождения, сообщая им отрицательные значения. Но эти явления, носившие субъективно-волевой характер, не меняли уже сложившегося принципа соотношения знака и значения.

Вектор же смыслоизменяющих контекстов, созданных Аввакумом и Пушкиным, несмотря на высочайшую меру исключительности каждой из этих двух личностей, был объективно неизбежным, predetermined культурно-историческими основаниями, отсылающими нас к X веку: особым характером соотношения церковнославянского и древнерусского языков, сложившимся в Киевской Руси. «Анализируя ареалы распространения диглоссии, можно прийти к выводу, что эта ситуация имеет место там, где возникновение книжной культуры было связано с религиозным просвещением. Диглоссии не возникало там, где культурная и литературно-языковая традиции предшествовали проповеди новой религии» [3, 30]. Обмирщение сознания в такой ситуации не могло не сопровождаться десакрализацией семантической структуры высокого слова.

С обмирщением сознания десакрализации будут подвергаться и архетипические принципы построения средневекового текста. Прежде всего те, онтологическая обусловленность которых считается в боговдохновенных текстах. Так, онтологическая необходимость параллельных конструкций вытекает из заданного в Новом Завете, в седьмой главе Послания к евреям необходимости соотнесения контекстов Ветхого и Нового Завета как базового принципа понимания, а значит и установления значения, образов и событий Ветхого Завета.

Но если в образцовых средневековых текстах параллельные конструкции будут способом намекания на символические значения, свидетельствующие о действительности невидимого мира, то с обмирщением сознания параллельные конструкции, узнаваемо

насыщенные образами и сюжетами Священного Писания, изменят свою функцию и станут уже средством убеждения.

В «Слове о законе и благодати» будущего киевского митрополита Илариона параллельные конструкции приводят в отношения уподобления события Ветхого и Нового Заветов.

Заклученный в юности брак Авраама со свободной Саррой уподобляется существующему «прежде всех век» замыслу Божию послать Сына своего в мир:

Яко Авраамъ убо от уности своеи Сарру имѣ жену си, свободную, а не рабу, //

И Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и тѣмъ благодѣти явитися».

Житейской ситуации таким сопоставлением приписывается внесюжетный символический смысл: мысль о предначертательной силе брака, равной предмирному замыслу Божию о Сыне.

Промысел Божий о Сарре, думающей, что она бесплодна, но родившей в старости, уподобляется неведомому ни ангелу, ни человеку промыслу Божию о кончине века:

Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды. Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ Божиимъ промысломъ на старость родити. // //

Безвѣстная же и таинаа прѣмудрости Божии утаена бяху ангель и человекъ, не яко неявима, нѣ утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися

Решение бездетной до времени Сарры послать мужа к своей рабыне, чтобы рабыня родила ребенка, соотносится с пониманием преждевременности боговоплощения и дарования заповедей в ожидании будущего:

Сарра же глагола къ Аврааму: «Се заключи мя Господь Богъ не раждати, вълъзи убо къ рабѣ моеи Агари и родиши от неѣ. //

Благодѣть же глагола къ Богу: «Аще нѣсть врѣмене сънѣти ми на землю и спасти миръ, съниди на гору Синаи и законъ положи».

Соитие Авраама с рабыней соотносится с явлением Бога Моисею на Синае:

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и вълъзе къ рабѣ еѣ Агарѣ. //

Послуша же и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи.

Рождение сына от рабыни соотносится с получением Моисеем заповедей Божиих на горе Синай:

Роди же Агаръ раба от Авраама, раба робичишть, и нарече Авраамъ имя ему Измаиль. //

Изнесе же и Моисѣи от Синаискыя горы законъ, а не благодѣть, стѣнь, а не истину.

Явление Бога престарелым Аврааму и Сарре у Мамврийского дуба соотносится с непорочным зачатием Девы Марии:

По сихъ же уже стару суцу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣд дверьми кушкѣ его въ полудне у дуба Мамъвриискааго. Авраамъ же текъ въ срѣтение ему поклонися ему до землѣ и приятъ и в кушту свою. //

Вѣку же сему къ коньцу приближающуся поштитъ Господь чловѣчьскааго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвици вѣходя. Приятъ же и Дѣвица съ поклоняниемъ въ куцу плѣтяную, не болѣвши, глаголющи ти къ ангелу: «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему

Рождение же обещанного младенца – сына Авраама и Сарры соотносится с боговоплощением, рождением Христа:

Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина, и, заченьши, роди Исаака, свободьнаа свободьнааго. //

И причесхивъшу Богу челоувчьска естества, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодѣть, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ.

Взросление Исаака соотносится с крещением Иисуса в Иордани (перед Его первой проповедью), которое сопровождается гласом с небес. И пир, который устроил Авраам в честь взросления сына (отнятия от груди), соотносится с радостью соединения небесного с земным через боговочеловечивание:

И ако отдоися отрочя Исаакъ и укрѣпль, сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его. //

Егда бѣ Христос на земли, и еще не у ся благодѣть укрѣпила бяше, нѣ дояшеся, и еще за 30 лѣтъ, въ ня же Христоръ таяшеся. Егда же уже отдоися и укрѣпѣ и явися благодѣть Божиа всѣмъ челоувкомъ въ Иорданьстѣи рѣцѣ, сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ упитѣнным от вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ своимъ Иисусом Христомъ, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и челоувкы.

Просьба Сарры, обращенная к Аврааму, изгнать Агарь и Измаила, обижающего Исаака, соотносится с мольбой христиан изгнать из Иерусалима обижающих их после вознесения Христа иудеев – сынов закона:

По сихъ же видѣвши Сарра Измаила, сына Агариина, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и ако приобидѣнъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ

Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабыниъ сына свободныа». //

По възнесеніи же Господа Исуса, ученикомъ же и инѣмъ въѣровавшиимъ уже въ Христа сущемъ въ Иерусалимѣ, и обоимъ съмѣсь сущемъ, иудеомъ же и христіаномъ, и крещеніе благодатное обидимо бяше от обрѣзаниа законнааго, и не приимаше въ Иеросалимѣ христіаньскаа церкви епискупа необрѣзана, понеже, старшише творящеса, сущи отъ обрѣзаниа насиловааху на хрестианыа, рабичишти на сыны свободныа, и бывааху между ими многы распрѣ и которы. Видивши же свободнаа благодѣть чада своа христіаныи обидимы от иудѣи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ Богу: ««Отжени иудѣство и съ закономъ расточи по странамъ, кое бо причастіе стѣню съ истинюю, иудѣству съ христіаньством»».

Наследованіе Исаака Аврааму соотносится с наследованіем христіанами Божіей истины: *И отенана бысть Агаръ раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысѣ Аврааму, отцу своему.* //

И отенани быша иудѣи и расточени по странам, и чяда благодѣтнаа христіаныи наслѣдници быша Богу и Отцу

Результатом такого уподобленія станет наделеніе каждаго сюжетнаго шага исторіи об Аврааме и его сыновьях символическим значеніем:

- брак Авраама и Сарры получит символическое значеніе (символизирует) ‘*замысла Божія послать Сына в мир*’;
- бездетность Сарры до времени символизирует преждевременность боговоплощенія;

- решение бездетной до времени Сарры послать мужа к рабыне, чтобы та родила ребенка, символизирует дарование Заповедей в ожидании боговоплощения;
- соитие Авраама с рабыней символизирует явление Бога Моисею на Синае;
- рождение сына от рабыни символизирует получение заповедей на Синае;
- явление Бога Аврааму у Мамврийского дуба символизирует непорочное зачатие Девы Марии;
- рождение общенного младенца (Исаака) символизирует и предвосхищает рождение Спасителя;
- взросление Исаака символизирует крещение Христа перед первой проповедью в Иордани;
- пир, устроенный Авраамом в честь взросления Исаака, символизирует радость соединения небесного с земным через боговоплощение;
- просьба Сарры изгнать Агарь и обижающего Исаака Измаила символизирует просьбу христиан изгнать из Иерусалима обижающих их иудеев – «сынов закона»;
- наследование Исаака Аврааму символизирует наследование христианами Божией истины.

Понятно теперь, что из следующих одна за другой параллельных конструкций нет ни одной случайной или лишней. Невозможно ни изъять что бы то ни было, ни переставить. Понятие избыточности категориально неприменимо по отношению к этому фрагменту, как и ко всему тексту в целом.

Обмирщение же сознания приведет к появлению функциональных и семантических антиподов архетипических признаков средневекового текста.

Скажем, резкая асимметричность первого и второго высказываний параллельной конструкции в Грамоте патриарха Никона о Крестном монастыре не может не

иметь функциональных, а значит, и смысловых последствий:

«И аще кто с верою восхощет к тому животворящему Кресту на поклонение прийти, // да не менее тому силою святого того честного и животворящего Креста благодать дастся, якоже путешествующим во святая Палестинская места, в нихже святое свое смотрение Христос Бог наш исполни.

*Темже и вы, православнии всякаго чина и возраста Христиане, возлюбленная наша чада, аще кто от вас вседушно Господа нашего Иисуса Христа и той честный Его и животворящий Крест любит, и сие наше писание прочитает, да имать ко святому животворящему Кресту веру усердну, // и во оный монастырь Ставрос, еже есть Крест, на строение его и возграждение, любве ради великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да дает от дарованных комуждо Богом стяжаний, елико от блага своего усердия кто хошет; воспоминая реченное Божественным Апостолом: **доброхотна дателя любит Бог** [2 Кор. Гл. 9]; и на уме имейя реченное Богом ко Израилю: **да не явишися, рече, предо мною тощ** [5 Моис. Гл. 16]».*

Можно заметить, что соотнесение первых и вторых частей обоих высказываний не выводит на символические значения, а представляет собой выражение предметного действия и наступающего вследствие этого действия результата:

‘если кто с верою захочет к животворящему кресту на поклонение прийти – тому благодать дастся’.

Соотнесение же вторых частей обоих высказываний *да благодать дастся ~ да дает от стяжаний* обнажает прагматическую задачу всего послания – «получить пожертвования на строительство монастыря».

Так видимая асимметрия объемов параллельных высказываний сопровождается диссонирующей асимметрией формы и значения: сложное конструктивное построение оказывается не соразмерно смыслу, который из конструкции не выводится, а уже содержится в ней.

Не направленное на постижение символического значения конструктивное усилие (параллельная структура) получает внебогословский характер, становясь усилием риторическим, то есть усилием, не свидетельствующим об онтологически данной истине и не направленным на получение некоторого объема знания об этой истине, а усилием убеждающим. В данном случае – убеждающим делать пожертвования.

Отчужденная от исходной функции (функции формирования символических значений) форма равно свидетельствует как о повреждении средневекового богословского мирозерцания, так и об инерционной верности его внешним выражениям.

Вектором функционального изменения конструктивного приема тоже станет десакрализация: отвлечение высокого знака от высокого смысла. Однако десакрализацию как вектор исторического изменения семантической структуры русского слова и семантической структуры русского литературного языка необходимо признать явлением не универсальным, а типологическим, обусловленным типологически особенной языковой ситуацией, в которой происходило зарождение и формирование русского литературного языка

Литература

1. Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.

2. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Н.С. Трубецкой История. Культура. Язык. М., 1995.
3. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI– XVII вв.). М., 2002.
4. Ferguson Ch. F. Diglossia. – Word, XV, 1959.

**ЭТНОСЫ В КАЗАХСТАНЕ:
ЯЗЫКИ БОЛЬШИНСТВА И ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ**

*Сулейменова Элеонора Дюсеновна,
доктор филологических наук профессор
(г. Алматы, Казахстан)*

Аннотация. В статье осуществлена систематизация экзогенных и эндогенных языков и этносов с точки зрения демографической динамики в Казахстане (1970-2009). Охарактеризованы девять исчезнувших (1999-2009) языков и этнических групп. Отдельно описаны экзогенные языки с формально референтными носителями из двух этносов. С точки зрения демографических рисков определены языки с низкой и высокой витальностью. Этноязыковой ландшафт имеет диффузный характер, а языковая ситуация оказывается четко центрированной вокруг двух демографически и коммуникативно мощных партнеров – казахского и русского языков.

Ключевые слова: этнос, экзогенные и эндогенные языки, витальность, этноязыковой ландшафт.

**ETHNIC GROUPS IN KAZAKHSTAN: LANGUAGES OF MAJORITY
AND LANGUAGES OF MINORITIES.**

Abstract. The article presents a systematization of exogenous and endogenous languages and ethnic groups from the perspective of demographic dynamics in Kazakhstan (1970-2009). Nine languages and ethnic groups that have disappeared (1999-2009) are described. Exogenous languages with formally referent speakers from two ethnic groups are described separately. Languages with low and with high degrees of vitality are characterized from the perspective of demographic risks. The ethno-

linguistic landscape of Kazakhstan has a diffuse character, and the language situation is clearly centralized around two demographically and communicatively powerful partners – the Kazakh and Russian languages.

Keywords: *ethnic groups, exogenous and endogenous languages, vitality, ethno-linguistic landscape.*

Трудности социолингвистической идентификации языков связаны с рядом объективных обстоятельств. Они хорошо известны, но в настоящем контексте требуют уточнения: 1. Количество этнонимов и лингвонимов значительно превышает число этносов и языков¹; нет прямого соответствия лингвонимов и этнонимов (орокский язык – это язык народа ульта; карачаево-балкарский – карачаевцев и балкар; татарский – татар и крымских евреев; татский – татов и горских евреев; таджикский – таджиков и среднеазиатских евреев; грузинский – грузин и грузинских евреев). 2. Существуют различия в списках этнонимов: в СССР действовали списки из 194 (1926), 800 (1979) этнонимов, сгруппированных сначала в 141, затем – в 128 (1989) этносов. 3. Наличие в переписях населения Казахстана (1999, 2009) объединяющих наименований, а не этнонимов, напр., «народы Индии и Пакистана». 4. Отсутствие в переписях данных о некоторых этносах (горных и луговых марийцах, мокша, эрзя мордве и др.). 5. Особый статус некоторых народов (татар, крымских татар; евреев, горских евреев, грузинских евреев,

¹ Не все языки мира имеют соответствующий лингвоним (вместо него могут использоваться названия рек, долин, гор и т.п.; не всегда язык имеет одно название (напр., немецкий язык – это *Deutsch, German, Tadesco, Allemand* и др.). По мнению Х.П. Граймса [Grimes B.F., 1992], 37 тыс. лингвонимов объединяют 6528 живых языков; по *Ethnologue* [<http://www.ethnologue>], 39 тыс. лингвонимов соотносятся с 6703 языками 99 генетических классов и т.д.

среднеазиатских евреев, крымчаков; молдаван и румын²) и др.

Все вместе усложняет прямой ответ на поставленный вопрос, поэтому при составлении списка языков Казахстана за основу была принята дифференциация языков (карачаево-балкарский, крымско-татарский и т.д.), а не этнонимов, традиционно используемых в переписях; по возможности были учтены все языки, независимо от их статуса, численности носителей и степени владения ими этническим языком, особенностей и объема функций языков, генетической и типологической принадлежности к тому или иному классу и проч.

Естественно, что репрезентативные данные об уровне владения языками могут быть получены у этносов, проживающих компактно. Однако это невозможно сделать в отношении малых или критически малых этнических языков, особенно если их потенциальные носители насчитывают, напр., от одного до 100 человек, расселенных по территории Казахстана дисперсно. Кроме того, осуществленного с помощью единой релевантной методики и общего опросного листа массового исследования всех этносов и этнических групп, проживающих компактно или дисперсно, до сих пор нет. Поэтому единственным источником обо всех этносах Казахстана, их владении этническим, государственным, русским и английским языками, уровне образования и проч. продолжают оставаться, несмотря на все их недостатки, только данные переписей.

² *Отдельность молдавского языка по отношению к румынскому, как известно, решалась в свое время политической волей.*

В связи с этим было сделано следующее допущение: *идентифицировать этнические языки с точки зрения формально референтных этнических носителей, лишь по возможности учитывая сведения о владении этническим, казахским, русским и английским языками, которые декларируются или не декларируются гражданами в ходе официальных переписей.* Используя сформулированное допущение и как достоверный источник - данные переписей населения Казахстана (1970-2009), с точки зрения демографических рисков была осуществлена систематизация экзогенных и эндогенных языков в проекции на их формально референтных носителей.

Девять исчезнувших этносов и языков³. В период между двумя последними переписями (1999-2009) перестали регистрироваться представители девяти этносов, их число не превышало 30 человек, а их история была представлена в Казахстане начиная с 1970 г.

Таблица 1

Исчезнувшие этносы и языки (Казахстан: 1970 – 2009)

³ *Скорость исчезновения языков возросла в связи с распространением цивилизации и интенсивностью процессов глобализации. За последние годы количество носителей почти половины языков уменьшилось более чем на 10000 носителей; в Австралии 100 из 250 языков коренного населения перешли в разряд мертвых и 100 находятся на этом пути и т.п. Количество носителей 455 языков не достигает 100 человек – такие языки, по мнению лингвистов, исчезнут в течение одного-двух поколений. Большинство языков Казахстана – это экзогенные и эндогенные языки депортированных народов, мигрантов, бывших заключенных лагерей, целинников и т.д. – т.е. языки, оторванные от материнского ареала. В таких условиях их исчезновение и ассимиляция с языком большинства осуществляется еще более быстрыми темпами.*

Язык	Этноним	Эндогенный / экзогенный	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Ительменский</i> (камчадалский) Российская Федерация*	Ительмены	Эндогенный	6	4	15	2	0
<i>Кетский</i> Российская Федерация*	Кеты	Эндогенный	4	11	11	5	0
<i>Орокский</i> Российская Федерация*	Ульты	Эндогенный	0	0	6	1	0
<i>Рушанский</i> Афганистан, Официальный язык Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикистана	Рушанцы	Экзогенный	0	0	0	20	0
<i>Саамский</i> Российская Федерация* Официальный язык в отдельных муниципалитетах Норвегии, Финляндии, Швеции	Саамы	Экзогенный	2	13	14	2	0
<i>Тофаларский</i> Российская Федерация*	Тофалары	Эндогенный	6	14	0	29	0
<i>Шугнанский</i> Афганистан, Официальный язык Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикистана	Шунганцы	Экзогенный	0	0	0	21	0

Язык	Этноним	Эндогенный / экзогенный	1970	1979	1989	1999	2009
Энецкий Российская Федерация*	Энцы	Эндогенный	0	0	2	7	0
Юкагирский Российская Федерация* Официальный язык Республики Саха	Юкагиры	Экзогенный	1	10	9	6	0

Третий столбец таблицы содержит информацию о том, является ли язык *экзогенным*, имеющим вне Казахстана основное территориально-государственное образование (страну исхода, материнский ареал, исконную территорию), в котором данный язык является титульным, государственным, официальным, региональным и/или мажоритарным, или же *эндогенным*, напротив, имеющим вне Казахстана район расселения (страну исхода, материнский ареал, исконную территорию), в котором данный язык не является титульным, государственным, официальным, региональным и/или мажоритарным и т.д.

Если обратить внимание на первый столбец таблицы, то видно, что эндогенные языки (*ительменский, кетский, орокский, тофаларский, энецкий*) помечены звездочкой как исчезающие миноритарные языки малых коренных народов⁴ и на исконной территории. Несколько особняком

⁴ «Более 200 языков функционирует на территории России. Примерно третья часть их может быть отнесена к так называемым малым языкам. В России малыми языками, точнее, языками малочисленных коренных народов, официально считаются языки этносов, насчитывающих менее 50000 человек. Практически все эти языки сегодня в большей или меньшей степени находятся под угрозой

стоят рушанский, саамский, шугнанский и юкагирский языки, которые получают поддержку в качестве официальных языков.

Рушанский и шугнанский языки – малые памирские языки, наряду с таджикским языком, являются официальными языками Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикистана. Эти языки используются в повседневном общении жителями двух-трех сел, а также в образовании, административном управлении, судопроизводстве и др. и считаются стабильными (М. Краусс). Но стабильность эта весьма хрупкая [Казакевич, Кибрик].

Саамский язык распространен на Кольском полуострове Российской Федерации, а также в Норвегии, Финляндии, Швеции. Саамский язык (точнее, разные диалекты саамского языка) имеет статус официального языка в административных образованиях (муниципалитетах, фильке, коммунах, ленах) Норвегии, Финляндии, Швеции. Несмотря на статус и усилия, прилагаемые в этих государствах, саамский язык находится под угрозой исчезновения.

Юкагирский язык в Российской Федерации получает поддержку в качестве одного из официальных языков Республики Саха. Название «юкагирский язык» объединяло ранее омокский и чуванский языки, которые считаются мертвыми, а также северно-юкагирский (тундренный) и южно-юкагирский (колымский) языки. Определить принадлежность юкагирского языка к

исчезновения» [Казакевич, Кибрик]. На самом деле численность носителей языков в России, о которых идет речь в статье, катастрофически мала.

северной или южной разновидности в Казахстане было невозможно, как невозможно было определить и владение казахстанскими юкагирами этническим языком. Интересно, что с 1989 года в переписях Казахстана регистрируются чуванцы, и их число весьма переменчиво: 1970 – 0; 1979 – 0; 1989 – 22; 1999 – 375; 2009 – 25 человек. В 1999 году – время максимального присутствия в стране чуванцев – 4.5% из них заявили о знании родного чуванского языка (во многих российских источниках зарегистрированного как мертвый диалект мертвого юкагирского языка)⁵.

Экзогенные и эндогенные языки и этносы: демографические риски. К этой группе отнесены языки с сокращающимся числом формально референтных носителей.

Первую подгруппу составляют экзогенные и эндогенные языки высокого риска, формально референтные носители которых в процентном отношении к населению страны определяются как критические исчезающие малые величины (0.0...%): *абазинский**, *абхазский**, *аварский*, *агульский*, *адыгейский*, *албанский*, *алеутский*, *алтайский*, *английский*, *ассирийский**,

⁵ Подобные социолингвистические артефакты объясняются как «информационный шум» вследствие «низкой квалификации переписчиков или низшего звена обработчиков переписных листов. Большинство «народов Севера» отнюдь не домоседы, но они, за редким исключением, не покидают своего традиционного ареала и уж точно не склонны менять свою среду обитания на Среднюю Азию, Закавказье или даже на европейские республики бывшего СССР. Если высокий процент «дальних миграций» у крайне малочисленных энцев и ороков можно объяснить случайным выездом из РСФСР одной-двух семей, то для остальных ...этот показатель представляется маловероятным, а для долган, удэгейцев, чуванцев и алеутов – просто фантастическим» [Беликов 1997: 22-23].

белуджи, болгарский, бурятский, венгерский, вепсский*, гагаузский*, грузинский, даргинский, долганский*, ижорский*, испанский, ительменский*, калмыкский, караимский, каракалпакский, карачаево-балкарский, карельский, кетский*, коми, коми-пермякский, корякский*, крымско-татарский, кумыкский, лакский, латышский, лезгинский, ливский*, литовский, манси*, марийский, монгольский, нанайский*, нганасанский*, ненецкий*, негидальский*, нивхский*, ногайский, орочский*, осетинский, румынский, рутульский*, саха (якутский), селькупский*, сербский, словакский, табасаранский*, талышский, татский*, тофаларский*, тувинский, туркменский, удинский*, удмуртский, удэгейский*, финский, хорватский, хакасский, хантыйский (остяцкий)*, цахурский, цыганский, чешский, чуванский*, чувашский, чукотский*, шорский*, эвенкийский*, эвенский*, энецкий*, эскимосский*, эстонский, японский и другие языки⁶. Почти все они (в списке помечены звездочкой) относятся к малым исчезающим языкам коренных малочисленных народов в России [Единый перечень 2010] и в странах, откуда их носители переселились в Казахстан.

Полноценное сохранение этих языков в Казахстане весьма и весьма сомнительно. Все они «оторваны» от исконной территории, сферы их использования в лучшем случае сужены до пределов семьи. Они испытывают давление со стороны доминирующих в политическом, экономическом, культурном и других отношениях (дисперсное расселение, невозможность полноценного общения на родном языке и т.п.) казахского и русского

⁶ Данная подгруппа включает более 70 экзогенных и эндогенных языков, потому сведения о них в связи с ограниченным объемом статьи мы вынуждены опустить.

языков. Критическая численность носителей этих языков обусловила языковой сдвиг, в основном, в сторону русского языка: так большей частью еще в советский период осуществлялась их «языковая интеграция» и так завершается процесс, запущенный со времен Российской империи и Советского Союза.

Во вторую подгруппу включены экзогенные языки с заметно (или плавно) сокращающимся числом формально референтных носителей, которые составляют 0.1% – 2.1% от общего числа населения страны: *армянский, башкирский, белорусский, греческий, корейский, молдавский, мордовский, ингушский, польский, чеченский, немецкий, татарский, украинский, чеченский языки.*

Таблица 2

Экзогенные языки с сокращающимся числом формально референтных носителей (0.1% – 2.1% населения страны)

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Армянский язык</i> Официальный язык Республики Армения Официальный язык Нагорно-Карабахской Республики	Армяне	12814	14022	18458	14762	13776
<i>Башкирский язык</i> Государственный язык Республики Башкортостан	Башкиры	21500	32577	41060	23247	17263
<i>Белорусский язык</i> Государственный язык Республики Белоруссия	Белорусы	198430	181821	178325	111924	66476

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Греческий язык</i> Официальный язык Греции Официальный язык греческой части Республики Кипр Официальный язык Европейского Союза Региональный или официальный локальный язык Армении, Албании, Италии, Украины	Греки	51330	50125	46448	12705	8846
<i>Ингушский язык</i> Официальный язык Республики Ингушетия	Ингуши	18446	18337	19523	16900	15120
<i>Корейский язык</i> Официальный язык Корейской Народной Демократической Республики Официальный язык Республики Корея	Корейцы	81965	92516	101366	99944	100385
<i>Молдавский язык</i> Государственный язык Республики Молдова (<i>de jure</i> идентичный литературному румынскому языку в Румынии) Официальный язык непризнанной Приднестровской Молдавской Республики	Молдаване	25990	30242	32352	19462	14245
<i>Мордовский эрзя и мордовский мокша</i> Государственные языки Республики Мордовия	Мордовцы	34315	31403	29157	16145	8013

Культурология

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Немецкий язык</i> Мировой язык. Официальный язык ООН. Официальный язык Европейского Союза. Официальный язык Германии, Австрии	Немцы	857777	900343	946967	353462	178409
	Австрий- цы	76	45	41	45	61
<i>Польский язык</i> Официальный язык Польши Официальный язык Европейского Союза Региональный или локальный официальный язык Боснии и Герцеговины, Румынии, Украины, Чехии	Поляки	61385	61106	59321	47302	34057
<i>Татарский язык</i> Государственный язык Республики Татарстан	Тата- ры	286878	314065	322338	249052	204229
<i>Украинский язык</i> Государственный язык Украины Официальный язык непризнанной Приднестровской Молдавской Республики Региональный или локальный официальный язык Российской Федерации, Республики Крым, Румынии, Словакии, Сербии, Польши, Хорватии, Боснии и Герцеговины, США		934952	900240	878184	547065	333031

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Чеченский язык</i> Государственный язык Чеченской Республики	Чеченцы	34532	38240	49007	31802	31431

Для всех экзогенных языков этой подгруппы характерна высокая степень языкового сдвига. Родным языком назвали иной, чем этнический, язык поляки – 90.7%, белорусы – 87.7%, украинцы – 84.2%, немцы – 83.0%, корейцы – 64.0%, татары – 49.0%, чеченцы – 22.2% и т.д. Языковой сдвиг, в основном, осуществился в сторону казахского и русского языка (соответственно): у 72.6% и 98.4% татар, 56.1% и 98.6% чеченцев, 43.4% и 98.0% корейцев, 24.7% и 99.0% немцев, 21.5% и 98.9% украинцев, 20.9% и 98.0% поляков, 19.0% и 98.9% белорусов и т.д.

В обе подгруппы отнесены языки, с которыми этносы идентифицируют себя, однако витальность этих языков в Казахстане не может быть оценена как благополучная. Напротив, они постепенно «теряют» своих носителей (миграция, резкое снижение естественного воспроизводства и проч.), утрачивая тем самым первичные и естественные условия сохранения языка.

Более того, оказавшись в условиях дисперсного расселения в отдаленном от основного ареала распространения, большая часть этих языков лишается возможности участвовать во внутритроколенной и межпоколенной трансмиссии и постепенно исчезают. Эти

процессы иногда идут параллельно с процессами в стране или регионе исхода (карачаево-балкарский, крымско-татарский, татский языки). Языковые процессы и, в особенности, процессы сохранения языков этносами, оторванными от материнского ареала, протекают особенно быстро и остро в ином социальном, культурном и политическом контексте, при действии сложной совокупности релевантных факторов, влияющих на выбор и использование языка как индивидом, так и группой сокращающегося числа их носителей.

Демографические риски и риски сохранения этнических языков в данной группе чрезвычайно высоки, их ожидаемую вероятность рассчитать невозможно. Поэтому, учитывая существование этих рисков, в Казахстане осуществляется целенаправленная поддержка языков и культур этносов данной группы. Как объект неотложного направления государственной, научной и общественной деятельности она стала наиболее заметной в Ассамблее народа Казахстана.

Экзогенные и эндогенные языки меньшинств. Языки данной группы могут быть охарактеризованы как языки меньшинств условно, поскольку каждый язык в отдельности и даже все вместе не преодолели 10% порог населения страны.

К этой группе относятся языки с высокой витальностью, в основном, представляющие языки ирредент. Они постоянно пополняются за счет высокой рождаемости и трудовой миграции носителей:

азербайджанский, дунганский, кыргызский, курдский, таджикский, турецкий, узбекский, уйгурский языки. Большая часть языков этой группы имеет вне Казахстана основное территориально-государственное образование, в котором они являются титульным, государственным, официальным и/или мажоритарным языком.

Таблица 3

Экзогенные и эндогенные (***) языки меньшинств

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Азербайджанский язык</i> Государственный язык Республики Азербайджан Государственный язык Республики Дагестан Российской Федерации	Азербайджанцы	57607	73240	88887	78325	85292
<i>Дунганский язык</i> (***)	Дунгане	17213	22385	29785	36945	51944
<i>Кыргызский язык</i> Государственный язык Республики Кыргызстан	Кыргызы	9612	9352	13718	10925	23274
<i>Курдский язык</i> (***)	Курды	12259	17606	25245	32764	38325
<i>Таджикский язык</i> Государственный язык Республики Таджикистан	Таджики	15986	19296	25301	25673	36277
	Евреи среднеазиатские	481	316	772	28	5
<i>Турецкий язык</i> Официальный язык Турции Официальный язык Турецкой Республики Кипр Региональный или локальный официальный язык Македонии, Румынии	Турки	18377	25718	49219	78711	97015

Язык и его статус	Этноним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Узбекский язык</i> Государственный язык Республики Узбекистан						
Региональный язык Республики Афганистан	Узбеки	216258	262960	330417	370765	456997
<i>Уйгурский язык</i> Официальный язык Синьзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики						
	Уйгуры	120622	147676	181155	210377	224713

Для этой группы характерна высокая степень владения этническим языком и низкие показатели языкового сдвига: на одном полюсе кыргызы (26.6% назвали родным другой язык), на другом – дунгане (3.7% назвали родным другой язык).

Все представители этой группы отличаются высокой степенью владения казахским языком. Именно эта группа может служить, во-первых, примером успешного использования казахского языка как инструмента интеграции казахстанского общества; во-вторых, – иллюстрацией успешного продвижения государственного языка с помощью доступных легитимных средств.

Языки большинства: вместо заключения. Распределение языков Казахстана по численности формально референтных носителей и ее динамике убеждает, что этноязыковой ландшафт современного Казахстана характеризуется как высокой степенью языкового разнообразия, так и тем, что казахский и русский этносы доминируют в количественном отношении над всеми остальными этносами, усиливая

демографически неравновесный и несбалансированный характер языковой ситуации.

Таблица 4

**Казахский и экзогенный русский языки:
динамика формально референтных носителей
(1970-2009)**

Язык и его статус	Этно-ним	1970	1979	1989	1999	2009
<i>Казахский язык</i> Государственный язык Республики Казахстан Официальный региональный язык Республики Алтай Российской Федерации	Казахи	4228367	5282481	6486029	8011452	10096763
<i>Русский язык</i> Мировой язык. Официальный язык ООН. Государственный язык Российской Федерации Официальный язык интеграционных объединений постсоветского пространства*	Русские	5542929	6019391	6092377	4480675	3793764

Примечание: * В группу «русский язык и его статус» также входят:

Государственный язык Республики Беларусь

Официальный язык Республики Кыргызстан
Официальный язык Украины (2012)
Региональный язык Украины (до 2014)
Язык национального меньшинства Украины (2014),
Армении, Грузии, Литвы, Эстонии
Язык межнационального общения Республики
Азербайджан, Республики Молдова, Республики
Таджикистан (отдельные функции), Литвы,
частично признанных Республики Абхазии, Южной
Осетии и др

В Республике Казахстан положение русского языка определено в Конституции, Законе о языках следующим образом: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [Конституция РК 1995; Закон о языках 1997]. В демографической проекции русский язык – это язык этнического меньшинства (2009: 23.7%), которым казахстанцы владеют независимо от этнической принадлежности (2009: 94.4% понимают устную речь, 88.2% свободно читают и 84.8% свободно пишут). Русский язык – политический и коммуникативный партнер казахского языка в процессах интеграции казахстанского общества. Вместе с тем демографические показатели русского языка в его прямой корреляции с этническими русскими составляют не столь благополучную картину, пока жестко не определяющую витальность русского языка, которая создается комплексом взаимосвязанных параметров.

Иное положение сложилось с казахским языком, показатели витальности которого оказываются неоднозначными и требуют особого исследования. В первую очередь это касается распространения казахского языка в пределах казахского этноса. В то же время процент говорящих на казахском языке по отношению к общей

численности этнической группы казахов (как тревожный симптом еще не закончившегося кризиса витальности казахского языка) неуклонно повышается, но продолжает оставаться неудовлетворительным.

Складывающийся разрыв между демографической поддержкой казахского и русского языков, а также стремительные демографические процессы, затрагивающие все этносы, безусловно, связаны с обеспечением стабильного развития многоязычного Казахстана, с политическими, юридическими, религиозными, культурными и иными особенностями существования языков большинства, языков меньшинств и языков группы риска, а также с характером осуществляющейся со стороны государства и общественности системной поддержки. Суверенитет влечет за собой ответственность в надлежащем демократическом управлении, в недопущении дискриминации, в соблюдении и защите прав меньшинств, в признании разнообразия множественных идентичностей, в том числе языковых, развивает общие для всех граждан государственные институты, формирует чувство принадлежности к единому обществу. Казахстан, осуществляя политику, направленную как на языковое большинство, так и на языковое меньшинство, обеспечивая их полноценное участие в культурной и религиозной сфере, стремится целенаправленно осуществлять интеграцию и содействовать сплоченности различных языковых сообществ. Одновременно с этим, развивая языковое разнообразие, государство всемерно поддерживает государственный язык, осуществляя с его помощью интеграцию общества.

Литература

1. Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997
2. Государственная программа развития и функционирования языков Республики Казахстан (2011-2020) <http://pravo.zakon.kz/223537-utverzhdena-gosudarstvennaja-programma.html>
3. Европейская хартия региональных языков (2003).
4. 4. Единый перечень коренных малочисленных народов [Российской Федерации](#) (2010).
5. Закон о языках Республики Казахстан (1997) http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&show_d_i=1
6. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. – Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 2010.
7. Казакевич О.А., Кибрик А.Е. Малые языки на постсоветском пространстве // <http://books.google.kz/books>
8. Конституция Республики Казахстан (1995) <http://www.constitution.kz/>
9. Плунгян В. (2001) Лингвистика катастроф // Итоги, № 30 (216). М., 2007.
10. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х. Языки Казахстана. Социолингвистический справочник. Алматы: Арман-ПВ, 2007.
11. Grimes, B.F. (ed. 1992) *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas, Texas: Summer Institute of Linguistics.

**ПРАСЛАВЯНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС:
КОСТИША – КОМАРОВО - ТШИНЕЦКАЯ**

*Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор истории, конференциар университетар
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. В статье рассматриваются временные и пространственные условия отделения от единого, крупного массива степных индоевропейских племен первых носителей праславянских археологических культур - костыша, тшинецкая и комарово, а также история их развития в течение II тысячелетия до н.э. В рассматриваемое время данные культуры составляли на большом территориальном пространстве нынешних славянских стран, единый праславянский культурный комплекс. Также анализируются их сходства, различия, взаимосвязи и роль в сложении последующих праславянских культур.

Ключевые слова: *средний бронзовый век, Северо-Восточные Карпаты, Поднестриевье, праславянские археологические культуры: костыша, комарово и тшинецкая, керамика, ритуальные обряды.*

PROTO-SLAVIC ARCHEOLOGICAL CULTURAL COMPLEX: KOSTISHA- TSHINETSKAYA –KOMAROVO

Abstract. The article deals with the temporal and spatial conditions of separation of the first carriers of Proto-Slavic archaeological cultures - kostisha, tshinetskaya and Komarovo from a single, large array of the steppe Indo-European tribes, as well as the history of their development during the II millennium BC. At that time the cultures made a single Proto-Slavic cultural complex on a large territorial space of the present Slavic countries. Their similarities, differences, relationships and the role in the formation of the following Proto-Slavic cultures have been analyzed.

Keywords: *Middle Bronze Age, the North-Eastern Carpathians, Dniester, Proto-Slavic archaeological cultures kostisha, komarovo and tshinetskaya, the history of their development, pottery, ceremonial rituals.*

COMPLEXUL CULTURAL PROTO-SLAV: COSTIȘA-KOMAROVO-TSHINETSKAYA

Adnotare. În articol sînt reflectate condițiile în timp și spațiu a separării de la masivul unitar și enorm a triburilor de stepă indoeuropene a primilor reprezentanți ale culturilor arheologice proto-slave: costișa-komarovo- tshinetskaya, precum și evoluția lor pe parcursul mileniului II înaintea erei noastre, timp în care în pofida unor deosebiri și diferențe ele au constituit, pe un imens spațiu teritorial astăzi aparținînd mai multor state slave, un complex cultural proto-slav. Totodată, sînt analizate asemănările și

deosebirile componentelor acestui complex cultural și rolul fiecărei culturi în constituirea culturilor proto-slave ulterioare.

Cuvinte-cheie: epoca bronzului mijlociu, Carpații de nord-est, zona de nord a Nistrului, culturi arheologice proto-slave: costișa, komarovo și tshinetskaya, istoria evoluției lor, ceramica, ritualurile funerare.

Проблема происхождения славян является объектом исследования не только в славянских государствах, но и за их пределами. Тем не менее, в научной литературе имеет место концепция, согласно которой славяне появились на политической карте Европе лишь в VI веке н.э. Историческая наука пока не дает нам убедительного ответа на вопрос, каким образом сложились славяне как этнос и откуда, «внезапно» появившись такой внушительной численностью, заняли значительную часть Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что в Республике Молдова проблеме происхождения славянства не уделяется должного внимания, мы поставили перед собой цель рассмотреть, в каких временных и пространственных условиях отделились от единого крупного массива степных индоевропейских племен первые носители праславянских археологических культур, их особенности, взаимосвязи и их роль в сложении последующих праславянских культур.

В свою очередь М.В. Ломоносов и В.Н. Татищев, а также славянофилы, чтобы доказать, что славяне появились задолго до VI века н.э. прибегали к ценному документу - «Повести временных лет»: «Спустя много времени сели славяне на Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А

вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лугичи, иные мазовшане, иные – поморяне» [12]. Это утверждение летописца понималось ими как сведения об очень древнем хронологическом времени появления славянства.

Однако все утверждения летописи о происхождении славян и особенно версия, что они еще до нашей эры проживали на Дунае и в Карпатах, нуждались в подтверждении данными археологических, антропологических, лингвистических и других наук, которые появились значительно позже. Каждая из них исследовала лишь отдельные аспекты этногенеза славян. В XIX, а особенно в XX веке значительных успехов в изучении проблемы происхождения славян достигла, кроме лингвистики, археологическая наука. Определенный прогресс в этой области добились история, этнология и антропология.

В данной статье, на основе археологических и лингвистических данных, мы поставили перед собой цель рассмотреть временные и пространственные условия продолжительного и сложного процесса сложения населения первых праславянских культур, и, в частности, культурного комплекса костыша – тшинец-комарово, а также его связи с другими смежными культурами, приведшие к сложению населения последующих праславянских культур.

Лингвисты доказали, что каждый из современных европейских языков прошел сложный и продолжительный процесс образования, но все они имеют много общего, что можно объяснить происхождением от одного древнейшего

языка. Предки славян, литовцев, французов, шведов, армян, итальянцев когда-то понимали друг друга, а значит, составляли один народ, прозванный историками индоевропейским. Лингвистической науке, при всей ценности сделанных ею открытий, недостает пространственной и хронологической определенности. Этот пробел попыталась восполнить археология.

В современных археологических изысканиях весьма широко применяются естественно-научные методы: датировки по радиоуглероду, дендрохронология, флористические и фаунистические анализы, металлография и др. Все это при постоянном пополнении источниковедческого фонда и в союзе с лингвистикой делает выводы археологии исторически достаточно конкретными и все более и более точными. Исследования археологов позволили установить, что предками таких этносов, как германцы, французы, итальянцы, литовцы, шведы, являются многочисленные индоевропейские племена культуры шнуровой керамики. Вопрос об их этнической принадлежности остается сложным и далеким от разрешения. Сравнительное языкознание доказало существование в прошлом индо-европейской языковой общности и последующего ее распада на северную, южную и другие группы.

Этот факт привлек внимание исследователей к северной группе индоевропейцев, включавшей предков германских, балтских и славянских народов, и заставил их искать археологическое соответствие этим лингвистическим и, очевидно, этническим категориям. Предположение, что истоки этой северной группы индоевропейцев восходят к племенам шнуровой керамики, основывается, прежде всего, на сопоставлении археологических материалов с лингвистическими,

историческими и иными данными. Не все они равноценны. Но основная аргументация, вытекающая из сопоставления различных видов источников, представляется все же достаточно убедительной.

Учитывая факт распространения племен культур шнуровой керамики на всей лингвистически выделенной территории расселения северной группы индоевропейцев, а также характерную для раннего этапа развития упомянутых племен общность их материальной и духовной культуры, следует признать наиболее убедительной концепцию археолога А.Я. Брюсова, рассматривавшего культуры шнуровой керамики в качестве археологического соответствия не расчлененных еще по языку германо-балто-славянских племен [17, 57]. Эту концепцию поддержали такие известные ученые в области археологии, как Д.Я.Телегин, С.С. Березанская, И.К.Свешников и др.

Конечно, сложение праславянских культур было продолжительным по времени процессом и образовались они путем многочисленных интеграций и ассимиляций предшествующих культур. Действительно, археологические материалы свидетельствуют о существовании в конце энеолита и начала бронзового века в Центральной и Восточной Европе нескольких значительных археологических культур, часть из которых связана с зарождением и последующим становлением славянства. Их появление, как установлено археологами, было вызвано миграциями многочисленных племен в конце IV тысячелетия до н.э. из Черноморско - Каспийской зоны по причине сильно изменившегося климата, когда зима становилась холоднее, а лето засушливее. В итоге посевы погибали, а пастбища становились непригодными для выпаса скота. У степных индоевропейских племен

шнуровой керамики, в хозяйстве которых преобладало скотоводство, возникла проблема поиска новых пастбищ, чтобы прокормить огромные стада лошадей, быков и овец. В целях ее разрешения индоевропейские племена двинулись на запад и юго-запад Европы. Постепенно они оседали в тех или иных районах, закладывая основы современной этнической картины Европы. В начале масса людей хлынула на Кавказ и Северное Причерноморье. На Крымском полуострове и на сегодняшний момент сохранились курганы, оставленные скотоводческими племенами в IV - III тысячелетий до н.э.

Позднее, во II тысячелетии до н.э., индоевропейцы разделились на две группы: индоиранцев (ариев) и праевропейцев. Первые мигрировали: в Поволжье, Казахстан, Индию и Иран, а вторым предстояло освоить территории современной Европы. Таким образом, уже во II тысячелетии основная часть Евразии оказалась заселенной индоевропейцами. Это были племена историко-культурной общности шнуровой керамики, занимавшие к моменту заселения территорию от Волги на востоке до берегов Рейна на западе, от Южной Скандинавии на севере до Швейцарии, Чехии и Словакии на юге.

В своем продвижении на юг они проникли на территории Украины, Республики Молдова, северо-восток Румынии и в долины Нижнего и Среднего Подунавья. Носители культур шнуровой керамики были неоднородными, хотя имели ряд общих черт: курганные и грунтовые захоронения, керамика, орнаментированная отпечатками шнура и нарезными линиями, боевые каменные сверленные топоры, секреты верховой езды. Конечно, вторжение в чужое территориальное пространство освоенное земледельческими племенами, не всегда было мирным. Вооруженные всадники оказались

непобедимыми в борьбе с земледельческими воинами. Часть местных племен переселились в более безопасные территории, а другая часть подчинилась пришельцам и была подвергнута ассимиляции или аккультурации. Индоевропейские племена несли с собой новую культуру и новые верования. Курганы внесли в сознание местных племен новое миропонимание. Обычно это были невысокие, но с большой окружностью насыпи, которые были связаны с культом солнца. Круг из камней – кромлех – также был связан с этим культом.

На территории распространения племен шнуровой керамики в результате ассимиляции местного населения возникло более 20 родственных культур и культурных групп с локальными особенностями. На территории Польши, Украины и Среднего Прута Республики Молдова, а также Северо-Восточной Румынии развернулись этнические и культурные процессы интеграции с местным населением результатом которых было образование двух локальных групп историко-культурной общности шнуровой керамики - подкарпатской и верхнеднестровской, которые вместе с чешско-моравской, злотьской и межановицкой локальными группами, а также с днепро-донецкой, стрижевской и среднеднепровской культурами на Украине являются предками сложившего первоначально нерасчлененного балто-славянского единства.

Территория распространения памятников днепро-донецкой культуры вместе с памятниками гребенчатой керамики Польши, Понеманья и бассейна Западной Двины в значительной мере совпадают с областью, где лингвисты размещают прародину балтских и праславянских племен IV- III тысячелетия до н.э. Исследователь Д.Я.Телегин считает, что, кроме территориального единства днепро-

донецкой и культуры гребенчатой керамики, факт роли этих культур в сложении балто-славянской языковой общности подтверждается и рядом иных лингвистических и археологических данных [18, 172]. На землях, расположенных на северо-востоке Карпат, Польши и Украины, вследствие консолидации раздробленных племенных групп культуры шнуровой керамики и влияний смежных культур Юго-Восточной и Центральной Европы произошло слияние разных этнических и культурных элементов, что привело в середине бронзового века к появлению нового по тем временам образования племен – костишо-тшинцеко-комаровского культурного комплекса. Ареалом его распространения были земли долины рек Сирета и Быстрицы, междуречье Варты и Десны, территория Польши, Белоруссии, Полесья и Среднего Поднепровья. Определение рассматриваемой группы культурного комплекса как базы для дальнейшего развития праславянских племен обусловлено, во-первых, возможностью сопоставления черт их материальной культуры с последующими, вплоть до раннеславянского времени, во-вторых, их локализацией, совпадающей с наиболее точной по данным древней топонимики и гидронимики славянской территорией. Различия компонентов в составе этого культурного комплекса привели к образованию локальных вариантов - всех трех праславянских культур.

Археологи пришли к единому мнению, что такие археологические культуры периода средней бронзы, как тшинцевская, комаровская, являются праславянскими. К ним позднее добавилась еще одна культура – костиша, менее исследованная, которая сложилась в регионе, близком к Паннонии (земля Венгерская по Нестору), то есть в северо-восточном Карпатском регионе Румынии, а также в Западной Украине и в северных районах Республики

Молдова. Первооткрывателями этой культуры являются румынские археологи Раду Вулпе и Михай Замоштяну, проводившие раскопки вблизи населенного пункта Костиша на северо-западе Румынии [7, 118]. Найденные ими материалы в поселениях Костиша, Пэулень и Силиштя (северо-восток Румынии) и Чомыртан в восточной части Трансильвании (западная часть Румынии) заставили его сделать вывод о том, что он имеет дело с отдельной культурой, которой дал название костиша. В настоящее время только в восточно-карпатском регионе Румынии было идентифицировано более 50 местонахождений, некрополей и материалов, относящихся к группе культур костиша – комарово» [10, 14]. В данной статье мы поставили перед собой цель рассмотреть, в каких временных условиях сложился культурный комплекс костиша – тшинец- комарово и его связи с другими культурами, приведшие к образованию последующих праславянских культур. Культура костиша является самым ранним компонентом этого культурного комплекса. Отдельные поселения были хорошо укреплены оборонительными стенами. Именно такие поселения, по мнению Раду Вулпе, были важными социальными центрами [8, 11]. Население занималось, в основном, скотоводством, а земледелие занимало второстепенное значение. Жилища культуры костиша выстроены из самана с прутьями. Очаги расположены непосредственно на земле. Керамика делится на две категории: грубая и тонкая. Грубая керамика представлена широко, однако лишь одной формой-миской в виде усеченного конуса с двумя трубчатыми ручками под краем. На внешней поверхности стенок имеются следы щетки. Тонкая керамика представлена более разнообразно с точки зрения формы. Встречаются чашечки с двумя ручками. Разрез

некоторых ручек имеет серповидную форму, хотя у большинства - прямой. Очень часто встречается амфора. Различаются маленькие и большие амфоры с цилиндрическим горлышком и в виде двуусеченного конуса, причем ручки начинаются на венчике. Вариантом являются амфоры с двумя ручками. Тонкая керамика выделана из высококачественной глины с примесью мелко истолченных черепков. Сосуды хорошо обожжены. Первоначальный цвет черновато-коричневый, иногда с глазурью, преобладающий орнамент – врезанные заштрихованные треугольники, расположенные на плечиках чашек и амфор. Треугольники часто чередуются с полосами, заполненными точками, продолжающимися внизу чашечками около ячейки посередине дна. Врезанный орнамент в большинстве случаев тщательно выполнен при помощи не слишком заостренной палочки. Аналогичная керамика и орнамент были найдены возле населенного пункта Белый Поток в Тернопольской области Украины [7, 116]. Археолог В.А. Романчук заметил очевидное сходство между керамическим ансамблем культуры костыша и соответствующим ансамблем культуры, занимавшей в эпоху ранней бронзы территорию, смежную с ареалом костыша. Это территория единецкой культуры, располагавшейся на севере Республики Молдова [13, 155]. Культура костыша самая ранняя, она сложилась примерно в 2000/1900 гг. до н.э. и просуществовала примерно до 1400 года до н.э. [10, 9].

Хронологически следующей праславянской культурой является культура комарово, сложившаяся примерно в XV веке и просуществовавшая до XI века до н.э. Археологи Т.Е.Пасек, И.К.Свешников и В.Д. Рыбалова полагают, что комаровская культура сложилась на местной основе в результате развития культурных локальных групп шнуровой керамики,

обитавших на территории Прикарпатья и Подолии в предшествующий период. Об этом свидетельствует не только совпадение их территории, но и распространение в комаровской культуре погребального обряда, характерного для поздних культур шнуrowой керамики (курганных и групповых могильников и погребений в каменных ящиках), а также сходство в керамике: в технологии ее изготовления (примесь пережженного кремня), в формах (тюльпановидные сосуды, цилиндрические кубки), шнуrowом орнаменте. Но большую роль в сложении комаровской культуры сыграли носители культуры Карапато-Дунайского бассейна, в первую очередь, костиша [15, 436]. Памятники комаровской культуры, в основном, сосредоточены на среднем и верхнем Днестре, а также на его притоках. Южной границей культуры является верхнее течение реки Прут, где раскопан курган возле села Стопчатов в Ивано-Франковской области Украины. Наиболее западными памятниками комаровской культуры являются курганы, расположенные в верховьях Днестра возле села Городище Львовской области Украины. Восточную и северную границы комаровской культуры четко определить нельзя в связи с тем, что здесь комаровские памятники смыкаются с памятниками восточно-тшинецкой культуры и образуют смешанную зону [15, 429].

Керамика комаровской культуры отличается характерной формой, орнаментацией и технологическими особенностями. Вся посуда изготовлена без помощи гончарного круга, глиняная масса имеет значительную примесь крупных зерен толченого и пережженного кремня или гранита. Поверхность сосудов желтоватого или красноватого цвета обычно хорошо заглажена, часто ангобирована или подлощена. Характерной является форма венчиков сосудов: они всегда утолщены и срезаны –

горизонтально или наискосок. Посуда однотипна, ее можно разделить на две группы: столовую – тщательно изготовленную, подлощенную, богато орнаментированную, и кухонную – более простую по формам и грубую по технологии. К столовой посуде относятся тюльпановидные сосуды, отличающиеся более или менее выпуклым туловом и большим диаметром венчика, а также сосуды типа банок. Кухонная керамика чаще всего украшалась прочерченными линиями или лепными валиками под венчиком [15, 433].

Следующая составная часть праславянского культурного комплекса - это тшинецкая культура, сложившаяся на основе стижовской и межановицкой локальных групп шнуровой керамики в XIX до н.э. на территории Польши, Украины, Белоруссии и России. Польский археолог Александр Гардавски совместно с украинскими археологами С.С. Березанской и И.К. Свешниковым считает, что между тшинецко-комаровской культурой и другими родственными культурами, расположенными в это время между Одером и Днепром, существует генетическая связь с культурами шнуровой керамики [17, 391]. Как и в остальных культурах, керамический комплекс состоит из: а) тюльпановидного сосуда, б) более приземистого горшка, в) миски конической или полусферической формы, г) дырчатого сосуда – дуршлага. Сходны орнаментальные мотивы – валики, бороздки, зигзаги, полукруглые фестоны. Одинаковы цвет сосудов, характер обработки поверхности, примеси в керамическом тесте. Аналогичны и металлические предметы, представленные, главным образом, украшениями. Население тшинецкой культуры в большом количестве еще употребляло кремневые и каменные изделия – серпы, ножи, топоры и т.д [5, 131].

Очень сходной с тшинецкой культурой являются

памятники восточно-тшинецкой культуры, которая занимает северную часть Правобережной Украины, Поднепровье, а также часть Левобережья в междуречье Днепра и Десны. На западе она граничит с тшинецкой культурой Польши, на севере проходит по Припяти и Десне, на востоке захватывает низовья реки Сейм. Южная граница проходит примерно по линии Виница – Черкассы. При большом сходстве памятников, распространенных на этой обширной территории, в археологическом материале, главным образом в керамике, все же имеется некоторое своеобразие, позволяющее выделить четыре локальных варианта: 1-ровенский; 2 припятский; 3-киевский; 4 - сосницкий. Свообразие сосницкой группы по сравнению с другими выражено наиболее отчетливо. Это дало основание некоторым исследователям (И.И.Артеменко, Я.Домбровский) видеть в нем особую самостоятельную культуру [15, 439]. Восточнотшинецкая культура помещается в рамки конца XV – начала XI вв. до н.э.

Типичными для всех трех компонентов единого культурного комплекса были гончарные изделия - это горшки двух видов. Первый, встречаемый чаще всего, - высокий тюльпанободобный, и второй - широкогорлый, одно- или двухушный. Имелись и глиняные миски, ложки, прясла, медные, бронзовые, редко серебряные и золотые украшения, разнообразные заколки, браслеты, кольца, подвески и застежки-фибулы. Смесь изготовлялась из высококачественной глины с примесью пережженного и толченого гранита в тшинецкой культуре, кремня - в комаровской и толченых черепков - в культуре костиша. Общим является черный или коричневый цвет и лощение большинства сосудов. Основные формы сосудов также близки или идентичны для всех трех культур.

В отличие от племен культуры костиша, носители тшинецкой и комаровской культур были земледельцами,

скотоводство занимало второстепенное значение. Они строили неукрепленные поселения с наземными и полуземляными жилищами, хозяйственными ямами-подвалами. Население костышо-тшинецко-комаровского культурного комплекса хоронило своих умерших в курганах или грунтовых могильниках. Преобладают труположение (скорченные на боку, реже - вытянутые), но есть и достаточно фактов трупосожжения. В позднекомаровское время умерших хоронили также в построенных из плит каменных гробницах. Особенность комаровской культуры составляют грунтовые захоронения скорчеников в каменных гробницах, являющиеся отличительной чертой локальной группы Белый Поток комаровской культуры, распространенной в Западной Подолии Украины [4, 197]. Археологические раскопки памятников культуры комарово в северной части Пруто-Днестровского междуречья у сел Медвежа, Котыля, Корпач показали, что население жило в долговременных поселениях, где сооружали наземные дома. Хозяйство было основано на разведении домашнего скота и пашенном земледелии. Население практиковало как курганные, так и грунтовые захоронения с трупосожжением [4, 197].

Таким образом, определение костышо-тшинецко-комаровского культурного комплекса как базы для дальнейшего развития местных праславянских племен обусловлено, во-первых, возможностью сопоставления черт этой материальной культуры с последующими, вплоть до раннеславянского времени, во-вторых, ее локализацией, совпадающей с территорией наибольшего распространения славянских гидронимов. Так, польский языковед К. Мошинский на основании анализа названия рек Днепровского бассейна пришел к выводу, что самое обильное скопление речных названий, которое удается

объяснить из одного только славянского лексического материала без необходимости привлечь аналогичных материалов из других языков, выступает в обширном треугольнике между Припятью и южным участками Среднего Днепра, а также непосредственно на востоке отсюда. Другой языковед, Ф.П. Филин, в работе, посвященной вопросам образования восточно-славянского языка, опубликованной в 60-годы, пришел к выводу, что областями древнейшего праславянского этногенеза являются районы современной Северной Украины от верховьев Западного Буга до Днепра, Южная Белоруссия, а также район Левобережного Поднепровья между Сожем и Десной [4, 192]. Новые исследования археологов дают основания предполагать, что этот регион может быть значительно шире.

Племена тшинецкой культуры приняли участие в сложении Лужицкой культуры XII-IV веков до н.э.[19, 123] и последующих праславянских культур, занимавших не только почти ту же территорию, что и культуры тшинецкая и комаровская, но преемственность которых в основных чертах прослеживается вплоть до раннеславянского времени. По мнению академика Рыбакова Б.А., лужицкая культура была разноэтническим комплексом, охватившим половину праславянского населения, часть германских племен и какую-то часть итало-иллирийских племен на юге [14].

В лесостепном правобережном Поднепровье продолжением комаровско-тшинецкой культуры, по предположению ряда археологов, была белогородовская культура [9, 46]. Основанием для такого предположения послужили найденные в памятниках этой культуры металлические изделия: топоры-кельты, шила, украшения, спиральные подвески, пронизки, шпильки, накладки, горшки высокого профиля тюльпаноподобной формы,

нередко с наlepным валиком, а также прорезной или вытисненный зубчатым колесиком орнамент, очень напоминающий костишо-тшинецко-комаровский культурный комплекс. У археологов есть все основания полагать о достаточно заметном и разноплановом влиянии компонентов культурного комплекса в эпоху уже поздней бронзы как на Северное Причерноморье в целом, так, в частности, и в направлении нижнего Днестра [13, 155].

Литература

1. Абакумов А. Протославяне – Балтославяне – индоевропейцы (Электронный ресурс) <http://cultoboz.ru/np17/89-praslav?showal=1>
2. Березанская С.С. Поселение эпохи бронзы на Днестре. Киев, 1974.
3. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
4. Березанская С.С. Тшинецко-комаровская культура на севере Украины // Советская археология, 1967, № 2.
5. Вулпе Раду. К вопросу о периодизации бронзового века в Молдове// DACIA Revue D'arheologie et D'histoire ancienne. Nouvelle serie, Tome V, 1961.
6. Вулпе Раду Perioada mijlocie a epocii bronzului la est și vest de carpații răsăriteni // Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România /Coord.: - Valeriu Cavruc și Gheorghe Dumitroaia - Piatra –Neamț , 2001.
7. Кондукторова Т.С. Антропологический тип людей комаровско-тшинецкой культуры Украины // Вопросы антропологии, № 62, 1979.
8. Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România /Coord.: - Valeriu Cavruc și Gheorghe Dumitroaia,- Piatra – Neamț, 2001.

9. Лысенко С.Д. Абсолютная хронология восточного массива Тшинецкого культурного округа // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. Луганск, 2005.

10. Повесть временных лет// Памятники литературы Древней Руси: XI –начало XII века. М.: 1978.

11. Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии// Stratum plus, nr.2, 2011.

12. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., Наука, 1981.

13. Свешников И.К. Комаровская культура // Археология Украинской ССР в трех томах. Том первый. Первобытная археология. Киев, 1985.

14. Свешников И.К. Культуры шнуровой керамики // Археология Прикарпатья, Воьлыни и Закарпатья. (энеолит, бронза и раннее железо). Киев, 1990.

15. Свешников И.К. Подкарпатская культура // Археология Украинской ССР в трех томах. Том первый. Первобытная археология. Киев, 1985.

16. Телегин Д.Я. Днепро-донецкая культура // Археология Украинской ССР в трех томах. Том первый. Первобытная археология. Киев, 1985.

17. Шапошникова О.Г. Племена бронзового века // История Украинской ССР в десяти томах. Том первый. Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киев, 1981.

**НАРОДНАЯ КУКЛА В ТРАДИЦИЯХ
ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**
(на примере обрядовых кукол и кукол-оберегов)

*Дамьян Надежда Андреевна,
старший преподаватель*

(г. Кишинев, Молдова)

Аннотация. В статье объектом исследования стала народная кукла, которая являлась у многих славянских народов главным персонажем различных ритуальных действий.

Особое внимание уделяется классификации кукол (обрядовые, игровые, куклы-обереги). Автор приходит к выводу, что народные куклы содержали в себе элементы народной культуры, традиций и обычаев.

Ключевые слова: славянские народы, народная кукла, традиции, обряды.

THE SLAVIC FOLK DOLL IN THEIR FOLCLORE TRADITIONS (BY THE EXAMPLE OF RITUAL AND AMULET DOLLS)

Abstract. In this article the subject of research was a folk doll that was a main character for different Slavic rituals.

Particular attention was paid to the dolls classification (amulet, ritual and playing dolls). The author comes to the conclusion that folk dolls represented elements of folk culture, traditions and customs.

Keywords: Slavic people, a folk doll, traditions, rituals.

PĂPUȘA POPULARĂ ÎN TRADIȚIILE FOLCLORICE ALE POPORULUI SLAV (ÎN BAZA PĂPUȘILOR RITUALICE ȘI A PĂPUȘILOR-AMULETE)

Adnotare. Subiectul de cercetare al articolului este semnificația păpușii populare care, la unele popoare slave, se considera personajul principal în diferite activități ritualice.

O atenție deosebită se acordă clasificării păpușilor: păpușă ritualice, de joc, păpuși-amulete. Autorul ajunge la concluzia că păpușile conțin în sine elemente ale culturii populare, ale tradițiilor și obiceiurilor poporului slav.

Cuvinte-cheie: popor slav, păpușa populară, tradiții, obiceiuri.

XXI век выдвинул одну из задач – возвращение к истокам культуры народа, его истории, традициям, поэтому не случайно объектом нашего исследования стали обрядовые куклы и куклы-обереги в фольклорных традициях славянских народов.

Народная кукла всегда была предметом рукотворным и одновременно сакральным. Где бы ни селился человек, кукла была неизменным его спутником. Она была проста, но в этой простоте таилась загадка. Она являлась у многих славянских народов главным персонажем различных ритуальных действий при проведении праздников, например: кукла Масленица («Авдотья Изотьевна»), кукла Коляда, Кострома, Купала и др.

При наличии антропоморфного облика кукла в обрядах часто воплощала природную стихию: время года, плодородие [7, 266].

И масленичная кукла, и купальская, и Кострома – все они символизировали пограничное состояние природы. Уничтожая куклу, участники обрядового действа как бы открывали ворота для нового годового сезона. С уничтожением куклы Масленицы приходила весна, с уничтожением Костромы – лето; «убивая» (топя или сжигая) куклу Купалу, изгоняли нечистую силу [4, 73].

Украинские девушки в день Ивана Купалы делали соломенную куклу, которую наряжали в платье, ленты и цветы. Вокруг куклы Купалы традиционно устраивались символические бои: захватившие куклу срывали с неё одежду, топтали ногами и со смехом бросали в воду [3, 268, 273].

В славянском обрядовом пространстве изготавливались разнообразные куклы, у них были различные предназначения. Их использовали в магии, в качестве оберегов, они являлись непременно атрибутами праздничных обрядов. Во многих произведениях народов мира куклы становились главными персонажами (русские сказки – «Василиса Прекрасная», «Терёшечка», «Глиняный парень» и др.; итальянские народные сказки – «Три сказки попугая» и др.). Куклы

оказывались главными героями и в авторских сказках – «Золотой ключик» (А. Толстого), «Стойкий оловянный солдатик» (Г.Х. Андерсена) и др.

Следует подчеркнуть, что славянская традиция имеет богатую кукольную культуру. Кукла была не просто игрушкой, она была знаком продолжения рода, залогом семейного счастья и благополучия.

Классифицировать кукол многие ученые пытались неоднократно, однако наиболее органичной стала система, разработанная известным философом и культурологом Ю.Н. Лотманом. Он предложил все куклы разделить на две основные группы: *кукла-модель* и *кукла-игрушка* [5, 477].

С его точки зрения, *куклы-модели* – это интерьерные, витринные, сувенирные, коллекционные, музейные и восковые куклы. *Куклы-игрушки* – обрядовые куклы, утилитарные куклы (т.е., когда сама фигура куклы имеет не самостоятельное, а подчиненное значение). Самым ярким примером служили куклы-погремушки, а также солонки в виде кукол, «бабы на чайник» и т.д.

И все же следует отметить, что в начале своего исторического пути кукла у славян игрушкой не являлась, а имела совершенно иное предназначение – она носила культовый характер: изображала божество, выступала в роли искупительной жертвы, «ловушки» для злых духов, оберега, талисмана.

На протяжении всей истории славян было известно около 90 видов кукол. По нашему мнению, народных кукол можно разделить на три большие группы:

1) обрядовые; 2) игровые; 3) обереги.

Обрядовые куклы. Обрядовыми называли кукол, которые использовались при совершении какого-либо обряда. Они были связаны с событиями календарного года, народными праздниками, религиозными обрядами.

Во время обрядовых действий часто использовалась кукла Покосница, изображавшая женщину во время сенокоса. Начало купаний символизировала другая кукла – Купавка. Её сплавляли по воде, считая, что вместе с ней уходят людские болезни и невзгоды. Известными обрядовыми куклами, дошедшими до наших дней, были соломенное чучело Масленицы и огородные пугала. Среди кукол этой группы следует также выделить: Десятиручку, к которой обращались с просьбой помочь по хозяйству; Зерновушку, которую специально изготавливали для того, чтобы в семье были дети; Коляду – куклу, служившую символом солнца и добрых отношений в семье; Мировое дерево (эта кукла изготавливалась без сшивания иглой, чтобы счастье семейное не зашить), Кубышку-травницу (по мнению славян, эта кукла следила, чтобы болезнь не проникла в дом).

Игровые куклы предназначались детям для забавы. Наиболее ранняя из традиционных игровых кукол была кукла «полено». Она представляла собой деревянное поленце, наряженное в стилизованную женскую одежду. К этой группе относили куклы: зайчик на пальчик, куклы-закрутки, малышок-голышок, кукла на «выхвалку».

Обереговая кукла – древний, особый символ славян. В стародавние времена эта кукла была не просто игрушкой, а оберегом и неотъемлемым атрибутом различных обрядов. У каждой куклы было свое предназначение и связано оно было с главными событиями в жизни человека – семьей, домом, счастьем, здоровьем, достатком.

Куклу-оберег наряжали, но лицо не рисовали, так как считалось, что вместе с лицом игрушка получала и душу, а это означало, что она становилась уязвимой для дурного глаза, поэтому «безлика» кукла была и игрушкой, и

оберегом [2, 59]. К этой группе относили такие народные куклы: божье око, кватка, ангелочек, берегиня, день и ночь, девка-баба, 12 лихорадок, колокольчик, бессонница, желанница, Параскева, крестец, Семион-столпник, толстушка-костромушка.

В народной традиции не последнее место принадлежало и традиционным куклам. Большинство традиционных кукол уничтожалось во время ритуалов и обрядов [3, 170].

Самой древней славянской куклой была кукла из волос. Когда женщина стригла свои волосы, то собирала их в небольшой мешочек, чтобы затем сделать из них куклу. Считалось, что когда человек заболел, то его необходимо было обложить такими куклами, чтобы он вылечился. Эти куклы не использовались в играх. Они хранились в сундуках и передавались в день свадьбы [1, 65].

Рассматривая использование в старину кукол, можно заметить, как проступает цепочка скрытых символов и значений. Так, отсутствие ног у отдельных кукол объясняется не тем, что наши предки не умели их делать, а тем, чтобы, по их мнению, кукла не убежала, так как она считалась членом семьи, ею дорожили.

Рассматривая русские народные сказки, было замечено, что в отдельных из них действуют куколки – волшебные помощницы, например: «князь Данила-говорило», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Царевна в подземном царстве», «Грязнавка». В этих текстах кукла постоянно кого-то спасает, кому-то покровительствует, охраняет общественную мораль. За это ее нужно было кормить, как живое существо, беречь и почитать. В отдельных фольклорных текстах наблюдается связь куклы с царством мертвых. Так, в сказке «Василиса Прекрасная» мать перед смертью дает дочери куклу и

говорит: *«Береги её всегда при себе и никому не показывай. А когда случится с тобой горе, дай ей поесть и спроси совета. Поест она и поможет твоему несчастью»*. Потом куклолка помогала Василисе советом и делом: *«Куклолка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-Яги»*. Выходило, что кукла как бы заменяла Василисе Прекрасной мать, была своеобразным матушкиным благословением [6, 199-206].

Исследуя отдельные жанры фольклора, народные традиции и роль народной куклы в них, можно сделать вывод, что кукла служила для наших предков своеобразным родовым этническим кодом, который указывал на основные ориентиры жизненного пути: помнить и чтить своих предков и родителей, хранить родовой и домашний очаг, следовать традициям повседневной жизни. Куклы всегда содержали в себе элементы истории, традиции, а также педагогической мудрости. Являясь частью народной культуры, они сохраняли в своем образе самобытность и характерные черты создавшего их народа.

Литература

1. Брудная Л. И., Гуревич З. М., Дмитриева О.Л. Энциклопедия обрядов и обычаев. М., 1996.
2. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура и традиции. М., 2007.
3. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие не естественной смертью и русалки. М., 1995.
4. Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. Спб., 2005.
5. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные труды. Таллинн, 1992.
6. Русские народные сказки. М., 1983.

7. Шафранская Э.Ф. Устное народное творчество. М., 2008.

**СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В «СКАЗКЕ О ДОЖДЕ» БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ**

*Луговская Елена Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Тирасполь, Молдова)*

Аннотация. Рассматривая «Сказку о Дожде» Б. Ахмадулиной с точки зрения репрезентации в ней элементов славянской мифологической традиции, автор указывает на ее постмодернистскую эстетику, в рамках которой происходит трансформации привычных представлений о мире, и доказывает, что постмодернистская эстетика является фоном, на котором указанная традиция, представленная архетипами Воды и Огня, раскрывается глубокими философскими смыслами.

Ключевые слова: *Б. Ахмадулина, славянская мифологическая традиция, стихии Воды и Огня, дождь, постмодернизм, архетип.*

**SLAVIC MYTHOLOGICAL TRADITION
IN THE 'TALE OF THE RAIN' BY BELLA AHMADULINA**

Abstract. The author considers the "Tale about the rain" by B. Akhmadulina in terms of representation within its elements of Slavic mythological tradition followed with "tale" postmodern aesthetics, in which occurs the transformation of traditional ideas about the world. The author argues that postmodern aesthetics is the background on which the specified tradition represented by the Archetypes of Water and Fire revealed deep philosophical meanings.

Keywords: *B. Akhmadulina, Slavic mythological tradition, the forces of nature (Water and Fire), The Rain, postmodernism, archetype.*

**TRADIȚIA MITOLOGICĂ SLAVĂ
ÎN «POVEȘTEA PLOII» DE BELLA AHMADULINA**

Adnotare. Abordînd opera «Povestea Ploii» de Bella Ahmadulina din punctul de vedere a prezentei elementelor tradițiilor mitologice slave, autoarea a indicat estetica ei postmodernistă în limitele căreia au loc transformările reprezentărilor obișnuite despre lume, și dovedește, că estetica postmodernistă este un fon pe care tradițiile de mai sus, reprezentate de arhetipurile Apă și Foc, se deschid cu profunde sensuri filozofice.

Cuvînte-cheie: *Bella Ahmadulina, mitologia tradițională slavă, stihurile Apă și Foc, ploaie, postmodernism, arhetip.*

Талант Б. Ахмадулиной как поэта, обладающего тонким эстетическим чутьем, чувством изящного и поэтической фантазией, проявился уже в ее первых произведениях, представленных в поэтическом сборнике «Струна», вышедшем в 1962 году. Удивительный лиризм, легкая, артистичная манера письма, теснейшая связь поэзии с отечественной художественной традицией позволяют исследователям ее творчества относить такие особенности стиля поэта, как импрессионистичные по своей сути и словно мерцающие образы, смелые и неожиданные сравнения и умелое совмещение в стихе традиционного и новаторского, к творческому опыту модернизма. В поддержку этой точки зрения говорит и обращающее на себя внимание использование элементов модернизма как на уровне изобразительных средств, так и на уровне проблематики.

Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что формирование художественного мира поэта происходило в эпоху постмодерна, в условиях сложившегося к середине XX века некоего буффонадно-скептического умонастроения, обусловленного уверенностью части представителей философии, искусства, религии в том, ни в одной из областей человеческого знания невозможно сказать ничего принципиально нового. Постмодернизм как философская рефлексия на ситуацию постмодерна

выразился в складывании новой парадигмы художественного мышления, системообразующим элементом которого явилась аллюзивность, делающая не просто возможным, но и необходимым сосуществование противоречивых и несочетаемых фактов культуры в едином художественном пространстве.

Недосказанность, расчет на сотворчество читателя, характерные для модернизма, переосмыслились как своеобразная «смерть автора», «смерть» индивидуального текста, который растворялся в цитатах, реминисценциях и аллюзиях; место классического модернистского интертекста занял гипертекст, обеспечивающий полную свободу манипуляции. Писательская игра с разными смыслами, когда самый очевидный из них, как правило, лишь своеобразная «ширма» для более глубинных прочтений и интерпретаций, уход от условностей и попытка выхода за пределы бинарной логики, где есть черное и белое, плохое и хорошее, разрушение и смешение традиционных жанровых форм позволяет рассматривать постмодернизм в литературе в качестве своеобразной ауторефлексии модернизма.

Рассматривая поэму Б. Ахмадулиной «Сказка о Дожде» с точки зрения репрезентации в ней элементов славянской мифологической традиции, мы должны обратить особое внимание на ее постмодернистскую эстетику, в рамках которой происходит трансформации традиционных мифологических представлений о мире.

Использование образа дождя как персонификации явления природы, через описание характера которого художник выражает эмоциональное состояние лирического героя, - достаточно распространенный художественный прием. Персонификация Дождя предполагает наличие у этого сказочного персонажа своего уникального типажа – в «Сказке о Дожде» он, как и все

сказочные герои, добр и бесстрашен. Образ Дождя в сказке – это глубинная сущность, архетип Воды, вышедший из глубин подсознания в реальную воплощенную бытийность.

Дождь представлен как проявление стихии, которая не позволяет лирической героине жить как все, быть как все. С первых строк произведения лирическая героиня предстает насквозь промокшей в противовес окружающему миру, который представлен стихией огня (зноя): *«Меж тем вокруг стоял суровый зной. // Дождь был со мной, забыв про все на свете»*. Образ противопоставляемого окружающего мира, обычной жизни детализируется автором описанием дома как средоточия теплоты и уюта, представленного той ипостасью стихии Огня, которая поддерживает, согревает и, таким образом, может быть рассмотрен как проявление женской ипостаси.

Архетипы Воды и Огня в сказке Б. Ахмадулиной представлены в традиционном для славянской традиции мифологическом понимании связи воды с женским началом, а огня – с мужским: Вода считалась сестрой или женой Огня и одновременно его соперницей.

Лирическая героиня сказки отождествлена со стихией Воды, а образ Дождя, все время оказывающегося вне тела, вне кафе, вне дома, обуславливает субъектность этой стихии (*«Дождь, как крыло, прирос к моей спине. // Дождь был со мной, забыв про все на свете. // Вокруг меня приплясывали дети, // как около машины поливной. <...> Я вышла. И была моя щека // наказана пощечиною влаги, // но тут же Дождь, в печали и отваге, // омыл мне губы запахом щенка. <...> Сырым платком я шею обвязала. // Дождь на моем плече, как обезьяна, сидел. // И город этим был смущен»*).

В сказке есть и другие «представители» стихии воды – застывшая аллегория воды «...пленный шкаф – мою царевну спящую – хрусталь. // Тот, в семь румянцев розовевший спектр, // в гробу стеклянном, мертвый и прелестный»... Но хрусталь мертв, весь спектр чувств, которые испытывает героиня, отождествленная с Дождем, все семь румянцев, которые и составляют жизнь (розовый цвет как цвет жизни, огня) здесь неуместен. Попадая в дом, которому «покровительствует» стихия огня, лирическая героиня (насквозь промокшая, то есть отождествленная со стихией воды) оказывается противопоставленной обитателям дома: «Со мной творилось что-то в этот раз. // Язык мой так и воспялялся вздором. // (О, это Дождь твердил мне свой диктант)».

Обитатели дома, стараясь приобщить лирическую героиню к своей жизни, к своим ценностям (*паркет и люстра, хрусталь в шкафу, дети*), подталкивают ее к принятию огня («*Вскричали все: – К огню ее, к огню!*»), что оценивается в контексте отречения от веры: образ аутодафе явственно проступает в строках: «*Когда-нибудь, во времени другом, // на площади, средь музыки и брани, // мы б свидетелься могли при барабанах, // вскричали б вы: – В огонь ее, в огонь! // За все! За дождь! За после! За тогда! // За чернокнижье двух зрачков чернейших...*».

Лирическая героиня принимает и стихию Огня в ее «высоком» небесном значении, как огонь очистительный, и в этом смысле стихии Огня и Воды для нее оказываются неразличимыми: «*Привет тебе! Нацель в меня прыжок. // Огонь, мой брат, мой пес многоязыкий! // Лижи мне руки в нежности великой! // Ты – тоже Дождь! Как влажен твой ожог!*»

Пока стихия огня представлена Огнем в его высоком значении, героиня как овеществленная стихия Воды не чувствует себя предательницей, несмотря даже на то, что

ее стихия – Дождь – осталась вовне (на пороге). Только «причащение» к прирученному огню, его «обыденно-бытовому варианту» вызывает у лирической героини ощущение того, что она предает Дождь: *«Прощай, мой Дождь! // Как весело, как мило // принять мороз на кончик языка!»*. Причащение вином (коньяк как «мороз на кончик языка») как образ причащения к вере (другой вере – вере Огня) провоцирует конфликт внутри лирической героини: *«Как крепко пахнет розой от вина! // Вино, лишь ты ни в чем не виновато. // Во мне расщеплен атом винограда, // во мне горит двух разных роз война»*. Здесь очень интересен образ вина: с одной стороны, вино – это жидкость, и в этом его близость к стихии Воды, а с другой стороны, вино, как то, что должно согреть, предстает элементом стихии Огня.

Лирическая героиня призывает Дождь (*Мой мальчик, Дождь! Скорей иди сюда!*), однако после проникновения стихии Воды в обитель стихии Огня схватки между этими вечно борющимися стихиями не происходит, потому что Огонь, как и Вода, спит в этом доме, ведь проявлены эти стихии в мертвых предметах – «люстры полная луна», «озеро паркета», «хрусталь».

Эти смыслы очевидны и достаточно прозрачны – содержательный компонент лексико-грамматического поля составляют глаголы, характеризующие Дождь, среди которых можно выделить глаголы с семантикой движения, глаголы с семантикой эмоций и чувств, обуславливающих персонификацию образа Дождя, и глаголы, описывающие отношение или действия, направленные на Дождь. Динамика повествования обусловлена основным образом текста – Дождем, на периферии находятся лексемы, в которых содержится сема «воды», репрезентирующая основной содержательный компонент лексико-

грамматического поля «вода» на ассоциативном уровне (мертвые предметы).

Сказка о Дожде выполнена как своеобразный диалог лирической героини и Дождя – главного героя сказки, в который вкраплены диалоги с другими персонажами («хозяйка дома», «одна из гостей», «другая гостья»). Своеобразие этого диалога в том, что Дождь не произносит ни единого слова, тогда как лирическая героиня обращается к нему и отвечает ему, интерпретируя его невербальное поведение: *«Я строго объяснила: – Доброта // во мне сильна, но все ж не безгранична. // Тебе ходить со мною неприлично. – // Дождь на меня смотрел, как сирота. // – Ну, черт с тобой,- решила я,- иди! // Какой любовью на меня ты пролит? // Ах, этот странный климат, будь он проклят! – // Прощенный Дождь запрыгал впереди».*

Таким образом, по законам волшебной сказки (а сказка о Дожде безусловно волшебная) лирическая героиня выступает помощником главного героя, являясь одновременно носителем его субъектности.

Дождь как характер выражен в сказке в полном соответствии с законами волшебной сказки – преданность и доброта как основные черты характера выписаны очень рельефно и остаются неизменным качеством героя от начала до конца сказочного повествования. Особенность характера главного сказочного героя сугубо постмодернистская – дождь персонифицирован, но не идеален. В отличие от классического образа сказочного героя, который призван служить примером честности, доброты и других положительных качеств, Дождь ни плох, ни хорош. Вместе с тем образ Дождя словно мерцает, то сливаясь с рефлексией лирической героини, то персонифицируясь и обретая некоторую самость.

Рефлексия лирической героини, сопровождающая ее диалог с Дождем, противоречива: лирическая героиня хочет одновременно и расстаться с Дождем, и остаться с ним.

В связи с этим образ лирической героини также оказывается мерцающим: он то сливается с образом рассказчика (*«Не слушайте меня! Ведь я в бреду! – // просила я. – Все это Дождь наделал. // Он целый день меня казнил, как демон. // Да, это Дождь вовлек меня в беду»*), то с образом Дождя (*«В моих глазах двумя слезами плавал // лишь след его, оставшийся во мне; (Язык мой так и воспялся вздором. // О, это Дождь твердил мне свой диктант.); Дождь мои губы звал к ее руке»*).

В 1-4 частях сказки описание действий лирической героини и Дождя выражено разными глагольными формами (поведение лирической героини словно противопоставлено поведению Дождя: она говорит – он молчит, она *«вошла в кафе»* – он остался вовне, она *«в тот дом приглашена»* – он нет, она не может его взять с собой в дом – он *«расстаться не захочет»* и т.п.). Такой прием позволяет, с одной стороны, вычленять два образа – образ рассказчика, совпадающий на этом этапе с образом лирической героини, и образ Дождя, а с другой стороны, указывает на наличие внутреннего конфликта лирической героини.

Разведение образа, репрезентируемого личным местоимением «я», на два самостоятельных представления – образа рассказчика и образа лирической героини – обусловлено законами волшебной сказки, по которым сказочный герой, принадлежащий только одному миру – миру живых или миру мертвых – не может пересечь границу между мирами, не потеряв себя. Нарушая этот

запрет, сказочный герой переживает трансформацию, обретает новое качество.

В славянской традиции власть над дождем и другими атмосферными явлениями приписывалась представителям иного мира – покойникам и особенно висельникам и утопленникам. В этом смысле образ лирической героини оценивается как образ «иного», не принадлежащего этому миру. Образ лирической героини все время мерцает – от образа рассказчика как представителя *этого* мира - до образа Дождя как представителя мира потустороннего. Инородным элементом в мире уюта и «легкости» (дом как *этот* мир) оказывается только Дождь, та ипостась лирической героини, которая олицетворяет потусторонность и инаковость.

В 5 части, после введения образа Огня как симулякра Дождя, лирическая героиня уже сама выступает в роли главного сказочного героя – Дождя, транслируя проявления его характера в своем речевом поведении вплоть до 8 части сказки (описываемый фрагмент имеет кольцевую композицию, обозначенную глагольным повтором «*дождь плакал*» / «*я плакала*»).

После хора детей 10 и 11 части, в которых Дождь представлен своим антиподом – Огнем, образы рассказчика, лирической героини и главного сказочного героя (Дождя) расходятся, разотождествляются, и к концу сказки исчезают совсем.

Вначале исчезает сказочный герой, затем лирическая героиня: последний катрен сказки представляет собой принятую в сказках мораль – абстрактность и обобщенность ее смыслового содержания и формы (вместо видового наименования «Дождь» использовано родовое «осадки»; в высказывании «осадков не сулило» не предполагается указания на объект действия), выводит на передний план рассказчика.

Сказочный троекратный повтор, представленный тем, что дождь трижды призывается, оказываясь «за порогом» – за порогом кафе, за порогом дома (за окном, на крыльце) – интересен тем, что в первом случае лирическая героиня воссоединяется с дождем (*Я, с хитростью в душе, вошла в кафе. <...> // Я вышла. И была моя щека // наказана пощечиною влаги...»*), во втором – они вместе («Ну, черт с тобой, – решила я, – иди!»), и в третьем случае Дождь воссоединяется с лирической героиней («Мой мальчик, Дождь! Скорей иди сюда!»), после чего эти два образа исчезают из повествования.

Есть в сказке и традиционное тридевятое царство тридесятое государство со своим хозяином, а также типичные представители потустороннего мира, которые призваны сбить с пути сказочного героя. В «Сказке о Дожде» – это «*тот дом*», который представляет собой *этот* мир и, в отличие от традиционной сказки, описан в светлых, ярких тонах; сказочность, заколдованность этого места проявляется в необычной легкости и плавности, сопровождающих пребывание в нем; есть здесь и спящая царевна, спрятанная в стеклянном гробу (*...пленный шкафом – мою царевну спящую – хрусталь. // Тот, в семь румянцев розовевший спектр, // в гробу стеклянном, мертвый и прелестный...*). Там есть хозяин и хозяйка, которые не воспринимаются вместе, их появление в повествовании представлено линейно и разведено по отдельным частям (3 и 5). Кроме хозяйки, в диалог с лирической героиней вступают две гости – типические представительницы «дома», их типичность выражена вербально – в содержании их реплик и реакций на ответы лирической героини (отождествленной со сказочным героем). Дом представляет собой традиционный для постмодернизма образ-перевертыш – привычное

выступает как неправильное, на фоне чего уникальное, единичное – Дождь – оказывается правильным. То, что *дождливость* как уникальное качество иного мира отождествляется в сказке с *одаренностью*, становится понятно уже с первых слов хозяйки *того* мира: *«Я вас браню. // Помилуйте, такая одаренность! // Сквозь дождь! И расстоянья отдаленность!»*. Соседство «одаренность» с отрицательно-оценочным «браню», указание на удаленность мира, из которого приходит сказочный герой (в традиционной сказке – за тридевять земель), качественная характеристика «сквозь дождь», в соответствии с расположением в поэтической строфе, легко относимая и к концепту одаренности (регрессивно), и к концепту удаленности (прогрессивно), представляют собой исчерпывающее описание ситуации.

По законам сказки в сказочное место главному герою попасть нельзя и тогда вместо него это делает помощник – для этого он отождествляется с главным героем. Однако по замыслу автора сказки сказочный герой все-таки нарушает запрет (*«Прошел по спинам быстрый холодок. // В тиши раздался страшный крик хозяйки. // И ржавые, оранжевые знаки // вдруг выплыли на белый потолок. // И - хлынул Дождь!»*) и нарушение запрета приводит к тому, что сказочный герой умирает.

Борьба темных и светлых сил в сказке представлена конфликтом пошлости стереотипных представлений о женщине как хозяйке домашнего «уюта» и женщине как носителе творческого, динамического и потому мужского - в традиционном понимании - начала.

Образы главных действующих лиц этой сказки прекрасно осмысляются в контексте славянской мифологической традиции. Дождь как мужское воплощение женской стихии Воды, сопоставляемый и отождествляемый в повествовании с Огнем – собственно

мужской стихией. Динамичность, деятельность Дождя не позволяет отнести этот образ к архетипу женского начала. Вместе с тем Дождь, как воплощенная в лирической героине субъектная сущность, отождествляемая с Огнем, может быть рассмотрен как гармоничное по своей сути существо, потенциально соединяющее в себе и мужское и женское начало. Таким образом, «дождливость» как творческое начало («одаренность») мыслится андрогинным и только в таком виде ценным; лирическая героиня предстает носителем творческого созидательного (условно мужского начала (Дождя), хотя в какой-то момент сдается стереотипным представлениям о мире и, подпадая под очарование мужского начала (огонь) уже готова отказаться от своей инаковости, потенциальной андрогинности.

Однако, чтобы осознать свою андрогинность, материализовать ее, лирической героине необходимо пройти инициацию и своей женскости, и своей мужественности. Инициация женскости происходит, когда появляется хор детей – это переломный момент сказки – лирической героине, тождественной сказочному герою на этом отрезке сказочного пути, предлагается суррогат творчества («искусствочко, искусство // ребеночек чужой»), когда «одаренность» (читай «дождливость») трактуется как «оплошность // пустых небес...». Хор детей, интонационно выделяющийся в ткани сказки своим песенным, трансовым ритмом, представлен как обрядовая песня инициации женского начала, однако ироничность текста хора и игривость ритма помогают понять, что на самом деле задача хора – не инициация женского начала, а отрицание мужского.

Содержание 10 части предвосхищает дальнейшее развитие событий и глубоко символически, красивым,

удивительным языком, но, тем не менее, в лучших традициях постмодернизма описывает процесс «убийства мужественности», недопущение инициации (*«в уста его, в ту алчущую ранку, // отравленную проливая грудь?»*). Образ материнской груди, от которой не отняли мальчика, и таким образом лишили его возможности превращения в мужчину, потенции инициации, противопоставлен образу оплодотворения спящей царевны мальчиком Дождем (*«И - хлынул Дождь! <...> Звенел, играя с хрусталем воскресшим»*).

В этом акте воскрешения спящей царевны (*«мою царевну спящую - хрусталь»*) бесполой мальчик Дождь, нарушивший запрет и преступивший границы тридесятого царства, становится мужчиной. Одновременно происходит инициация и мужского и женского начала – возникает андрогинность *«одаренности»*, рождается тот самый Бог (*«Медведица! вы для какой забавы // в детеныше влюбленными зубами // выщелкивали бога, словно блох?»*) творчества (*«Как в Сашеньке - непробужденный Блок?»*).

По законам волшебной сказки Дождь умирает, попав в заколдованное место, таким образом, лирическая героиня и сказочный герой, в начале сказки представленные дуальным образом, теперь отождествлены в образе лирической героини, который больше не «мерцает» в сторону образа рассказчика.

Лирическая героиня покидает тридесятое царство, полностью отождествившись с Дождем: ощущение своей полноты и самости вербализовано в ее храбром: *«Я засмеялась: // - Знаю, что отвечу. // Вы безобразны. Дайте мне пройти»*. Однако за пределами сказочного мира лирическая героиня оказывается одинокой, ее андрогинность в реальном мире воспринимается как «беда»: *«Пугал прохожих вид моей беды. // Я говорила: // –*

Ничего. Оставьте. // Пройдет и это. – // На сухом асфальте // я целовала пятнышко воды».

Библейская аллюзия «Пройдет и это» здесь использована автором не только для актуализации содержания известного выражения – форма высказывания, не навязывающая понимания фрагмента действительности, обозначенного как «это», снова позволяет задействовать сразу две возможных интерпретации. «Пройдет беда» как этикетная форма ответа испуганным прохожим, и «пройдет испуг прохожих» – так как единство женского и мужского естественно для человека (в соответствии с мифологической традицией) – и «пятнышко воды» как обещание все новых и новых инициаций.

Последний катрен сказки абсолютно деперсонифицирован и не может рассматриваться ни как рефлексия лирической героини, ни как слова рассказчика – постмодернистская «смерть автора» выражена в использовании псевдоинформационного стиля: *«Земли перекалялась нагота, // и горизонт вокруг города был розов. // Повергнутое в страх Бюро прогнозов // осадков не сулило никогда».*

Так, глубоко лирическое, эмоционально насыщенное повествование оканчивается вневременным и обезличенным информационным сообщением, по законам сказки воспринимаемым как мораль-предупреждение, которое снова мерцает противопоставленными смыслами: семантика фразы в общем контексте сказки объясняет эмоцию «страх» как «страх дождливости», но особенности грамматического оформления фразы позволяют вычлнить и перевернутой смысл – «страх» как «страх отсутствия Дождя» или любых других проявлений инаковости («осадков»): *«перекалялась нагота», осадков не сулило никогда».*

Постмодернистская сущность лирики Б. Ахмадулиной неочевидна в силу того, что само состояние сознания, свойственное постмодернизму как особого типа культуры, во многом женское: основа постмодерна в отсутствии логики и рациональности, смешении всего. В лирике Б. Ахмадулиной такое смешение представлено настолько органично, а плавность и мелодичность диалога с читателем так завораживают, что глубинные смыслы, мерцающие в структуре видимых образов лирического произведения, не всегда очевидны даже при «медленном чтении». Таким образом, постмодернистская эстетика представляет собой тот фон, на котором славянская мифологическая традиция, представленная в «Сказке о Дожде» Б. Ахмадулиной архетипами Воды и Огня, раскрывается глубокими философскими смыслами.

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

*Зайковская Татьяна Викторовна,
доктор филологии,
ведущий научный сотрудник
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. Совокупность символов, которыми отличается каждая культура, представляет собой наиболее устойчивые ее элементы. В проблеме их изучения наблюдается пересечение таких категорий, как фольклорное сознание, языковое сознание, этническое сознание; исследование неизбежно выводит на рассмотрение таких аспектов, как концептосфера и язык фольклора (характер и формы взаимодействия; фольклорный концепт как дискурсивная реализация общекультурного концепта и т. п.). Автор попытался показать это в своей статье.

Ключевые слова: *Ключевые слова: фольклорное сознание, русское устнопоэтическое творчество, концептосфера, Республика Молдова, лирические песни, русское этнокультурное мировосприятие.*

CONCEPT SPHERE OF THE RUSSIAN FOLKLORE SONGS EXISTED IN REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract. The set of symbols that are different in each culture, is the most stable of its elements. In the problem of their study is observed the intersection of such categories as folk consciousness, linguistic consciousness, ethnic consciousness; research inevitably brings to the consideration of aspects such as concept sphere and language of folklore (the nature and forms of interaction; folklore concept as discursive realization of common cultural concept, etc.).

Keywords: *folk consciousness, Russian oral poetry, concept sphere, the Republic of Moldova, lyrical songs, Russian ethno-cultural worldview.*

SFERA CONCEPTUALĂ FOLCLORULUI RUSESC CÂNTAT DIN REPUBLICA MOLDOVA

Adnotare. Setul de simboluri care este diferit în fiecare cultură se referă la elementele sale cele mai stabile. În problema de studiere simbolismului se observă intersecția a unor categorii precum conștiința folclorică, conștiința lingvistică, conștiința etnică; cercetare aduce inevitabil la examinarea aspectelor precum sfera conceptuală și limbajul folclorului (caracterul și forma interacțiunii, conceptul folcloric ca o realizare discursivă a conceptului cultural general etc.).

Cuvinte-cheie: *conștiință folclorică, creația poetică orală rusă, sfera conceptuală, Republica Moldova, cântece lirice, viziune etnoculturală asupra lumi.*

Обращаясь к жанру лирической поэзии – одного из наиболее распространенных в русском фольклоре Республики Молдова, прежде всего необходимо подчеркнуть ряд моментов. В устном народном творчестве лирическая поэзия, как известно, традиционно разделяется на два больших цикла: обрядовую и необрядовую лирику. Главный массив составляет необрядовая лирика, которая подразделяется на любовную, семейно-бытовую, воинскую, рекрутскую, разбойничью и т. д. Отдельно

выделяется частушка как более позднее явление. Эта классификация исходит прежде всего из сфер использования песен в народной среде. Что же касается художественных особенностей устнопоэтической лирики, то и для обрядовой, и для необрядовой лирики они являются общими. Основной чертой образного языка народной песни является символика, комплексное изучение которой лучше всего производить с использованием междисциплинарного подхода.

При анализе символов, представленных в различных лирических произведениях русского устнопоэтического народного творчества, записанных в Республике Молдова, важно помнить о том, что, как подчеркивается в специальной литературе, художественный фольклорный образ не является изолированным элементом народной культуры. Существование таких образов поддерживается семантикой смежных форм, ассоциативная связь с которыми в поэтическом тексте сохраняется. Они базируются на стереотипном восприятии реалии носителями культуры и находятся в ряду аналогичных форм реализации метафорического потенциала слова: языковой фразеологии и символики обрядовых атрибутов; см., напр.: [15].

Богатая символика песенного фольклора всегда привлекала внимание ученых. Начиная еще с XIX в. ее изучением примерно на протяжении полутора веков занимались многие исследователи, такие как А. Н. Веселовский [1], А. А. Потебня [16], Н. И. Костомаров [10], С. Г. Лазутин [12], Н. И. Толстой [18], Н. П. Колпакова [9], Т. А. Акимова [2] и др., в более близкое к нам время – С. Е. Никитина [14], П. П. Червинский [20], А. Т. Хроленко [19] и т. д. Однако следует отметить, что при сопоставлении результатов и выводов, к которым приходят в рассматриваемой области

различные исследователи, возникают затруднения, состоящие в том, что они по-разному видят само понятие символа. Многозначность этого понятия представляет проблему не только для этнологии и фольклористики, но и для других дисциплин.

При детальном рассмотрении исследований данной проблематики становится очевидным, что такие ученые прошлого и настоящего, как А. А. Потебня [16], Я. А. Автамонов [1], Н. П. Колпакова [9], А. В. Гура [6], В. И. Еремина [7] и др., не просто предлагают разные способы изучения символа, но и по-разному представляют себе его сущность и содержание. В этой ситуации нужно признать, что, несмотря на интерес исследователей к символам фольклора и традиционной культуры в целом, не существует единого понимания их содержания и механизмов их функционирования. В последнее время предлагаются новые подходы к изучению песенной символики. Например, отмечая сопряженные с ней трудности, исследователь В. В. Пазынин предлагает свой подход. Он утверждает, что одной из возможностей приблизиться к адекватности интерпретации является анализ семантики фольклорного слова: *«Под семантическим анализом в данном случае мы подразумеваем выявление в первую очередь тех смыслов, которые определяют художественную природу фольклорного слова, которые надстраиваются над номинативным значением лексемы говора и не входят в него непосредственно. К таким смыслам мы относим сферу устойчивых традиционных ассоциаций. Необходимо подчеркнуть, что они не сводятся ни к иносказательным соответствиям психологического параллелизма, ни к эмоциональной окраске образа»* [15].

Относительно выделения различных групп символов также пока нет единства. Так, Н. Костомаров выделял три вида символических образов: 1) из области природы; 2) из области исторических представлений; 3) символы, основанные на старинных мифических сказаниях и верованиях, разделяя их на пять групп: 1) небесные стихии и светила; 2) символы местности; 3) ископаемые; 4) растения; 5) животные [10, 201-256]. Интересна классификация символов, представленных в частушках, которая была предложена А. Кулагиной: а) растения; б) явления природы (снег, ветер, дождь, туман, вода, огонь, светила); в) одежда, бытовые предметы, животные и т. д. [11, 1981]. Что касается лирических песен, то более последовательным и логичным представляется более подробное разделение символов на группы и подгруппы, среди которых, на наш взгляд, особое место должны занимать следующие: время и его составляющие: час, день/свет, ночь/тьма, осень и т. д.; пространство и его составляющие: дорога, поле, околица, река и др.; небо и небесные светила: солнце, луна/месяц, звезды; стихии и погодные условия: ветер, дождь, снег, туман и т. п.; Мир растений: лес, деревья, цветы, ягоды и т. д.; мир животных: птицы, конь, змея и др.; мир быта: дом, деревня, лодка, платок, лента и т. п.

Следует подчеркнуть одно важное свойство фольклорной символики – ее разнообразие: для выражения одного глубинного фольклорного смысла может использоваться много различных слов-символов, и наоборот – одно и то же слово способно быть выразителем разных символических смыслов. Мы согласны с С. Е. Никитиной, что особенно хорошо это показал П. П. Червинский в своем труде «Семантический язык фольклорной традиции» [20]. Однако не можем согласиться со второй частью ее утверждения – «хотя он и

не пользовался словом **символ**» [14, 67], ср., например, следующее его высказывание в цитируемой ею книге: «Постоянство фольклорного значения породило стремление рассматривать слово как **символ** соответствующих представлений. Береза – девушка, молодое женское начало. **Символами** того же становились ель, сосна, калина, липа, яблоня. Подвижность не позволяла интерпретировать значение конкретно. **Символ** выглядел как отвлечение некоторых мотивов, достаточно общих и широких: грустное, таинственное, мрачное, несчастная судьба, страдание, девичество, замужество. В употреблении лишь проявлялось общее. Тексты использовались для иллюстрации значения **символа** (выделено нами – Т. З.)» [20, 6].

Тем не менее, следует признать, что указанный автор действительно в значении термина *символ* чаще всего последовательно использовал выражение *традиционно-фольклорный смысл*. Так, это можно проследить в том, как он демонстрирует отражение символических значений (традиционно-фольклорных смыслов) в тех или иных вероятных формах воплощения.

Вот как определил в свое время роль символов Ю. М. Лотман: «Стержневая группа символов <...> имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива» [13, 11]. Все исследователи сходятся во мнении, что наиболее древней является символика обрядовых песен; см., напр.: [3, 13-19].

Обобщенность как основная стилевая черта фольклорного текста базируется, в первую очередь, на

двух факторах: общественная функция фольклора и фольклорное сознание как специфический способ концептуализации действительности.

Символы создают определенный эмоциональный колорит. Об этом пишут практически все исследователи, занимавшиеся рассматриваемой проблемой. Н. П. Колпакова даже вполне обоснованно разделила русские народные песни на две условные категории, отражающие символику счастья и символику горя. *«Два основных цикла человеческих эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание народных лирических песен»* [9, 207].

Рассуждая об истоках символизма народной поэзии, А. А. Потебня рассматривал его как «остаток незапамятной старины» и, следовательно, справедливо полагал, что «встретить его можно преимущественно там, где медленнее происходит отделение мысли от языка, куда медленнее проникает новое». Далее он размышляет о символизме в связи с особенностями современных ему носителей фольклора: *«Вообще мысль мужчины шире, подвижнее, изменчивее в силу новых, входящих в нее стихий, чем мысль женщины, заключенной в кругу медленно изменяющегося домашнего быта, более близкой к природе и неподвижному разнообразию ее явлений. Женщина – преимущественно хранительница обрядов и поверий давно застывшего и уже непонятного язычества. Оттого связь с языком и символизм, характеризующие женские песни, встречаются в мужских в гораздо меньшей степени»* [16, 5]. Надо сказать, что и в наши дни основной хранительницей произведений народной поэзии продолжает оставаться женщина.

Механизм рождения символов отчасти раскрывает П. Червинский; см. выше его рассуждения о природе символа [20, 6].

Совокупность символов, которыми отличается каждая культура, представляет собой наиболее устойчивые ее элементы. Символы являются частью жизни человека с незапамятных времен. В них находит отражение его попытка осознать окружающую реальность и себя в ней. Именно они испокон века давали возможность человеку формировать и передавать глубокие мысли о себе, природе, человеческом сообществе. Одна из особенностей символов состоит в том, что они могут заключать в себе огромное количество информации, в то же время оставаясь простыми по форме. Например, рябина – символ тоскующей женщины, горечь ягод ассоциируется с безрадостной жизнью; черныбыль (вид полыни) – символ горя; туман также часто выступает в значении горя, печали; круглые горы могут быть символом препятствий, девица поит коня молодца – символ добровольного любовного союза, сочетающийся с мотивом утраты невинности; брак могут символизировать действия, связанные с добыванием и поимкой: мотивы охоты, ловли рыбы; шум леса, листьев дерева – символическое значение печали; детальная картина сеяния и роста льна, мака, проса, ячменя отражает связь с характеристиками и правилами поведения девушки на выданье и т. п. Многие символы наделены не одним, а множеством значений, так как содержат идеи, несущие различную смысловую нагрузку. Символическими являются и обрядовые действия, например, действия разрушения и разделения заключают в себе идею расторжения связи с внешним состоянием, перехода из одного состояния в другое, приобщения к другому состоянию: мотивы топтания травы, ломания

калины, сюда же можно отнести дележ каравая и т. д. Переправа по мосту, кладке, дереву, тесовым доскам через Дунай или море от одного берега до другого – иносказание брака (Дунай представляет собой мифологизированный образ главной реки); рыба, пойманная в сети, в свадебных песнях символизирует невесту. Известно, что выход девушки замуж представлял собой переходный обряд, в котором невеста символически «умирала», чтобы «воскреснуть» уже в новом качестве, в новой семье, имея иной социальный статус. А смерть ассоциировалась с образом рыбы – посмертным воплощением человеческой души. Этим можно объяснить не только подробности некоторых свадебных обрядов, но и подтекст различных сюжетов, так или иначе связывающих женский образ с рыбой. Сам образ девичьего свободного состояния, привольной девичьей жизни до замужества выражается через образ рыбки, плавающей по Дунаю.

Если кратко обозначить символику песен, сопровождающих свадебную обрядность, то, прежде всего, необходимо выделить те свадебные символы, которые отражают единство молодых: селезень и утица, виноградные ветви, виноград и ягодка, соболь с куницей, два яблочка и т. д. Идея о потере «девчьеи красоты», отчуждении от подруг и девичьих развлечений выражается в следующих развернутых символах: разбить чарку, пролить вино; конь молодца вытоптал сад, ворвался в огород; молодец растрепал, расчесал косу девушке; рассыпался жемчуг; сломать, срубить берёзку, яблоньку и др.

Символами самой женитьбы, тоже развернутыми, выступают следующие: причесать кудри молодцу; перевести девушку через речку по мосту, жёрдочке, тесовым доскам; молодым пить из одной чашки; одаривание подарками и т. п.

Символическим характером обладают не только предметы, явления природы и т. п., но и действия, их характер. Обычно само движение является символическим: движение по горизонтали (идти, бежать, плыть, ехать, гнаться и т. п.) – символ любовного чувства, а отсутствие движения или движение по вертикали (стоять, сидеть, падать, скатываться, срываться и др.) – символ негативных эмоций: тоски, печали, ревности. Например: *Ой, да ты калинушка, размалинушка, // Ой, да не стой на горе крутой. // Ой, да не спускайся на сине море <...>* [инф. А. И. Бирюкова, 1943 г.р., с. Кунича, 1971].

Нередко символы являются вполне прозрачными, не вызывая затруднений при их декодировании. Например, молодость, красота, здоровье соотносятся с ярким солнцем, зеленой травой, цветущим садом; разлука, любовная тоска, невзгоды – с непогодой, дождем, туманом, засыхающим садом, увядшими цветами. В основе символики лежат наблюдения людей за природными явлениями, обычаями, приметами, признаками и свойствами предметов.

Тем не менее, при непосредственном прочтении, многие элементы содержания песен остаются поначалу непонятными. Например, в свадебных песнях часто говорится о том, что молодец ворвался на коне в «зеленый сад/огород», девицы, «потоптал все цветики/ всю травушку». В хороводной, игровой песне «Как по травке...», которую пели во время пасхальных праздников, остается неясным, отчего девушка столь жестоко обошлась с молодым – повыдергала ему кудри, порвала шелковую рубашку, потоптала сафьяновые сапожки. [17, 50]. Намек на объяснение можно найти у А. А. Потемни: «Женитьба служит символом битвы и смерти» [16, 1914]. Для того

чтобы понять эти иносказания, не следует забывать о том, что это не просто текст, а закодированное сообщение.

Можно выделить несколько уровней понимания фольклорного текста как закодированного сообщения. Прежде всего, это понимание на уровне языка, что предполагает непосредственное прочтение текста. Однако на указанном уровне возникает непонимание очень многих компонентов текста. Неясными остаются *алогизмы*, которые нередко встречаются в текстах народнопоэтического творчества. Как можно одновременно стоять и в тёмном лесу, и в зелёном саду: *«Дочь у матери в гостях была, <...> // Поехала – не простилась, // Среди леса становилась, // Серед леса, серед темного, // Среди садика зеленого»* [Богомольная, 1968, № 50]? *«Пойду с горя в чисто поле прогуляться, <...> // Наломая я изюму-винограду»* [АА, инф. Кульпекина В. Д., 1943 г.р., и др., с. Егоровка, 2012]? Почему липа цветет «алыми цветами»: *«Цвела, цвела липушка алыми цветами, <...> // Обсыпалась липушка утрени зырями»* [17, 29]?

Затруднения вызывает также понимание и многих *символических значений* слов и словосочетаний, которыми изобилует фольклорный текст и на которых в значительной степени и зиждется его поэтика. В песне «Не велят Маше по улице бродить» вначале прямо сказано, что девушке Маше запрещали гулять по улице и встречаться с «молодчиком». А когда она нарушила запрет – наказали. Однако далее не сразу можно разобраться, почему отец бранил девушку за то, что она пошла в зеленый сад и нашла там серебро и золото: *«Во зеленый сад пошла. // Много злата, много серебра нашла. // Что за то серебро // Меня тятенька бранил»* [4, 39]. Всё становится на свои места, если исходить из того, что зеленый сад, в частности, – это символ любви, золото – символ красоты, а серебро – символ слез. Так проясняется и вторая, закодированная, часть

песни. Несмотря на то, что девушку наказали за нарушение запрета, она вновь, отлежавшись три недели, нарушает его. Однако в этот раз, помимо любви и красоты, она находит и слезы.

В данном контексте следует подчеркнуть значимость постоянных эпитетов, а также необходимость перехода от непосредственного прочтения текстов к миру смыслов, который предполагает знание фольклорной картины мира, ее законов и важнейших свойств семантической структуры. На это указывает С. Е. Никитина: *«...Существенно, что фольклорный мир – мир нормы, мир должного и правильного, и это утверждение помогает объяснить, почему страшная <...> девица остается красной, почему острую саблю надо поострить: здесь мы имеем дело с постоянными эпитетами, а их функция – являть каждый раз предмет таким, каким он должен быть по своей природе и назначению, т. е. соответствующим норме. Это может противоречить частной ситуации, которая составляет сюжет, но над всем этим и во всем зримо присутствует идеальный и упорядоченный мир нормы явленный, в частности, через постоянные эпитеты. Девица всегда красная, сабля всегда острая (иначе она не сабля), даже когда ее нужно поострить. Принципиально важно, что мир фольклора – мир символов»* [14, 66-67].

При таком подходе, как нам кажется, можно понять многие затемненные, на первый взгляд, фрагменты фольклорных текстов, подобных следующему: *«Ночка тёмная, **роза синяя**, // Головка ж моя распобедная. // С кем же я буду ночку ночевать?»* [4, № 36]. С одной стороны, пока мир, описываемый носителями фольклора, остается в пределах нормы, как мы видели, постоянные эпитеты сохраняются, даже если общий контекст становится алогичным. С другой стороны, если норма

нарушается, похоже, порой наблюдается разрушение постоянного эпитета, замена его не просто другим прилагательным, а необычным, немислимым для данных обстоятельств, идущим вразрез с реальностью и привычными, традиционными представлениями: «неправильность» самой ситуации влечет за собой использование «неправильного» эпитета.

Такая целостность сознания, которая зиждется на ощущении/представлении, преобразовалась в целостность фольклорного знака, образуя компоненты концептосферы фольклорного сознания, что обуславливает комплексную (не иерархическую) структуру значений фольклорного концепта (логично рассматривать *фольклорный концепт* как дискурсивную реализацию *общекультурного концепта*).

В. В. Колесов вводит термин *синкрета* (вероятно, от лексем *синкретичный* – сочетающий в себе разные составляющие; неразделимый, неразложимый), обозначая им «*сложное понятие, представленное как образ и воплощенное в символе* (выделено нами – Т. З.) *(языковом знаке)*» [8, 43]. Поскольку денотат (обозначаемое) в синкрете дан в его цельности, этим синкрета отличается от многозначности. Ученый считает, что «*сколько бы ни было контекстных значений, в синкрете они равноценны, тогда как многозначность предполагает иерархию выявленных значений; синкрета не допускает коннотаций <...>, тогда как полисемия построена на их движении*» [8, 47].

На подобное явление, которое охватывает большую часть концептосферы фольклора, когда символика по разным причинам не всегда последовательна (поэтому и требуется учет всего контекста произведения), а также на диффузность последней обращают внимание различные исследователи, в частности А. Т. Хроленко, который, опираясь на материалы Я. А. Автамонова о символической

растений в народных песнях, подчеркивает, что *«все слова, называющие растения, в русском фольклоре символичны, однако нет строгой определенности между реалиями флоры и ее символическими значениями. Например, очень многое подразумевается под словом **калина**. Черемуха, груша, яблоня символизируют и „жену”, и „мать”, и даже „отца”. Диффузность символики позволяет использование даже редких растений, неизвестных русскому носителю фольклора»* [19]. Сам Я. А. Артамонов такой разброс символических значений объясняет тем, что *«от народного творчества нельзя требовать безусловно строгой последовательности: на него влияет и место, и время, и индивидуальность того или другого лица, передающего песню»* [1, 47].

Фольклорное слово обладает способностью объединять реалии по различным конкретным признакам по принципу метафоры (перенос значения по сходству) и метонимии (перенос значения по смежности). В связи с этим фольклорный концепт вбирает в себя все метафорические и метонимические связи предмета, действия, явления и т. д.

Каковы же функции символов в народных лирических песнях, в чем заключается смысл их употребления? С. Г. Лазутин, написавший ряд крупных работ по поэтике русского фольклора, так отвечает на эти вопросы: *«Смысл употребления символов в том, что они придают песне поэтическую образность, помогают ей с наибольшей глубиной и силой выразить те или иные мысли, чувства и настроения»* (12, 54). Значительно труднее во многих случаях ответить на другой вопрос: почему в качестве символов носителями фольклора выбраны именно данные, а не другие единицы? В этой проблеме, как нам кажется, наблюдается пересечение

таких категорий, как фольклорное сознание, языковое сознание, этническое сознание: исследователи неизбежно выходят на рассмотрение таких аспектов, как концептосфера и язык фольклора (характер и формы взаимодействия; фольклорный концепт как дискурсивная реализация общекультурного концепта и т. п.). В данной статье мы попытались, по мере возможности, показать эти взаимосвязи.

Литература

1. Автамонов Я. А. Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения, 1902, № 11 // [www. ib.mexmat. ru/ books / 90351](http://www.ib.mexmat.ru/books/90351) (дата обращения: 23.04.16 г.)
2. Акимова Т. А. Очерки истории русской народной песни. Саратов, 1977.
3. Аникин В. П. Генезис необрядовой лирики // Русский фольклор. Вып. 12. Л., 1971.
4. Богомольная Р. А. Русская народная песня в Молдавии. Кишинев, 1968.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
6. Гура А. В. [Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.](#)
7. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
8. Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ, 1991. Сер. 3. Вып. 2 (№ 9).
9. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.-Л., 1962.
10. Костомаров Н. Слов'янська міфологія. Київ, 1994.
11. Кулагина А. Параллелизм и символика в частушках // *Фольклор как искусство слова*. Вып. 5. МГУ, 1981.
12. Лазутин С. Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы. М., 1990.

13. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. Тарту, 1987.

14. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

15. Пазынин В. В. Образы деревьев в русской народной лирике: К проблеме ассоциативного наполнения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005 // www.dissertcat.com > ... > (дата обращения: 12.08.15 г.).

16. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914 // www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Linguist/potebn/index.php. (дата обращения: 2.03.16 г.).

17. Савельева Н. М. Народные песни русских поселений Молдовы и Украины. Вып. I. Песни и хороводы села Егоровка // Русская традиционная культура, № 6-8. М.: Родникъ, 1998.

18. Толстой Н. И. О славянских названиях деревьев: сосна – хвоя – бор // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 115-127.

19. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику. М., 2010.

20. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. Тернополь, 1989.

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО АСПЕКТА КОНЦЕПТА
«ТРУД» В ПОСЛОВИЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА РУССКОГО И
УКРАИНСКОГО НАРОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ
МЕНТАЛИТЕТА**

*Туницкая Марина Васильевна,
доктор филологии, конференциар университет
(г. Бельцы, Молдова)*

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать особенности менталитета русского и украинского народов на материале пословиц и поговорок, объединённых концептом «труд». Установлено, что параллели и эквиваленты паремий в обоих языках имеют нравственную ориентацию, однако труд коллективный в большей мере отражён в паремиях русского языка; селянство, труд для себя - в аналогичных языковых единицах украинского языка.

Ключевые слова: *национальный менталитет, паремии, концепт “труд”, сравнительно-сопоставительный анализ.*

THE COMPARATIVE- CONTRASTIVE ANALYSIS OF EXPRESSING THE VALUES ASPECT OF THE “ LABOUR” CONCEPT IN THE PAREMIOLOGY OF RUSSIAN AND UKRAINIAN PEOPLE AS A REFLECTION OF THEIR MENTALITY

Abstract. The paper studies the specificity of national mentality manifestations in the paremiology of the Russian and Ukrainian languages. For this purpose the mentality of the Russian and Ukrainian peoples has been described and the comparative- contrastive analysis of the proverbs and proverbial metaphors, united by the concept" labour" in both languages has been carried out.

Keywords: *national mentality, paremiology, comparative-contrastive analysis of the proverbs, the concept labour.*

ANALIZĂ COMPARATIV-CONTRASTIVĂ DE EXPRIMARE A ASPECTULUI VALORIE A CONCEPTULUI „MUNCĂ” ÎN PAREMIOLOGIA POPOARELOR RUS ȘI UCRAINEAN CA REFLECTARE A MENTALITĂȚII LOR

Adnotare. În lucrarea de față ne-am propus spre cercetare reflectarea caracterului specific al mentalului rus și ucrainean în paremiologia limbilor respective. În acest scop, am investigat aspectul teoretic al problemei date, am descris mentalitatea popoarelor rus și ucrainean, am întreprins o analiză comparativ-contrastivă a elementelor „discursului repetat” ce se înscriu în conceptul „muncă” în ambele limbi.

Cuvinte-cheie: *paremiologia, mentalitatea popoarelor, analiză comparativ-contrastivă, conceptul „muncă”.*

Менталитет народа всегда несёт на себе печать национального, ассоциируясь с такими понятиями, как

национальное сознание, национальный характер, народный дух и т.п. Он является выражением специфики национального своеобразия. Полноценное знакомство с любой культурой предполагает не только изучение материальных составляющих этой культуры, не только знание её исторической, географической и экономической детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей языка этой культуры. Национальный менталитет заявляет о себе в привычках, обычаях, передающихся из поколения в поколение. *«Менталитет скрывается в поведении, оценках, манере мыслить и говорить. Выучить и подделывать его нельзя, можно лишь “впитать” вместе с тем языком, который вмещает в себя мировоззрение и коды данной культуры»* [17, 43].

Являясь средством человеческой коммуникации и потому социальным и национальным по своей природе, язык не может не нести на себе отпечатки особенностей мировоззрения, этических и культурных ценностей, а также норм поведения, характерных для данного языкового сообщества. Каждая национальная культура есть результат проявленной деятельности национального менталитета. Все это находит своё отражение в лексике языка, о чем говорится много и часто. Понимаемый нами менталитет составляет часть народной культуры.

«Специфическими чертами украинской мировоззренческо-философской ментальности, – пишет М. Шлемкевич в книге «Загублена українська душа», – есть направленность на внутренний эмоционально-чувственный мир человека, в котором господствует не холодный рациональный расчёт „головы“, а жгучий призыв „сердца“ [18, 187].

Отношение к земле украинского крестьянина граничило с её обожествлением. Земледельческий образ жизни в совокупности с близостью к природе вообще рождал не только лиричность или провинциальную сентиментальность, но и чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, в какой-то мере – индивидуализм. В **чувстве собственного достоинства**, значимости коренится острое, даже болезненное чувство справедливости, ненависти к ущемлению, толкающие украинца к перманентному поиску правды.

С одной стороны – авантюрно-казацкий (лицарьский) стиль жизни, с другой – стиль потаённого существования, порождаемый необходимостью скрывать свой внутренний мир от врагов. Если первый – источник активности, то другой принуждает к жизненной философии «моя хата с краю». **Итак, попробуем привести в систему основные отличия украинского менталитета от русского.**

«Русский менталитет»	«Украинский менталитет»
«Широкая, открытая русская душа», расточительность	Бережливость
Коллективизм	Индивидуализм, «моя хата с краю»
Открытость, доверчивость	Недоверчивость, подозрительность к новому/неизвестному
Эмоциональная преданность лидеру	Вольнолюбие, подчинение ради выгоды
Трудолюбие в коллективе	«Хозяйственность», трудолюбие (для себя)

«Русский менталитет»	«Украинский менталитет»
Конформизм	Самостоятельность в суждениях, «себе на уме»
«Не выделяться», «быть как все», Не «отрываться от коллектива»	Личная инициатива
Импульсивность, неорганизованность, спонтанность	Терпеливость, смирение
Тяготение к тоталитаризму, авторитарной власти, «твёрдой руке»	Тяготение к более демократической, республиканской форме управления
Прямота	Лукавство, скрытность
Лень	Трудолюбие

Исследование языковых особенностей русского и украинского менталитета дает возможность раскрыть глубинные процессы этого уникального явления, в котором зашифрован код каждой нации.

Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык не просто средство обмена мыслями, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами». Будучи уверенным в том, что такая трактовка языка «безошибочна», Гумбольдт считал, что только с этих позиций исследователь может *«всё больше находить в языке и всё больше вкладывать в него»* [6, 367].

Речь, согласно концепции лингвокультурологии, заложенной в гумбольдтовской программе, принимает активное участие во всех важнейших моментах

культурного творчества – выявлении мироощущений, их фиксации с последующим осознанием [11, 123].

Пословичный материал позволяет проникнуть в область мыслительной деятельности определённого лингвокультурного общества и открывает широкие возможности для проведения сопоставительного исследования, ибо через сопоставление и сравнение можно в полной мере постигнуть окружающий мир и самого себя.

Профессор А. А. Потебня разработал теорию о сущности и происхождении пословиц. Интересна его мысль о том, что пословица относится к поэтическим произведениям. Ф. И. Буслаев также расценивал пословицы как художественные произведения родного слова, уделяя при этом внимание стилистическим особенностям их форм. Названные учёные заложили прочный фундамент паремиографии.

Среди украинских собирателей и исследователей пословиц и поговорок первыми можно назвать Г. Сковороду, П. Гулака-Артемовского, П. Белецкого-Носенко, Г. Квитку-Основяненко, Л. Боровиковского, А. Метлинского, В. Забилу, Г. Шашкевича, Я. Головацкого, И. Вагилевича. Подборку пословиц напечатал Т. Шевченко в «Букваре южнорусском» (СПб., 1861), сборники пословиц были подготовлены также В. Бодянским, Г. Максимовичем, И. Срезневским, Г. Костомаровым и др.

На Западной Украине первым изданием был сборник Г. Илькевича «Галицкие народные присказки», вышедший в Вене в 1841 г., куда вошло 2715 единиц.

В 1854 г. Номис (Г. Симонов) издал сборник «Украинские поговорки, пословицы и прочее», ставший заметным явлением не только в украинской, но и в славянской фольклористике. Немало пословиц напечатано в сборниках И. Манжуры «Поговорки, пословицы и

прочее» (Харьков, 1890); Г. Костомарова «Новый сборник малороссийских пословиц, поговорок, прибауток, загадок и заговоров» (Одесса, 1890); Б. Гринченко, В. Гнатюка и др. в шести книгах «Этнографического сборника» (1901-1910). И. Франко опубликовал более 31000 пословиц. Это было самое большое достижение фольклористики в этом жанре.

Пословицы и поговорки отличаются от других произведений народного творчества лаконичностью, способностью к воспроизведению во все времена и в любой сфере деятельности, широтой употребительности, устойчивой художественной формой, особым складом, ритмом, нередко рифмой и поучительностью.

Предметом нашего исследования являются пословицы и поговорки о труде, ибо труд в жизни любого этноса занимает видное место. Поэтому данный концепт получил богатую историко-культурную «ауру» у двух народов: русских и украинцев. Паремии на тему труда являются универсальными и уникальными ориентирами человеческой деятельности. Исследование строилось на материале словарей, а также сборников пословиц и поговорок.

Для анализа русских пословиц и поговорок был использован сборник В. Даля «Пословицы русского народа в двух томах». Концепт «труд» и все паремии помещены в томе № 2 на стр. 12 – 28. Всего на тему «Труд» представлено 498 паремий. Украинские паремии анализировались в сборнике «Збірка українських приказок та прислів'їв». Тема «Труд» представлена 494 паремиями на стр. 36 – 73 [Багмет, Номис].

Концепт, будучи единицей ментальности, являет собой *«как бы сгусток культуры в сознании человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек <...>*

сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё». Таким образом, концепт – это явление и языка, и культуры. Его можно определить как этнокультурное образование, имеющее языковое выражение.

Главная идея пословичной картины всего мира в той её части, в которой воплощён концепт «труд», может быть сформулирована следующим образом: *«Труд – тяжёлая работа, но без неё невозможно достойное и счастливое существование человека»: Терпение и труд всё перетрут. Кто має терпець, той буде митець. Вода камінь точить. Терпінням і працею всього добудеш.*

«Чтобы продемонстрировать, что то или иное слово имеет особое значение для некоторой отдельной культуры, – считает А. Вежбицкая, – необходимо рассмотреть доводы в пользу этого». И одним из доводов, по её мнению, будет подтверждение того факта, что предполагаемое «ключевое слово» часто встречается в пословицах и изречениях: «Такие ключевые слова <...> подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный „клубок“ установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространённых сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» [3, 6].

Если вслед за А. Вежбицкой мы уподобим концепт «труд» свободному концу в том клубке шерсти, с которым можно сравнить фрагмент пословичной картины мира, то сможем осуществить анализ русских и украинских пословиц как отдельно, так и в сравнительно-сопоставительном плане с позиций когнитивного подхода [8, 88-92].

Кроме того, пословица является одновременно фреймом и сценарием. Как фрейм, она обобщает опыт и

подводит итог прошлому, а в качестве сценария осуществляет морально-дидактическую функцию, заключённую в имплицитной рекомендации, как надо действовать, исходя их ситуации-фрейма. Например, *Делу время – потехе час* [8, 89]; *Коли почав орати, то в сопілку не грати. Добре діло утіха, коли ділу не поміха.*

Фрейм – совокупность хранимых в памяти ассоциаций. Концепт-фрейм имплицитно подразумевает ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств.

Массив языковых единиц, репрезентирующих концепт «труд», позволяет установить важнейшие способы концептуализации и категоризации входящих в него знаний. Эти способы связаны с кодами культуры: 1) акциональный, 2) фетишный, 3) биоморфный, 4) антропоморфный и 5) анимический [13]. Проследим их использование в пословицах. Антропоморфизм олицетворяет, очеловечивает процессы, результаты, средства труда. В рамках этого кода присутствует единственный образ – это образ человека. Так, в русском языке трудовая деятельность, её атрибуты наделяются рядом коммуникативных признаков человека: *Хлеб за брюхом не ходит. Голод и волка из лесу гонит. Велик почет не живет без хлопот. Работа хвалит мастера Голод – не тётка (пирожка не подсунет). Дело мастера боится. Нужда научит калачи есть.*

Аналогичная картина наблюдается и в украинском языке. Эквиваленты таких пословиц: *Голод не тітка, а лютої мачухи лютіший. Вижене голод на холод. Навчить біда ворожити, як нема що в рот вложити. Голод не свій брат.. Печені голуби не летять до губи: працюю та й смакуй. Вовка ноги годують. Сокіл на одному місці не*

сидить, а де бачить птаха, туди й летить. Словом й комара не вб'єш (До слова треба й праці). Праця і мучить, і годує, і учить.

В общенародной русской культуре, как установил Г. В. Токарев, наиболее продуктивным является антропоморфный культурный код. Человек выступает в качестве эталона адекватных способов труда, различной степени напряжения сил при выполнении той или иной работы: *Дело шутки не любит. Работа молчит, а плечи кряхтят. Всякое дело мастера боится. Губит лень, спасает трудодень. Час смену бережет. Соха ябедница, а борона праведница* [13].

Ещё большей продуктивностью характеризуется антропоморфный культурный код в украинской лингвокультуре, причём паремии отличает высокая степень эмоциональности. *Не нагнешся до землі – печериці не вирвеш. Не вмієш шити золотом, так бий молотом. Хочеш юшки, – лови рибку. По роботі пізнати майстра. Діло майстра величає. В умілого й долото рибу ловить. Не сокирка теше, а чоловік. Треба нахилитись, щоб з криниці води напитись. Піт річкою ллє, жнець своє бере. Добра пряжа й на скрипці напрядє.*

Актуальность данного кода определяется тем, что трудовая деятельность является специфическим, присущим только человеку признаком. Труд необходим человеку, с одной стороны, для того, чтобы существовать, с другой – чтобы реализовать свой духовный потенциал. Осмысление труда в образе человека связано также и с тем, что в понимании русской и украинской лингвокультурной общностей успех работы зависит только от её исполнителя. Вместе с тем целый ряд пословиц выражает очень скептическое отношение к целесообразности труда, что можно объяснить социально-историческими причинами – отчуждением труда

крестьянина при крепостном праве, общинным уравнительным землепользованием: *От работы кони (лошади)дохнут. У Бога дней впереди много – наработаемся. От работы (от сохи) не будешь богат, а будешь горбат.*

До обіда аби помняв свого діда, а після обіда знов за діда. Послав Бог роботу, та забрав чорт охоту. Як робить, так і родить. Від тяжкої праці скоріше будеш горбатий, чим багатий. Журавель ходить по болоту, наймається на роботу. Робить, як циган у жнива. Стук-грюк – аби з рук.

В то же время во многих пословицах осуждается лень: *Где работано, там и густо, а в ленивом доме пусто. Труд человека кормит, а лень портит. Ленивый и могилы не стоит. Один с сошкой – семеро с ложкой. Ленивый да шалопай – два родных брата. Лежит на боку да глядит за реку. Ест руками, а работает брюхом. Ленивому всегда праздник. В работе заяц, а в еде жидовин.*

Праця чоловіка годує, а лень марнує. Хто працює, той з голоду не мре. Маленька праця – краця за велике безділля. З лежі не справиш одежі, а з спання не купиш коня. Жать удень душно, а вночі кусаються комарі. Їв би кіт рибу, а в воду не хоче. Вчи лінивого не молотом, а вчи голодом. І будень, і неділя – все лінивому безділля. До готового хліба знайдеться губа. Хто робить, той голий не ходить. Хто вітрові служить, тому димом платять.

В украинских паремиях лень не просто осуждается, но даётся ассоциативно оценочная её характеристика.

В основе акционального кода содержатся представления о действиях, имеющих для человека особую значимость. Этот код занимает второе место с точки зрения актуальности вербализованных стереотипных представлений о труде. В рамках этого способа концептуа-

лизации и категоризации формируются такие базовые образы, как *путь, дорога*, выполнение того или иного вида деятельности (вспахивание поля, уход за домашними животными, приготовление пищи и др.). Примеры: *Поспешишь – людей насмешишь. Работай до поту, так и поешь в охоту. В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилок. В лес не съездим – так и на полатях замёрзнем. Держись сохи плотнее, так и будет прибыльнее. Не пиры пировать, коли хлеб засевай. Что умолотишь, то и в засек положишь.*

Украинские эквиваленты: *Хто робить замочки, той ходить без сорочки. Хто робить лемеші, той їсть книші. Роби піч, щоб пекла, варила і добре гріла. Не напрядеш під димком (зимою), не витчеш під тинком (весною), без сорочки будеш. Хто в полі не трудиться як слід, у того ніколи не родить хліб. Сій хліб у погоду, будеш мати його від году до году. Де оре сошка, там хліба трошки (обробку землі сохою вважають за некорисну). Виори мілко, посій рідко, то й уродить дідько.*

В паремиях акционального кода в большей мере отражены объекты труда (замочки, лемеші, книші, піч, сорочка, вовна, соха тощо).

Реже представлены с помощью этого кода в русском языке результаты труда, характеристики труженика: *Полюби Андреевну (соху) – будешь с хлебом. Пряха (гребень) не Бог, а рубаху даёт. Девушка Гагула села прясть да и заснула. У ленивой пряхи и про себя нет рубахи. Ленивый сидя спит, лёжа работает. Швея Софья на печи засохла (соня, сонливая).*

В украинском языке паремии акционального кода, отражающие результаты труда, а также характеристику труженика, представлены значительно чаще.

Як прийшли жнива, я ледве жива, як прийшла Покрова, я стала здорова. Сиди, Векло, ще не смеркло.

Гуляй, тату, завтра свято. Тільки й діла зробила, що рукава засучила. Так багато діла, що аж голова біла. Бери, Лесько, хоч не легко. Улита йде – коли то буде. Швидкий, як ведмідь до перепелиць. Косить би косив, та коли б чорт косу носив. Пішов по масло, та й в печі погасло. Зачепивсь за пень, та й стоїть цілий день. Добрий хазяїн збере, а поганий розгребе. Як прийшли жнива, то й жінка крива. Як прийшла косовиця, то жінка ходить, як телиця [1, 36-73].

Согласно нашим наблюдениям, количество паремий украинского языка, содержащих осуждение ленивого, его характеристику, значительно превышает качественные характеристики трудолюбивого.

Трудовая деятельность акционального кода представлена разными видами человеческих практик: *Треба розумом надточити, де сила не візьме. Віз ламається – чумак ума набирається. Ремесло на плечах не висить і хліба не просить, а хліб дає. Без сокири не тесляр, без голки не кравець. Нема в світі (краще) як бондареві: стук, стук і п'ятак до рук. У коваля руки чорні, а хліб білий.*

Менее актуальны в процессах концептуализации трудовой деятельности биоморфный, фетишный и анимический культурные коды. Биоморфный код продуцирует образы животных, насекомых, растений. Базовые образы этого кода способствуют пониманию процессов трудовой деятельности, меры, времени, средств, способов её осуществления, исполнителя, результата. Например: *Сердита кобыла на воз, а прёт его под гору и в гору. Курочка по зернышку клюёт, да сыта бывает. Муравей невелик, а горы копает. Коня куют, а жаба лапы подставляет.*

На те курка й гребє, щоб що-небудь вигребти (на те людина працює, щоб мати користь). Гладь коня вівсом, а не батогом. Який Сава, така й слава. Коваль коня кує, а жаба и собі ногу дає.. З одного вола двох шкiр не деруть. Журавель ходить по болоту, наймається на роботу. Жито годує всіх, а пшениця – на вибір (жито краще витримує морози й посуху, а пшениця часто від цього гине). Ялова земля не годує, а сама просить. Всяке насіння знає свій час. Мураха маленька, а гори підійма [1, 36-73].

Анимический культурный код одухотворяет явления природы, выступающие в качестве стереотипов атрибутов трудовой деятельности: *На работу - огонь, а работу хоть в огонь. Стоячая вода гниёт. Не хвали ветра, не извезя жита. Заря деньгу дает.*

Великий день до вечора, коли робити нічого. На ниві вродилось, та не все пригодилось.. Яка земля, такий і хліб. Гній сухий – хліб пустий. По пашні й борошно. Кажє овес: топчи мене в грязь, будеш князь. Казав ячмінь: кидай мене в болото, то я вберу тебе в золото.

Фетишный способ мировосприятия культивирует базовые образы натурфактов или артефактов: *Соха - ябедница, а пашня – праведница. Хлеб – всему голова. Хлеб хлебу брат. Щи да каша – пища наша. У матушки сошки золотые рожки.*

Як плуг не оре, то й молот не кує. Їла коса кашу – ходи нижче; не їла коса каші – бери вище. (Голодний косар не вкостить). Де оре сошка, там хліба трошки.

Преимущественное использование первых двух кодов объясняется антропоморфной и акциональной природой труда. К наиболее существенным слотам (элементам) фрейма «труд» относятся: процесс трудовой деятельности, его дары, исполнитель, средства, место, способ, качество, интенсивность, результаты и вознаграждение за труд. Например: *Работа да руки –*

надёжные в людях поруки. Знай, баба, гребень да кривое веретено.

Як добре дбаєш, то добре й маєш. У травні дощі – в коморі хліб Що літом припасеш, те зимою проживеш. Без муки нема науки. Що вмієш робити, за плечима не носити. Наукою доходять, що й самовари у плузі ходять. Коли б не було селян і волів, то не було б і панів.

Резюмируя все вышеизложенное, можно утверждать, что, как в русской, так и в украинской пословичной картине мира, имеется обширный корпус пословиц, отражающих концепт «труд». Когнитивный сравнительно-сопоставительный анализ пословиц, осуществлённый нами на основе классификации Г. В. Токарева и основных положений концепции Е. В. Ивановой, убеждает в том, что в обеих моделях пословичных картин мира, отражающих концепт «труд», выделяются универсальный (общечеловеческий) и культурно-языковой уровни. Универсальный уровень отражает общечеловеческие ценности – такие, как необходимость и важнейшую роль труда в жизни человека, обязательное включение ценности *труд* в шкалу ценностей каждого человека, а также стереотипы: чтобы добиться успеха в жизни, реализовать себя, необходимо трудиться; мастерства в любой области человеческой деятельности можно добиться только многолетним упорным трудом; мастерство всегда высоко ценится. Сравнение этих уровней убеждает в наличии параллелей и эквивалентных пословиц у разных лингвокультурных общностей. *Без труда нет добра; ср. укр. Без труда нема плода. Печені голуби не летять до губи. Не терши, не мнявши, не їсти калача.*

Что посеешь, то и пожнешь. – *Як дбаєш, так і маєш. Що посієш, те й пожнеш. Де господар не ходить, там нивка не родить. Наори мілко та посій рідко, то й*

уродить дідько. Посієш недбало – збереш мало. Хто як постеле, так і виспиться. Як заробив, так і відбудеш.

Дело мастера боится. – По роботі пізнати майстра. Дільника й діло боїться. Діло майстра величає. В умілого й долото рибу ловить. Не сокира тешиє, а чоловік... Робив – на себе дивив.

У всякого Федотки свои отговорки. – На роботу йти для нього кара – заважає то сонце, то хмара; жати вдень душно, а вночі кусають комарі.

Паремии о труде как в русском, так и в украинском языках имеют нравственную ориентацию. *Труд человека кормит, а лень портит. Спать долго – жить с долгом. Мёд есть – в улей лезть. У ленивой пряжи и про себя нет рубахи.*

Праця годує, а лінь марнує. Запасливий горя не терпить. Треба пряхти, щоб луб'ям не трясти. Щоб рибку з'їсти, треба в воду лізти. З лежжі не справиш одежі, а з спання не купиш коня.

Сопоставленные украинские и русские пословицы о труде позволяют сделать вывод о сходстве и различиях пословичных картин мира. В украинских пословицах прослеживается большая хозяйственность, трудолюбие (для себя), провинциальность, селянство по сравнению с коллективным трудом в русских пословицах.

В этой связи по-прежнему актуальным оказывается высказывание Гумбольдта о том, что «язык, будучи системой мировидения, оказывает регулирующее воздействие на человеческое поведение» [6]. Мы можем продолжить эту мысль: у каждого народа пословичная картина мира имеет свою специфику и, следовательно, формирует специфичную модель поведения, своеобразный менталитет. Таким образом, пословицы, составляющие концептосферу «труд», отражают формирование русской и украинской ментальности [8, 91].

Литература

1. Багмет А., Дашенко М., Андрущенко К. Збірка українських приказок та прислів'їв. Репринтне відтворення від 1929 р. К., 2002.
2. Ващенко Г. Виховний ідеал. Підручник для педагогів, виховників, молоді і батьків. Т. 1 / Третє видання. Полтава, 1994.
3. Вежбицкая А. А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
4. Голубовська І. О. Паремії як відбиття ціннісних пріоритетів етнічної спільності. // Мовознавство, 2004, № 2-3.
5. Гринченко Б., Гнатюк В. Нова збірка малоросійських приказок та прислів'їв. Одеса, 1992.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1997.
8. Жуков К. А. Концепт «Труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира // Вестник Новгородского русского госуниверситета. 2004, № 29.
9. Коломієць М., Молодова Л. Менталітет в дзеркалі української пареміології // Дивослово, 1999, № 2.
10. Коцюба З. Г. Паремії як об'єкт етнолінгвопсихологічного дослідження // Мовознавство, 2009, № 2.
11. Постовалова В. И. Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
12. Потєбня А. А. Из лекций по теории словесности / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. М., 2003.
13. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта («трудовая деятельность»). Тула, 2000.

14. Українські приказки. Прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис. Київ, 2003.
15. Франко І. Я. Українці // Франко І. Я. Зібрання творів у 50-ти т. Київ, 1984.
16. Франко И. Я. Этнографический сборник в шести книгах. Киев, 1978.
17. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М., 2004.
18. Шлемкевич М. Загублена українська душа. К., 1996.

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ**

*Кожокарь Ирина Владимировна,
мастер психологии,
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация: Стаття посвящена актуальному этнопсихологическому феномену - диалогу культур в Республике Молдова. Автор статьи приводит результаты пилотажного исследования восприятия межкультурного диалога как процесса на выборке русскоговорящей и молдоговорящей студенческой молодёжи.

Ключевые слова: этнопсихологический феномен, диалог культур, межкультурный диалог глазами студентов, конфликт культур, стереотипы, современное состояние проблемы.

**THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE REPUBLIC OF
MOLDOVA: OPINIONS OF HIGH SCHOOL STUDENTS**

Abstract. The question of the dialogue of cultures in the Republic of Moldova as ethnopsychological phenomena are discussed in this article. The article carries out a comparative research of the principal opinions of students who speaking the moldovan language and russian-speaking students about intercultural dialogue is a process that comprises an open and respectful exchange or interaction between individuals, groups and organizations.

Keywords: ethnopsychological phenomena, dialogue of cultures, intercultural dialogue as an stereotyped image in the eyes of students, intercultural conflict, stereotypes, current situation.

**DIALOG INTERCULTURAL ÎN MOLDOVA:
OPINII TINERELOR DIN ȘCOALA SUPERIOARĂ**

Anotare: În articolul este reflectat fenomenul etnopsihologic - anume dialogul intercultural în Republica Moldova. Autorul prezintă rezultatele studiului pilot de percepție a dialogului intercultural ca procesul la tinerii care fac studiile în limbile rusă și de stat.

Cuvinte-cheie: fenomenul etnopsihologic, dialog intercultural în opinii tinerelor din școala superioară, conflict intercultural, stereotipe, situația curentă.

«Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя..., но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». (Из письма А.С.Пушкина к П.Я. Чаадаеву от 9 октября 1836 года)

Историческое прошлое молдавского народа, его традиции, обычаи, фольклор, специфика государственного языка отражают культуру нации на территории, столицу которой ещё во времена пребывания здесь А.С. Пушкина называли «колыбелью греческой революции» и «Вавилоном в миниатюре».

Этнический состав населения Молдавии разнообразен: молдаване, украинцы, русские, гагаузы, румыны, болгары, ромы, евреи, поляки, белорусы и другие. Как правило, представители этносов, проживающих в Республике Молдова, являются билингвами.

Языки всех народов самобытны, они – инструмент развития и сохранения духовного и материального наследия. «Сколько языков знает человек, столько раз он – личность» - это меткое высказывание наводит на мысли о

необходимости расширения мировоззрения через усвоение других языков, о стремлении глубже проникнуть и интериоризировать достижения тех, кто находится рядом, чтобы совладать с изменениями в различных сферах жизни и наладить «культурный диалог». Это неизбежный процесс «окультуривания».

Д.С. Лихачев утверждал, что «общаясь, люди создают друг друга», Сама культура диалогична, она обогащается другими культурами, не теряя своей уникальности, возможно, ещё острее её осознавая.

Диалог культур - это «активный обмен содержанием культур-контрагентов при сохранении ими своей самобытности» [3]. М. М. Бахтин определяет культуру как форму общения людей разных культур. Он утверждает, что «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» [2, 85]. Диалог культур развивает саму культуру и другие культуры.

М. М. Бахтин писал: «Внутренней территории у культурной области нет, она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее». Наличие многих культур не является препятствием для их взаимопонимания.

В Молдавии смешение народов, культур и языков с давних времён достигало большого размаха, однако в нынешних условиях не остры, но актуальны вопросы воспитания терпимости и уважения к чужим культурам, проблемы преодоления раздражения от «избыточности», «недостаточности» или непохожести других культур. Внимание к вопросам межкультурной коммуникации подогревается лозунгом «Единство через многообразие». Равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей, выступает эталоном диалога культур.

Диалог культур - понятие, получившее широкое хождение в философской публицистике и эссеистике двадцатого века. Чаще всего оно понимается как взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур, как формы их конфессионального или политического сосуществования. О нём говорят и как о стержне межкультурной коммуникации. Тем не менее, в научных кругах понятие «диалог культур» трактуют как эвфемизм - нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» описательное выражение, заменяющее другое, неудобное выражение «конфликт культур» [5].

В преддверии Международного дня родного языка, отмечаемого 21 февраля, в двух вузах РМ было проведено анонимное анкетирование, направленное на оценку респондентами так называемого «диалога культур» в Молдавии. Зондажное (пилотажное) исследование проводилось в 2016 году в группах студенческой молодёжи, обучающейся на государственном и русском языках. Выборка составила 50 человек, из них 19 студентов были русскоязычными. Проведенное исследование включало только экспресс-диагностику, поэтому полученные в нём данные требуют более детального и глубокого изучения на других выборках. Тем не менее, данное исследование выявило некоторые тенденции.

В исследуемых совокупностях не выявлено противостояния культур. Опрошенная студенческая молодёжь считает, что в Республике Молдова проблемы диалога культур остро не стоят. Стереотипные высказывания типа «Мы (наша культура) лучше, они (их культура) хуже» встретились у 12% респондентов. Нельзя делать однозначных выводов о том, что у этих

респондентов существует неприязнь к представителям других культур и имеются культурные барьеры, хотя и вызывает сомнение этичность использования ими категории «лучше-хуже» в отношении других культур. В случае если культурные барьеры, то есть особые элементы культуры, затрудняющие и, в крайнем случае, противодействующие взаимосвязям и социальным контактам представителей различных культур, у части респондентов из этих 12% или же у всех из них существуют, они, скорее всего, неосознаваемы и могут актуализироваться только при особых обстоятельствах стрессогенного характера. Последствия их актуализации могут представлять опасность для окружающих, нести угрозу своими агрессивными посылами. 88% опрошенных отметили, что «культура выходит за рамки этнической принадлежности, и когда речь идёт о диалоге, он осуществляется между культурными, то есть лояльными людьми (группами)». Противопоставление культур исходит не из самих культур, а из политики, которая зиждется на конфронтации. Линия деления проходит между культурой и бескультурьем.

Удовлетворённость диалогом по 10-балльной шкале оценивается студентами на уровне 7,6 баллов.

Заслуживают внимания ответы на вопрос «Как проявляется диалог культур?». Наиболее распространено мнение: «диалог культур - в совместном праздновании». Этот ответ требует дальнейшего уточнения, так из него не ясно, о какой стороне (или каких сторонах культуры) - внутренней или внешней – идёт речь. И если диалог сводится к внешней стороне – «празднованию напоказ с элементами самокрасования без выражения сущностного глубокого человеческого содержания», без отражения смысла представленного, то он превращается в «показуху», демонстративность, выглядит драматично и

комично, что может привести к осуждению культур, вступивших в «диалог», и отчуждению от них. В этом случае сам термин «диалог культур» может нивелироваться и тогда не следует удивляться бескультурью людей, «переставших расти потому, что незачем» (обесценивание эталона). Тогда культурное перестаёт быть социальным, преломленным через индивидуальное и по той причине, что из общественной формы выпадает культура, возникают негативные явления. Второй ранг занимает точка зрения о том, что существует «необходимость действовать совместно, чтобы решать общие задачи». Третий ранг отводится ответам о том, что диалог культур «хрупок», «существуют барьеры - локальные (диакультура) и социальные (аргокультура)», но эти барьеры не стоит уничтожать (чтобы не уничтожить культуру), их нужно преодолевать. Отмечается также, что «влияние интернет-среды унифицирует людей и их объединяют не национальные традиции, а общечеловеческие понятия».

Роль этнического фактора в жизни личности и общества на территории Республики Молдова важна, но не первостепенна. Этническая принадлежность проявляется чаще в конфликтных ситуациях или при необходимости её демонстрировать (например, на праздниках, протестах). Свою этническую принадлежность в Молдове стараются демонстрировать 36% респондентов, намеренно её подчеркивать – 6%, и, наоборот, скрывать – 12%. Этническая принадлежность помогает в учебе и карьере, мешает в быту. Своим народом гордятся 48% респондентов [6].

Студенты затрудняются в трактовке понятий «культурная интеграция» и «инклюзия». А ведь именно интеграция и инклюзия обеспечивают качественный

результат как итог развития и стремления к социальному благополучию. Культурная интеграция характеризуется следующими закономерностями, требующими ориентированного поведения:

направленность на ценностно-смысловые субъект-субъектные отношения индивида и среды, в рамках которых создаются условия для взаимоприемлемого события; двусторонняя инициация социального развития индивида и социального прогресса в обществе (среде) в интересах каждого как единого социального целого;

опредмечивание социального знания в целенаправленной творческой деятельности как высшей формы культурной, а значит, и социальной практики;

средовая и личностная обусловленность процесса идентификации индивида в среде, закрепляющей позитивные формы социального взаимодействия; расширение зоны социальной активности субъекта за счет развития его индивидуальности, в том числе через знакомство с другими культурами.

Понятие инклюзии менее оформлено в его сущностной характеристике, но даже дословный перевод термина - «включение» - может ориентировать и направлять в диалоге.

Участовавшие в опросе студенты констатируют, что как таковой «конфронтации культур в Молдове не существует и дружбы особой тоже, но ощутимое воздействие практически на все слои населения оказывает «поглощающая масскультура Голливуда». Студенческая молодёжь отмечает, что террористические атаки и российско-американские отношения, противоборства, имеющие место не на территории Молдавии, захватывают сильнее, чем взаимодействие внутри страны. 48% студентов считают, что «люди отдаляются друг от друга и склоняются скорее к вынужденному одиночеству, чем

диалогу», «диалог прагматичен», «мы вступаем в отношения с представителями других культур не ради взаимного духовного обогащения, а ради удовлетворения потребностей, «оставя шумный круг»...

Студенты, обучающиеся в Республике Молдова, ориентированы на диалог в той мере, в какой он позволяет им стремиться к достижениям, избегая радикальных конфронтаций.

С точки зрения участвовавшей в исследовании студенческой молодёжи, ориентиром для диалога культур может стать опыт предыдущего поколения, адаптированный к сложившимся обстоятельствам. Образовавшиеся лакуны, невозможность преемственности уже негативно сказываются на учащих гимназий и лицеев, где распространены агрессивные послы в адрес сверстников с «иной ментальностью».

Даже установившиеся отношения претерпевают различные стадии, как конструктивные, так и деструктивные. Н.А. Бердяев писал: «В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общности» [1, 247]. Качественный уровень культуры может обеспечить диалог культур. Диалог культур может происходить неосмысленно, но должен происходить на культурном уровне (культура диалога).

Представляется, что суть эффективного диалога культур заключается в преодолении замкнутости при сохранении индивидуального своеобразия, в стремлении к разнообразию, в попытке смотреть вперёд, антиципировать, опираясь на достижения прошлого, но сотрудничая ради будущего, расширяя ценностные

ориентиры. Культура примиряет быт и духовность, а диалог культур нюансирует жизнь, делает ее многообразнее. Чтобы существовать и быть устойчивыми, культуры должны быть открытыми, обращаться к опыту других культур, взаимодействовать с другими культурами, быть готовыми к трансформациям при сохранении «стержня». Поэтому целесообразно проводить специальные мероприятия, направленные на оптимизацию взаимодействия. Среди возможных мероприятий: «Этнографический диктант», «Этнографический фестиваль», тематические встречи, на которых возможно обсуждение актуальной проблематики межкультурного диалога. При этом важно, чтобы такие мероприятия затрагивали, прежде всего, детей, учащихся, молодёжь. Но о преемственности поколений не стоит забывать. Предшествующие поколения транслируют проверенные временем ценности, которые всё же часто модифицируются их потомками. Это приводит к многообразию. Многообразие в культуре сопровождается аккумуляцией энергии. Чем сложнее и многообразнее культура, тем больше смыслов она воплощает. А новые смыслы обогащают новой энергией. Диалог культур даёт новые возможности для взаимообогащения культур.

Диалог предполагает, с одной стороны, обособленное существование культур, а с другой - взаимопроникновение и полноценное взаимодействие. Сохранение самобытности и самостоятельности культуры насыщает культуру одним цветом, а разнообразие культур и возможности альтернативного варианта (вариантов) развития культуры придадут колоритность.

В основе диалога лежат идеи плюрализма и толерантности, расширения и углубления общения или дружбы. В дружбе диалог культур достигает цели.

В диалоге культур важен не столько диалог, сколько культура диалога. Высшее проявление культуры – это отношение к другой культуре. Отношение к чужой культуре – это показатель развития самой культуры. Культура отношения к чужой культуре – это часть самой культуры.

В целом же, диалог культур можно определять многопланово, при этом «путь к пониманию терминов «культура» и «диалог» может стать «красной дорожкой». Но, как говорил Аристотель: «Не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми».

Литература

1. Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М., 1991.
3. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М., 2004.
4. Меликов И.М., Гезалов А.А. / Вопросы философии 2014, № 12.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур / Учебное пособие. Издательство: СЛОВО/SLOVO – 2008. – 344 с. - ISBN: 978-5-387-00076-8.
6. <http://www.tolerance.ru/Dialog-kultur-pr1.php?PrPage=Master>

ФИЛОЛОГИЯ

ЭКРАН И ИГРА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

*Волкова Ирина Ивановна,
доктор филологических наук, доцент
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Для понимания потенциала новых медиа, которые интегрированы в экранное пространство, представляется актуальным декодирование базовых терминов, связанных с характеристиками этого пространства. В статье представлены результаты этимологического исследования слов «экран» и «игра», которые рассмотрены автором в контексте славянских языков. В итоге автор устанавливает генетическую связь игрового процесса с экраном, а также обнаруживает скрытые смыслы в словосочетании «экранные игровые коммуникации».

Ключевые слова: *экранные коммуникации, экран, игра, игровые коммуникации, этимология игры.*

ETYMOLOGICAL ASPECTS OF SCREEN AND PLAY

Abstract. It is actual to decode the key terms that are associated with the on-screen virtual space of new media. The article shows the results of a study of Slavic etymology of the words «screen» and «play». As a result, the author finds a genetic link between screen and play process. The author also explains the meanings of the phenomenon of on-screen playing communication.

Keywords: *screen communication, screen, game, play, communication, etymology games.*

В эпоху цифровых технологий передачи и хранения информации текст аудиовизуального, вербального и других форматов неизбежно становится экранным. Это может быть экран любого электронного прибора: телевизора, стационарного компьютера, ноутбука, смартфона, планшета, цифрового кинопроектора. Превращаясь в арену экранных коммуникаций, экран

обнаруживает генетическую связь с процессом игры. Попробуем проверить данное предположение с помощью этимологического анализа слов «экран» и «игра».

Этимология позволяет обнаружить совокупность смыслов-кодов, которые присутствуют в том или ином слове в свернутом виде, но далеко не всегда очевидны. Анализ происхождения слова даёт возможность проникнуть в скрытый, утерянный, иногда парадоксальный смысл явления, которое было когда-то зашифровано, а затем зажило своей жизнью, трансформировалось, обрело новые значения в его языковом употреблении, оттолкнувшись уже от самого слова. Анализируя все, в том числе и не явные на сегодняшний день значения слова, можно обнаружить многослойность знакомого понятия и по-иному его почувствовать. Неполная высказанность знака скрывает существующее на подсознательном уровне иное к нему отношение.

Согласно «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П.Я. Черных, в русском языке слово «экран» как «заслон, щиток от каминного жара» [12, 785] распространилось в начале девятнадцатого века, а с начала двадцатого века добавилось новое значение: *экран* как устройство для проецирования фильмов и изображений с диапозитивов. В украинском, польском, болгарском, сербском языках используется корень *екран*. Словарь иностранных слов даёт следующее объяснение: «щит, предохраняющий прибор, установку, человека от вредного влияния электромагнитного поля, тепла, света, излучений» и «натянутая на раму ткань или пленка из пластмассы, стеклянная пластина, покрытая специальным веществом, на поверхность которой проецируется кино-, фото- или рентгеновское

изображение» [7, 574-575]. Слово *экран* заимствовано из французского языка, где *écran* – ширма, заслон, позднее – кинематографический экран. Во французский язык оно попало, по версии Черных, из старонемецкого, где *schranc* – решётка, загородка. Получается, что в слове *экран* спрятано два онтологически *различных* понятия: первое связано с защитой, охраной, изоляцией, второе с проекцией, демонстрацией, трансляцией. Первое – интровертное, центростремительное, второе – экстравертное, центробежное.

В первом значении *экран* близок к *ширме*. По Черных, ширма – это лёгкая, переносная, часто складная перегородка (на белорусском и украинском языках – шырма), от немецкого *schirm* – щит, убежище. В других славянских языках ширму называют *параван*, это слово восходит к французскому *paravent*, которое переводится и как ширма, и как защитный экран. В итальянском языке слово *schermo* обозначает и все виды экрана (телевизионный, компьютерный, кино) и одновременно ширму. Круг замкнулся! Ширма и экран, кстати, соседствуют в кинопрокате до сих пор. По традиции экран до сеанса закрывает ширма, теперь уже электромеханическая, которая открывается, как только погаснет свет. В начале XX века, во времена детства кинематографа, киносеансы уподоблялись просмотру театральных спектаклей, и экран снабжался занавесом (ширмой).

Второе значение русского слова *экран* из сферы кинематографа и телевидения. Оно закреплено в сознании соотечественников старшего поколения прежде всего в связи с идиоматическим выражением *голубой экран* – так в 1960-е годы называли телевизор. Знаковое совпадение: в лексиконе современных пользователей Сети существует похожая идиома – *голубой экран смерти* и её аналог на

английском Blue Screen of Death (сокращенно BSOD). Это когда на компьютерном экране появляется синий фон с добавлением бессмысленных слов, изображение сигнализирует о программной ошибке, компьютер не слушает команд. Ещё одно смысловое значение слова экран было зафиксировано в 1970-х годах. Экраном называли стенд с периодически обновляющимися данными (текстами, рисунками, фотографиями и т.п.), выставаемый для всеобщего обозрения, частный случай – экран социалистического соревнования.

Экран в контексте искусства и медиа обычно соседствует со словом «образ». Древнерусское и старославянское слово *образъ* известно с XI века, означает «вид, облик, изображение, икона» [12, 588] и имеет общий корень с *разити* – ломать, резать, нарушать. Поэтому так называемое старшее (исходное) значение слова «образ» – нечто, получившее новый, измененный облик или определенный вид. Отметим в связи с этим, что чешское слово *obrazovka* – это аналог нашего телевизионного экрана [13, 73], а для наименования кинопроекторного экрана применяется и *obrazovka*, но чаще другое слово – *platio*. Получается, что в чешском языке телеэкран ощущается скорее как изображение, несущее образ, нежели щит. Но подобная трактовка, как показал анализ, всё-таки исключение из правил.

Таким образом, коммуникативное (явленное) значение слова «экран» связано со способностью вызывать в сознании экран кино (телевизора, компьютера, монитора и т.п.), скрытое же (этимологическое, мотивирующее) значение слова «экран» – это паттерн обособления, защиты, маскировки, охраны. Причем данные наблюдения характерны не только для славянских языков, но и для языков других культур, например, для арабской или

индийской культуры, где одно и то же слово (شاشة, स्क्रीन) вкупе обозначает и нечто транслирующее, и нечто обособляющее. Но мы уже указали, что есть слово, которое гармонизирует и примиряет два конкурирующих значения экрана. Это слово «образ», гносеологически важное для теории и практики коммуникации в силу своего исходного активного, «деятельного» значения. Представляется, что транслируемый образ способен сломать, нарушить защиту экрана, превратить его в канал, соединяющий коммуникантов через единство воспринимаемого образа, который несет не столько информацию, сколько ценностное её выражение.

Раскрывая смысл слова, знакомого по явленному значению, мы глубже вникаем в производное смысловое понятие «экранность», которое в настоящее время сопровождает практически все информационные процессы.

В современных экранных коммуникациях задействованы участники экономических, политических, культурных и социальных процессов. С помощью таких коммуникаций повышается эффективность взаимодействия, достигается экономия времени, оптимизируются результаты, то есть экран утрачивает смысловую функцию защиты через оцифрованный знак. Ключевая установка – скорость обмена информацией. Это первым отметил и превратил в источник дохода Билл Гейтс⁷, основатель и владелец корпорации «Microsoft»: побеждает тот, кто первым, зафиксировав изменение, отреагирует на новую ситуацию. Именно экран –

⁷ «Если в 1980-е годы всё решало качество, а в 1990-е – реинжиниринг бизнеса, то ключевая концепция нынешнего десятилетия – скорость» [2, 12].

важнейший компонент скоростной «электронной нервной системы» (Б. Гейтс) современной организации.

Кроме ускорения коммуникаций аудиовизуальный экран, постулируя наглядность, моделирует новую реальность, но не одинаковую в случае разных коммуникационных процессов. Нынешней цифровой унификации экранов, случившейся в результате научно-технической революции, предшествовала пора разных экранов и разной экранности.

Любой экран онтологически связан с виртуальной реальностью, это средство доступа к иному пространству. Можно рассматривать экран как ограниченную рамкой часть плоскости, на которой присутствует статичное (например, живописное полотно) или динамичное, движущееся изображение (например, киноэкран). В первом случае экран отражает или транслирует пространственное изображение, во втором – пространственно-временное (в том числе синхронизированное со временем наблюдающего адресата).

В обоих случаях неизбежно возникает проблема иного пространства, иной реальности, а значит, – игрового процесса. Получается, что экран сопряжён с игрой. Важно при этом отметить, что «истинная игра немислима без добровольного входа в игровой процесс её участников» [2, 75].

Посмотрим, какие этимологические загадки скрыты в слове «игра».

В английском языке *игра* переводится двояко, в зависимости от контекста – *game* и *play*, два этимологически и понятийно разных слова. Человек, для которого английский не является родным, обычно не использует *play* в качестве существительного, в отличие от

носителей языка. *Game* – соревнование, спортивная игра, настольная игра. Тут непременно наличие правил, с которыми согласен входящий в игру. Обязательный стимул *game* – победа над соперником или над собой. Игроки хотят выиграть не столько ради награды, сколько для повышения самооценки, осознания собственной удали (смелости, умений, находчивости).

Play – процесс игры, стихия игрового творимого действия. *Play* может быть не только в театре, это фантазийное погружение в выдуманный мир, где нет цели и нет правил (или они придумываются в процессе игры); обязательным должно быть лишь осознание нереальности и инобытия. Здесь неизмеримо больше, чем в *game*, ценится процесс, а не результат, в подобной игре не бывает проигравших. Существует английское выражение «*in full play*», которое как раз и отражает сублимированное значение *play* как «действия в развитии».

В английском языке есть ещё одно слово, связанное с *игрой* – *performance* (представление, работа на публику, спектакль), которое иногда синонимично *play* и почти не пересекается с английским *game*. В *performance* нужна публика, зритель, иначе теряется функциональный смысл процесса предьявления *performance*. Для теории медиа, в частности теории тележурналистики, знаковым синонимом выступает *show* (шоу).

Попробуем проследить этимологию современного славянского слова *игра* и выявить, какие значения слова «зашифровали» разные понятия в русском, украинском, польском, словацком, чешском, белорусском, болгарском, сербском языках.

Снова обратимся к «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П.Я. Черных (1994 г.), а также к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера (2004 г.) и некоторым другим.

Современное слово «игра» происходит от праславянского *jьgra*, *jьgrati* («шутливый»). Восходит к древнеиндийскому *ejati* со значением «колебаться», «двигаться», которое можно сопоставить с греческим *κβματα* в значении «волны» и древнескандинавским *eikenn* – «буйный», «дикий». По мнению М. Фасмера, *jьgra* и *jьgrati* родственны литовскому *áikštytis* («капризничать», «шалить») и литовскому же *arikštis* («прихоть»), латышскому *aikstītiēs* («кричать», «шуметь») [11].

А.В. Семёнов, составитель «Этимологического словаря русского языка» (2003 г.), считает, что исходное значение *игры* – пение с пляской [6].

Если сопоставить все эти значения, легко заметить, что игра изначально связана с шумным развлечением, быстрым движением, безудержным весельем. Но есть ли у *игры* уже на уровне этимологии *оценочная* окраска, ощущалась или не ощущалась лексически несерьезность *игры*?

Если старославянский корень отсылает нас, как к первооснове, к понятию «шутка», стоит обратиться к его объяснению в «Толковом словаре русского языка» Ушакова. И как раз здесь, через противопоставление «шутливое – серьезное» («игра – неигра») мы обнаружим *многозначность* изучаемого понятия. Ушаков определяет шутку как нечто такое, что произносится или делается ради развлечения, возбуждения смеха, то есть, это забава, шалость. Приведем несколько словарных примеров, где лексически обыгрывается противопоставление *шутки* (*игры*) и серьезного дела, уместность или неуместность *игры*, появляется дополнительное значение – *одурачить*: «Я сиучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку» (А. Островский); «Леший шутку славную над нами подшутил!» (Н. Некрасов); «Шутки шутками,

крепость потешная, но при случае в ней можно было и отсидеться» (А. Толстой); *«Ты, я вижу, работаешь не на шутку»* (И. Тургенев) [10].

Получается, что слово *игра* родилось с двойным значением, которое помогает выявить *неоднозначное* отношение славян к развлечению, как таковому. Во-первых, отсутствует понятие игры как отдыха, это вроде бы забава, но не простая, не примитивная, иногда она может обернуться, говоря современным языком, манипуляцией. Во-вторых, игра подчас выступает помехой серьезному делу, которое всё-таки важнее. Получается, что в славянской традиции восприятие *игры* достаточно противоречиво – это вроде бы и свободная, но одновременно в чём-то опасная деятельность.

В связи с этим обратим внимание на одно интересное научное наблюдение, которое подтверждает особое понимание не только *игры*, но *развлечения* и *смеха*, характерное для русской ментальности. С. Аверинцев рассматривал *смех*, как внелитературную предпосылку книги М. Бахтина «Творчество Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Он отметил, что если в западной традиции фраза: «Святой пошутил» семантически допустима, то по-русски такого и выговорить невозможно. Подлежащее «святой» не соединяется со сказуемым «пошутил», поскольку в быту глагол «пошутить» систематически обозначает деятельность бесов [1, 341-345]. Перефразируя Аверинцева, можно сказать, что любое разрешение, касающееся игрового процесса, остается для русского сознания не вполне убедительным. Играть, собственно, – никак нельзя; но не играть – нет никаких сил.

Игра как определяемое слово разделяется на две группы понятий в зависимости от главного *определяющего* слова – *занятие* или *исполнение*. Игра-занятие может быть

«во что» или «что это». А игра-исполнение – «на чём». Рассмотрим эти понятия поочередно.

Итак, *игра «во что»* – это занятие нетрудового характера, препровождение времени с целью развлечься, позабавиться или со спортивной целью, при этом наличествуют определённые правила. Отметим, что речь идет об отглагольном существительном (игра от *играть*). Тот, кто играет, называется в русском языке игроком или игруном. В первом случае слово имеет номинативный (в том числе и самономинативный) оттенок, например, игрок сборной по футболу, игрок в карты. Во втором случае подчеркиваются особые функциональные характеристики действия и эмоциональный настрой игрока: игрун – это человек, который любит резвиться, получать удовольствие от игры. Мы видим, что одно и то же слово-действие, описанное через участников, получает разные значения, отражённые в общем смысловом поле: существуют игры с целью развлечения и игры спортивные (сюда можно отнести и многие бытовые и карточные игры), где забава не является главной характеристикой.

Украинский язык, где существует слово «игра» (чаще употребляется *гра*), для детских игр предлагает специальное слово «гульня». А для игрока в карты есть особое название – «картяр» (в русском языке, соответственно, *картежник*). На белорусском языке *гульня* употребляется во всех случаях как русское *игра «во что»*, например, шахматная игра – шахматная гульня. «Смоленский областной словарь» В.Н. Добровольского, изданный в 1914 году, толкует *гульню* как праздное препровождение времени, соединенное с забавами, при этом *игрище* – танцевальный вечер с маскарадом у крестьянских парней и девок, а *игрица* – сваха [5, 293-294]. То есть игра – это не просто праздник, а нечто вроде

вечера знакомств, с флиртом, который, быть может, приведет к свадьбе. Напомним, что Смоленская область граничит с Белоруссией. Интересно, что в этом словаре отсутствует объяснение слова «игра» в значении «во что». В словаре П.Я. Черных глаголу «гулять» даётся следующее объяснение: веселиться, быть свободным от работы, ходить не торопясь [12, 226].

В остальных славянских языках *игра* «во что» представлена словами, сходными по звучанию и начертанию (с вариантом ударения на первом слоге) либо с русским *игра* (болгарский, сербский, словенский), либо с украинским *гра* (польский, словацкий, чешский).

Следующий понятийный блок *игра* «на чём» – исполнение музыкального произведения на одном или нескольких инструментах. Участник такого действия уже не называется игроком, он *исполнитель*. Белорусы именно *игру* «на чём» называют игрой. Большинство славянских языков, используют *игру* в значении «игра на». Однако в болгарском и сербском в ходу другое слово – свирене, свира (игра на музыкальном инструменте). Например, на сербском языке игра на пианино – «свира клавир». Сразу вспоминается свирель – деревянная дудочка, синоним – сопилка. У европейских народов есть легенда о волшебной свирели, которая была изготовлена из камыша, выросшего на могиле убитой девушки. Играешь на свирели, и она рассказывает о преступлении так, что слёзы не сдержат. По версии А.В. Семёнова, слово *свирель*, производное от глагола «свиряти» (свистеть, играть на флейте), появилось в древнерусском языке в XI веке. Восходит к общеславянскому корню *svъg-*, родственному литовскому *surma* – «дудка, свирель», или, как вариант, к древнеиндийским *svarati* (звучит), *svaras* (звук), древнеисландским *svarra* (бушевать, свистеть). При этом славянское *svъg* (сварь) означает «ссора», «распря»,

«брань», а сварити – «бранить», «укорять», «оскорблять» и даже «казнить».

Но это не относится к идиоме «игра на нервах»: во многих языках (словенском, словацком, чешском, польском, болгарском и др.) *игра* меняется на *война*, например, на польском – **wojna perwów**. Этот пример демонстрирует понятийную связь игры с войной (**соревнованием, битвой**), которая наличествует в русском языке.

Далее рассмотрим значение: *игра* «что это». П. Черных предлагает одно значение – сценическое исполнение роли. Сегодня участник сценической игры именуется артистом, актёром. В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского [9] находим другое слово, называющее комического актёра, – *игрьць*. Отметим, что так же звался прежде и человек, играющий на музыкальном инструменте (поговорка: «И жнец, и швец, и на дуде игрец»).

Белорусский язык даёт в данном значении (игра как сценическое исполнение) слово «*гульня*», сербский – «*глумление*». Стоит обратить внимание на последнее слово, происходящее от старославянского корня «*глум*». Прежде производные от данного корня широко использовались в просторечии, в ситуациях, связанных с развлекательными действиями. В старочешском языке существовало слово «*hluma*» (актёр). В словенском можно и теперь встретить слово «*gluma*» – шутка. В древнерусском языке с XI века отмечено употребление глагола «*глумитися*» в значении веселиться, забавляться, были в употреблении слова «*глумь*» (забава, шум), «*глумьць*» (скоморох, фигляр). В настоящее же время в русском и украинском языках глагол

«глумиться» сохранился в значении «издеваться, оскорбительно насмехаться». Можно сравнить с древнеанглийским *gleam* (бурное веселье) и древнеисландским *glautr* (шумная радость).

В современном академическом «Словаре русского языка» есть ещё два значения *игры* «что это» [8, 628]. Одно связано с визуальным восприятием быстрой смены красок, световых пятен (например, игра солнечных лучей); второе – с преднамеренным рядом действий, преследующим определённую цель (например, политическая игра, любовная игра). В Словаре В.Н. Добровольского встречаем еще одно утраченное ныне значение: игра – это пение птиц.

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля среди упомянутых выше толкований игры отмечает редко употребляемую теперь форму «играть почём» [4, 8]. В качестве примера приводится выражение – *мы играем нипочём, не в деньги*. Данное жаргонное употребление глагола «играть» имело хождение в среде игроков в азартные игры, означало лёгкую, незначительную игру без денежных ставок. В 2008 году название «Игра нипочём» получил первый роман из трилогии М. Семёновой и Ф. Разумовского «Ошибка 2012». Жаргонное выражение было переосмыслено авторами как Великая игра с судьбами человечества. Наречие «нипочём», соседствуя с «игрой», превратилось в метафору, где соединены значения *незначительности* и *глобальности*. Понятие игры в очередной раз проявило свою онтологическую двойственность.

Мы рассмотрели этимологию слова «игра». Одно и то же слово обозначает в славянских языках понятийный

ряд, составляющие которого на уровне семантики не пересекаются явно, но имеют *опосредованные* связи. Можно выделить несколько магистральных семантических направлений, которые образуют на базе слова «игра» четыре особые смысловые реальности. В них есть, помимо языкового уровня, ещё и символический, исторический и мифологический. Если английский вариант разделяет понятия игрового ряда с помощью разных слов, то в русском языке (в том числе и в некоторых других славянских языках) они слиты, что задает русской *игре* многосмысловое богатое наполнение.

Для того, чтобы выявить варианты взаимодействия слов «экран» и «игра» в словосочетании «экранные игровые коммуникации», заменим в качестве филологического эксперимента универсальную *игру* на четыре иных слова, которые выражают суть спрятанных значений. Вот что получилось: соревнование (игра «во что»), творчество («игра на»), фантазия (актерская игра), интрига (манипулятивная игра). Теперь к четырём воплощениям игры применим дуальную оппозицию *интровертное-экстравертное*, а затем соотнесём с двумя основными значениями слова «экран».

Таким образом, обнаруживается следующая генетическая связь «экрана» с «игрой»: экран-ширма присущ игре-фантазии и игре-творчеству, а экран-трансляция – игре-соревнованию и игре-манипуляции. Интересно было бы соотнести полученные лингвистические сращения с некоторыми сложными словами из других языков (например, английским), но это уже тема другого исследования.

Литература

1. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993.
2. Волкова И.И. Homo ludens эпохи экранных коммуникаций. М., 2014.
3. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 2001.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2. М., 2001.
5. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А.Силина, 1914.
6. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка // URL: <http://enc-dic.com/semenov/> (дата обращения: 10.09.16).
7. Словарь иностранных слов. М., 1986.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. Т.1 – 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 1 // URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name = books&pa = showbook&pid = 895> (дата обращения: 10.04.15).
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова // URL: <http://www.mirsllovushakova.ru/> (дата обращения: 10.09.16).
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // URL: <http://fasmerbook.com/> (дата обращения: 10.04.15).
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1 – 2-е изд., стереотип. М., 1994.
13. Smejkal C.Z. Rusko-český a česko-ruský slovník pro televizní pracovníky a prekladatele.–Praha: Československá televize, 1980.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ТОЖДЕСТВА
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Демченко Людмила Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Тирасполь, Молдова)*

Аннотация. Категория тождества в русском языке предполагает два семантических варианта: тождество предмета самому себе и идентичность различных предметов. Каждый из подвидов тождества реализуется в определенных структурно-семантических разновидностях.

Ключевые слова: *категория тождества, идентичность, сравнение, сопоставление, подобие, оценка ситуации.*

**VERBALIZATION OF IDENTITY CATEGORY
IN RUSSIAN LANGUAGE SENTENCES**

Abstract. The category of identity in Russian involves two variants: the identity of subject itself and the identity of different subjects. Each of the types of identity is implemented in certain structural and semantic variations.

Keywords: *category of identity, identity, comparison, similarity, estimation of situation.*

**VERBALIZAREA CATEGORIEI IDENTITATE
ÎN PROPOZIȚIILE LIMBII RUSE**

Adnotare. categoria identitate presupune în limba rusă două variante semantice: identitatea obiectului în sine și identitatea diverselor obiecte. Fiecare din variantele categoriei de identitate se realizează în diverse și concrete structuri semantice.

Cuvinte-cheie: *categoria identitate, identic, comparație, confruntare, similitudine, evaluarea situației.*

Понятие *тождество* давно и прочно вошло в язык и соотносится как с фактами окружающего мира, так и с языковыми явлениями. Тождественными признаются равные, одинаковые предметы, признаки, действия,

обстоятельства. Вывод об их одинаковости является необходимой умозаключительной категорией в процессе оценки ситуаций действительности, познания мира, ориентации человека в нем.

Значение тождества неоднозначно по своей природе. Лейбниц с философской точки зрения определяет тождество как равенство, одинаковость предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов [6, 247]. О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет тождество как «функциональную общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, объединенность этой принадлежностью разных конкретных воспроизведений инварианта» [2, 476]. Исходя из данного утверждения, можно говорить о двух основных видах тождества: равенство предмета самому себе и идентичность различных предметов. В рамках каждого из подвидов тождества мы считаем возможным выделить определенные структурно-семантические разновидности предложений тождества.

Г. Д. Фигуровская отмечала: «Понятия тождества, отождествления, так же как и отношения сходства и различия, являются одними из центральных в языке, так как порождаются универсальным способом логического мышления и познания мира – сравнением – или, если это способ детализировать, такими мыслительными операциями, как отождествление, сравнение, сопоставление; они образуют чрезвычайно развитую и разнообразную в своем функционировании языковую категорию» [9, 217].

Некоторые замечания о предложениях тождества встречаем в трудах акад. А.А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, В.Н. Мигирина; данные конструкции исследовали такие ученые, как П. А. Лекант, Н. Арутюнова, Миргородская В.В., Тулина

Т.А., Николина Н.А. и др. В. В. Виноградов в труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» отметил значение тождества у частицы *же* в таких сочетаниях, как *тот же, туда же, там же, тогда же* и т. п. Она соединяется с местоименными словами по методу агглютинации» [3, 668].

А.А. Шахматов ввел термин «предложения тождества» для характеристики двусоставных несогласованных предложений типа *Нестор – отец русской истории* [11, 150]. Об отношениях подобия, тождества, идентичности фонем писал В.В. Химик, рассматривая тождество как соотнесение однопорядковых элементов на основе полного или частичного их сходства [10,112], с чем трудно согласиться, ибо частичное совпадение признаков – это сходство, но никак не тождество. Проблеме тождества посвящена и статья П. А. Леканта «К вопросу о категории тождества в русском языке» [5, 5].

Тождество следует отличать от категорий сходства, подобия и единства. Сходными мы называем предметы, обладающие одним или несколькими общими свойствами; чем больше у предметов общих свойств, тем ближе их сходство подходит к тождеству. Два предмета считаются тождественными, если их качества совершенно сходны. Часто понятие *тождество* трактуется как «подобие». Концепт *подобие* промежуточный, «средний» между сходством и одинаковостью. Отождествление в сознании говорящего связано со сближением существенных признаков сопоставляемых объектов вплоть до их полного совпадения. Полное совпадение и воспринимается как тождество, неполное совпадение – как подобие или сходство. Вслед за Н. Д. Арутюновой сформулируем основные отличия тождества от сходства:

- 1) тождество объективно, тогда как сходство – понятие субъективное;
- 2) тождество константно, то есть не зависит от течения времени;
- 3) «сходство градуировано, тождество нет. Можно говорить о степени сходства (мало похож, очень похож), но не о степени тождества» [1, 288];
- 4) тождество возможно установить только для одного и того же индивида или в пределах одного класса; предметы, относящиеся к разным классам, не могут быть тождественными;
- 5) тождество лишено образности;
- 6) конструкции тождества обратимы, в отличие от конструкций подобия;
- 7) предикаты тождества не имеют распространителей, так как неуместно указание на то, в чем равны предметы или объект идентичен самому себе;
- 8) тождество и подобие имеют различные показатели. Арсенал специальных средств тождества включает компоненты: *тот же, тот же самый, именно тот, это, то же самое, одно и то же*. Актуализаторами подобия являются слова *как, наподобие, почти, совсем*.

Термин «тождество» неоднократно отмечался в работах по лингвистике. Он употребляется или в связи со структурными особенностями конструкций, или в связи с их семантикой. В большинстве случаев тождественными, то есть равными, одинаковыми называют языковые единицы по одному какому-либо дифференциальному признаку: категориальной принадлежности, грамматическому или лексическому значению, составу структурных компонентов, выполняемой функции. Явление тождества отмечается на всех языковых уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, грамматическом, синтаксическом.

Цель работы – показать способы выражения тождественных значений в простых двусоставных предложениях русского языка. **Категория тождества** реализуется в двусоставном предложении, в котором отождествляются два представления, обозначенные обоими составами предикативной основы.

Значение тождества предмета самому себе реализуется в конструкциях разного типа:

1. Значение неизменности, которое сопровождается специфическими показателями *тот же, тот же самый, точно такой же, все тот же*. Неизменность может рассматриваться как статика, неподвижность объективной реальности. Например: *Старый священник выходил в ризе, сделанной из покрова гроба моего отца, и служил тем самым голосом, которым, с тех пор как помню себя, служилась церковная служба в нашем доме... И тот же дребезжащий голос дьячка раздавался на клиросе, и та же старушка, которую я помню всегда в церкви при каждой службе, согнувшись стояла у стены (Л. Толстой)*. Отношения тождественности вербализуются указательными местоимениями, выполняющими в предложении роль определений, несущих на себе дополнительную семантическую нагрузку, – указывают и тем самым выделяют субъект из класса однородных предметов. Такие конструкции вносят в текст элемент торжественности, грусти и обветшалости. *А все то же, тот же сад виден в окно, та же площадка, та же дорожка, те же соловьиные песни несутся от пруда, те же сирени во всем цвету, и тот же месяц стоит над домом... (Л. Толстой); На привокзальной площади все те же цветы в железных ведрах, те же зеленые такси (А. Алексин)*.

Наряду с неизменностью лица или предмета может констатироваться неизменность чувств, состояний: *Левин продолжал находиться все в том же состоянии сумасшествия, в котором ему казалось, что он и его счастье составляют главную и единственную цель всего существующего (Л. Толстой); Все то же в вас очарование... (А. Пушкин); Левин и Кити находились этот час в одном и том же счастливом и робком возбуждении (Л. Толстой);*

2. Принадлежность предмета к определенному классу, подчеркиваемое специальными показателями *есть, это, значит, тот... кто, такой... как*, а также оформленное при помощи пояснительных конструкций. Цель таких конструкций – дать характеристику объекта по его принадлежности к классу: *С такой молодежью, как наши студенты, горы можно своротить. Такие насекомые, как это, не опасны; С такими девочками, как Валя, не надо играть (Разг.).*

Иногда авторами используется прием художественного обобщения, создающего тип через образ индивида: *Про того, кто не страдает, люди говорят – какой бессердечный. – Про того, кто страдает, те же люди говорят – какой болван (Прим. Н. Д. Арутюновой).*

Значение типичности, распространенности явления также может быть выражено через принадлежность к определенному классу: *Он, как и все мужчины, представлял себе невольно семейную жизнь только как наслаждение любви (Л. Толстой).*

Некоторые лингвисты наряду с полным тождеством предмета самому себе отмечают и неполное тождество. Например:

- указание на постоянство лица или предмета при учете произошедших в нем изменений («почти тождество» по выражению н. д. Арутюновой). Лицо остается

неизменным, то есть тождественным самому себе: *тот же, хотя и не тот: Все та же и я, но нет во мне ни любви, ни желания любви. И он все тот же, только глубже морщина между бровей, больше седых волос в его висках, но глубокий внимательный взгляд постоянно заволочен от меня тучей (Л. Толстой);*

- иногда автор выражает сомнение в возможности отождествления предмета или лица, ввиду того, что прошло много времени и предмет значительно изменился: *Ужель та самая Татьяна? (А. Пушкин); Неужели это был тот самый полоумный составитель жизнеописаний угодников, что жил в «Версале» двадцать три года назад? (И. Бунин).*

В системе языка довольно частотными являются предложения тавтологического тождества типа *Дети есть дети. Лекция - это лекция. Война как война.* И субъект, и предикат представлены в них именительным падежом имени существительного; лексически и морфологически компоненты тождественны. Данное тождество является основным признаком предложений рассматриваемого типа. Но на синтаксическом уровне морфологически тождественные компоненты занимают различные синтаксические позиции.

В.Г. Гак выдвигает в качестве главного признака предложений тождества равнообъемность термов отождествления [4, 124]. Как показывает качественно-количественный анализ предложений, лексическое тождество термов не означает их равнообъемности. Различие объема и качество содержаний составов субъекта и предиката раскрывается на коммуникативном уровне: первый компонент – субъект – является темой высказывания, а второй его характеристикой указывает на то, что субъект полностью соответствует содержанию

данного понятия. Субъект идентифицирует предикат с самим собой. Например, *Жизнь - всюду жизнь* (В. Тендряков). *Что смерть есть смерть, каждый понимает* (А. Суворов). *Любовь – это любовь*. А.М. Пешковский назвал предложения данного типа идеальными предложениями тождества [8, 272].

Предложения именного типа со значением тождества обладают совокупностью довольно четко выраженных признаков, позволяющих выделить их в самостоятельный разряд в системе семантических типов предикатов, отражающих языковую картину мира:

- они строятся по устойчивой, жесткой схеме, основанной на лексической тавтологии субъекта и предиката;

- легко воспроизводятся в речи;

- в них есть элемент устойчивости, что способствует реализации в предикате дополнительных экспрессивно-оценочных характеристик: *Море – это море!*

- функции основных компонентов выполняют имена существительные различных лексико-грамматических разрядов;

- в качестве вспомогательных средств связи субъекта и предиката используются слова и словосочетания типа *есть, и есть, как, это, это и есть, всегда, везде, всюду, то же самое*, частица *то и под*.

В предложениях тождества могут отражаться следующие явления действительности:

- характеристика бытия, существования предмета, процессуальности: *Жизнь есть жизнь. Война везде война. Пасха – это Пасха;*

- характеристика учреждений, предприятий, учебных заведений: *Школа – и есть школа. Дом как дом. Театр всегда театр;*

- характеристика лиц по родственным отношениям, возрасту, профессии: *Жена всегда и везде жена. Зять есть зять, зять любит зять. Теща – и в Африке теща;*

- характеристика географических объектов: *Москва - это Москва. Европа и есть Европа.*

- характеристика человека по личному имени, фамилии или прозвищу: *Чичиков повсюду Чичиков; Иван всегда Иван. Михайло Дубов и есть Дубов;*

- характеристика субъекта в плане отождествления различных его наименований (*Бегемот то же, что и гиппопотам*);

Перечисленные группы предложений имеют довольно высокую частотность в русском языке. Обычно они употребляются без связок, за исключением застывшей архаичной формы *есть*. Но в нашей выборке встретились и предложения, в которых употребляется связочный глагол *оставаться*: *Мальчишки остаются мальчишками. Деревня остается деревней*. Именная часть предиката принимает форму творительного падежа. Встречаются и предложения, где предикат осложнен частицей *то*, которая указывает на второстепенность названного субъекта. Такие конструкции употребляются обычно в сложносочиненных конструкциях с противительными отношениями между частями: *Ура-то ура, а вставать надо (В. Бакланов). Успех-то успех, а наряды новые нужны (С. Шульга).*

Определенный интерес представляют и предложения типа *Такой ответ не ответ Чай без сахара – что за чай. Здоровому и горе не горе, и беда не беда*. Предикат характеризует субъект не в плане тождественности, а в плане различия, указывая на то, что о тождественности, одинаковости не может быть речи.

Анализ более 500 предложений исследуемого типа показал, что термы тавтологического тождества

семантически и, следовательно, коммуникативно различаются. Первый компонент – субъект – представляет собой частное и указывает на существенную для субъекта качественную сторону предмета. Второй компонент, хотя и несет предметную информацию, в позиции предиката приобретает характеризующее и квалификативное назначение. Предикату вообще свойственно представлять качественно новую сторону объекта.

По мнению И. Канта, такие предложения безрезультатны и алогичны.

Их алогизм хорошо обыграл Л. Толстой в романе «Воскресенье»: *«Прежде изложения дела в суде он очень долго объяснял присяжным, с приятной домашней интонацией, то, что грабеж есть грабеж, а воровство есть воровство, и что хищение из запертого места есть хищение из запертого места, а хищение из незапертого места есть хищение из незапертого места».*

По мнению Н.А. Николиной, такие конструкции можно интерпретировать как языковой парадокс [7, 38].

Но все же высокая частотность предложений тождества в речи не случайна. Они возводятся языком в определенную систему. Такие предложения играют существенную роль в построении текста: они могут служить зачином для текста, но чаще заканчивают его, выполняя роль своеобразной концовки, вывода.

Таким образом, предложения анализируемого типа представляют тавтологию *только* в лексическом, *но не* в семантическом и коммуникативном аспектах. Они не избыточны, компактны, а отражают одну из форм познания явлений окружающего мира. Следует отметить, что предложения тождества встречаются в языках разных типов – славянских, романских, германских, угрофинских, тюрских, армянском, кавказско-иберийских, семито-хамидских и др. Так что вполне правомерно

категорию тождества, выражаемую разными языковыми средствами, считать лингвистической универсалией.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2010.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. 1986.
5. Лекант П. А. К вопросу о категории тождества в русском языке // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб. науч. трудов. М., 2001.
6. Лейбниц: тождество. //Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина: в 4 т. М., 2001. Т. 4.
7. Николина Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа жизнь есть жизнь // предложение как многоаспектная единица языка. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1984.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1986
9. Фигуровская Г. Д. Семантико-синтаксические отношения в конструкциях тождества (проблема разграничения смежных отношений) // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. П. А. Леканта. М., 2002.
10. Химик В. В. Отношение как гиперкатегория лингвистики // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. П. А. Леканта. М., 2002.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка: 3-е изд. М., 2001.

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ
КОНЦА XX- НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

*Семикина Юлия Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Волгоград, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается тема семьи в женской прозе и ее значение в формировании ценностной системы человека. Особое внимание автор уделяет проблеме формирования и реализации в семье гендерных стереотипов.

Ключевые слова: *семья, материнство, гендер, стереотип, трансляция опыта, женская проза.*

«THE IDEA OF FAMILY» IN WOMEN'S PROSE
IN THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES

Abstract. The article deals with the notion of «family» in women's prose and its significance in the formation of the person's value system. Special attention is paid to the problem of gender stereotypes formation and its realization in the family.

Keywords: *family, motherhood, gender, stereotype, social transmission, women's prose.*

Семейные ценности относятся к категории вечных. Испокон веков семья являлась основой общества, а женщина считалась хранительницей семейного очага.

Писатели-мужчины во все времена пытались осмыслить роль женщины в семье и в обществе, выразить свое понимание назначения материнства в культуре. Традиционно мужчины-писатели чаще создают в своих художественных произведениях образы положительных женщин, которые, пройдя тяжелые испытания судьбы, сохраняют богатый духовный мир, нравственную чистоту и являют собой своеобразный идеал женщины (жены и матери) в мужском понимании.

Женщины-авторы стремятся показать в своих произведениях, какую роль играют женщины не только и не столько в семье, но и в обществе и в культуре. В настоящее время женщины-авторы в художественных произведениях выражают собственные концепции «современной женщины», «современной семьи», «современного общества». Для многих женщин-авторов тема семьи очень важна, поэтому она имплицитно или эксплицитно проявляется во всех произведениях. Такие писатели, как И. Полянская, М. Арбатова не скрывают того факта, что их произведениям свойственен автобиографизм (т.е. авторское переживание, трансформация жизненного опыта, полученного в семье).

Осмысление собственной жизни, истории своей семьи, своей страны очень важно для И. Полянской, поскольку она, будучи ребенком, не в полной мере осознавала весь трагизм событий, происходивших в государстве в то время. Для каждого человека жизненно важными являются те события, которые поразили его, оставили какие-либо эмоциональные впечатления. Именно такие моменты бытия И. Полянская изобразила в своем романе «Прохождение тени». Семейная трагедия передана в произведении в двух проекциях: в восприятии шестилетнего ребенка и автора, уже взрослого человека, отрелектировавшего и оценившего эти события как в личном, так и в общеисторическом планах. Трагические исторические события проецируются на жизнь отдельной семьи, у которой, в свою очередь, есть «семейный миф». История семьи – миг в истории государства. В тексте произведения они словно отражаются друг в друге как в системе зеркал, дополняют друг друга.

Другие авторы (Л. Петрушевская, Л. Улицкая, О. Славникова и т.д.) не делают автобиографический

элемент доминантным, а представляют читателю гипотетический семейный опыт, существующий в рамках художественной реальности. Обращение к теме семьи позволяет переосмыслить опыт детства через призму материнского опыта. Хотелось бы отметить, что для современных авторов-женщин характерно вписывание семейной проблематики в культурно-исторический контекст.

Поскольку в художественном произведении создается реальность, преломленная через жизненный опыт автора, то в тексте реализуются различные гендерные стереотипы, касающиеся семейных отношений. Так, М. Арбатова в романах «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска» и О. Славникова в романе «2017» создали образы активных, рассудительных, самостоятельных и самодостаточных женщин, способных переосмыслить, а в некоторых случаях и преодолеть существующие в обществе гендерные стереотипы, касающиеся таких понятий, как «семейные традиции», «семья», «материнство», «судьба», «жертвенность», «счастье» и т.д.

Произведения Л. Улицкой («Медея и ее дети», «Искренне Ваш Шурик», «Казус Кукоцкого» и т.д.), И. Полянкой («Прохождение тени» и т.д.), М. Арбатовой («Визит нестарой дамы», «Семилетка поиска» и др.), О. Славниковой («2017» и др.) посвящены не узко «женским» или «мужским» проблемам. В них на примере трех поколений представлена попытка персонажей решить вечные проблемы: отношения между женщиной и мужчиной, матерью и детьми, «взаимодействие» двух поколений «родителей» и «детей» с современностью и т.д.

Говоря о психологических проблемах «отцов и детей», необходимо отметить, что отношения в семье во многом определяют дальнейшую судьбу ребенка. Это

значит, что у детей, недолюбленных в детстве родителями, понижается самооценка и появляются проблемы в выражении эмоций, что, в свою очередь, часто приводит к духовному одиночеству и, следовательно, запрограммированности на неуспех в жизни. По мнению писателей-женщин, психологический климат (комфорт) в семье очень важен (модели отношений «муж – жена» и «родители – дети» должны основываться на доброжелательном партнерстве, а не на соперничестве и насилии в любых его видах). Авторы считают, что важно найти «золотую середину»: уход в рациональное так же страшен, как и безотчетное следование «рациональному».

Женщина выполняет в культуре и в социуме важные функции. Женское начало имеет в философском и культурологическом понимании две основные ипостаси: мать, жена. Исходя из возвышенного понимания материнства мать – это воплощение добра, любви, гармонии, в реальной же жизни матери зачастую являются трансляторами подсознательной жестокости, непонимания, морального и физического насилия. Это происходит не потому, что женщина не любит своего ребенка: просто она считает, что ее жизненный опыт позволяет ей принимать важные решения за ребенка (а не вместе с ребенком), т.е. ограничивает внутреннюю свободу ребенка даже тогда, когда он стал взрослым и у него появилась собственная семья. Матери (в социальной или семейной сферах) способны совершать моральное насилие над детьми. *«Димкина мать <...> истязала единственного ребенка музыкальной школой <...>. Уж эти невостробованные судьбой мамашки, месящие потными ладонями вместо собственного жизненное пространство детей!»* [1, 12].

Главная героиня романа «Визит нестарой дамы» Ирина Ермакова рассуждает о матерях послевоенного

поколения: «Если б я была писательницей, я бы создала “Декамерон” о мамашах нашего поколения. – Я часто думала о том, что для них насилие было нормой жизни, и те из нас, кто перешел к новому гуманитарному стандарту, все время конфликтовали с матерями» [1, 28]. «Мать снилась мне идеальной, тактичной и ласковой, но поутру я налетала лицом на реальность. <...> Умом я понимала, что люди, изуродованные сталинским детством, не могут быть нормальными родителями, что насилие и безответственность впечатаны в них как нормы. Откуда они могли знать, что материнская любовь безусловна и ее отсутствие вызывает у человека чувство отчаяния и потерянности <...>. Откуда им было введать, что мать любит своих детей не потому, что они хорошие, а потому, что они ее дети» [1, 74-75]. Зачастую в отношениях «мать – дети» наблюдается отсутствие эмоциональной связи и, как следствие, – «женское насилие» в семье (женщина эмоционально подавляет членов своей семьи). Ситуации морального насилия в семье особенно часто изображаются в произведениях авторов-женщин.

В романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска» мы наблюдаем примеры «протестного поведения» как одной из форм осознанного противодействия детей такой насильственной трансляции личного и культурного опыта матери. «Психологическая зависимость от матери – основная проблема европейской культуры. Матери хотят эмоционально жить за счет ребенка, хотят быть всем для него, поэтому они не готовят его к нормальному восприятию основных фаз отрыва от себя: переходного возраста, брака и собственной смерти» [2, 301].

Разговор журналистки Елены с дочерью Лидой – наглядный пример детского протестного поведения: «Если

ты хочешь правду, то... ты ведь на самом деле обращаешься со мной, как бабка с тобой. Просто ты умней, и мне трудней тебе сопротивляться... тебе ведь тоже хочется дочку, которой можно хвастаться, а что с дочкой происходит, тебе по фигу...<...> Я вот в книжке прочитала, что задача взрослого человека – освободиться от родителей, социализироваться и ощутить собственную синтонность в мире. Слышишь? Синтонность! А ты не даешь! <...> Я ведь каждую секунду чувствую себя перед тобой виноватой, ты мимо моей комнаты проходишь, у меня все внутри сжимается. На мне большими буквами написано: я, раздолбайка-дочь, недостойная своей мамочки, которая 24 часа скребет лапками по жизненному асфальту... Ты вот говоришь, что, по бабкиным представлениям, мы семья, а мы – не семья. Но по моим, семья тоже не может быть местом, где ты ежесекундно чувствуешь себя дерьмом. <...>

– Ужас какой! А почему ты мне этого раньше не говорила?

– Да потому что ты, как бабка, ты не слышишь ничего, кроме самой себя, своей работы, своих успехов, своих мужиков...» [2, 349].

В романе «Семилетка поиска» тема материнства раскрывается через сопоставление главного персонажа со второстепенным, в частности, журналистка Елена противопоставлена коллеге по работе и подруге Кате: «Елена была синтетической оторвой: успевала дома, на работе, в любви и на войне. Катя была многодетной матерью <...>. Елена для Кати была пристально изучаемым воплощенным хаосом. Катя для Елены – грустной загадкой. Вроде все понимала про жизнь правильно, но жила с точностью до наоборот» [2, 8]. В образе Кати реализована идея о самопожертвовании и

покорности судьбе. Катя играет в романе роль второго плана, она является олицетворением классического идеала семейной жертвенной женщины-матери и жены. Елена – персонаж первого плана – осмеливается противопоставиться сложившемуся в обществе стереотипу гендерного поведения и стремится изменить свои отношения с мужем и дочерью (прервать процесс трансляции отрицательного жизненного опыта). Знаменателен тот факт, что в конце романа Катя переосмысливает свои ценностные установки и начинает новую жизнь, основанную на уважении к себе (то есть начинает свой путь к переосмыслению семейных ценностей и идеологии потребительства в семье).

Похожий прием (сопоставление двух типов женских персонажей) использует О. Славникова в романе «2017»: успешная предпринимательница, красавица Тамара Крылова и Татьяна, возлюбленная в ее бывшего мужа, не отличающаяся внешней красотой и не имеющая престижной работы. Обе женщины в итоге оказываются неспособны сохранить семью, родить и воспитать детей.

В произведении «Семилетка поиска» автор уделяет внимание в большей мере поколению «сорокалетних детей» и психологическим проблемам их возрастного кризиса. Главная героиня (успешная журналистка Елена) пытается изменить свою жизненную концепцию «Я – гиперпекающая мать». Позиция Елены «Я – гиперпекающая мать» реализуется в произведении в трех системах отношений: родители Елены, которые были своего рода большими детьми, ее мужа, дочь Лида. В каждой из этих межличностных систем есть внутренний конфликт, двусторонняя зависимость и властные отношения.

В семье у ребенка формируется способность к установлению отношений и определяется форма

идентификации по гендерному типу (т.е. гендерная индивидуальность). Закрепленные в семье процессы гендерного ролевого научения, различия в способности к установлению отношений и формы идентификации готовят мальчика и девочку к принятию взрослых гендерных ролей. Гендерное ролевое поведение с некоторыми модификациями передается от поколения к поколению, как, впрочем, и осознание успешности в выполнении гендерной роли.

«Поскольку идентичность женщины остается преимущественно в рамках роли жены / матери, женщина передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец» [5, 208]. Модель взаимоотношений родителей в семье усваивается детьми. Женщины-авторы показывают различные стратегии семейных отношений.

Психологи предполагают, что *«организация и идеология семьи все же воспроизводят гендерные различия и создают ожидание, что женщина, в отличие от мужчины, обретет первичную идентификацию именно в семье»* [5, 208]. Девочка узнает, что значит быть (или не быть) женственной посредством личной идентификации с матерью или с другими важными в ее жизни женщинами (с родственницами, подругами матери, матерями друзей и т.д.). Эта модель гендерной идентификации имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поскольку если в одном из поколений произошел «сбой» в гендерной идентификации, то могут поменяться гетеросексуальные компоненты роли. Если такая измененная модель начинает восприниматься последующими поколениями, то этот процесс приводит к неверному пониманию гендерной роли в эмоциональном плане: неспособности к эмпатии, изменению эмоциональной потребности к установлению

позитивных отношений. В результате таких трансформаций человек не способен создать или сохранить семью, поскольку его поведение не соответствует существующему в обществе стереотипу гендерного поведения.

«Девочка идентифицируется с матерью, чтобы обрести взрослую женскую идентификацию и научиться взрослой гендерной роли» [5, 210]. Особенно остро проблема гендерной самоидентификации проявилась в постсоветское время, когда выросло целое поколение детей, воспитанных в неполных семьях, в которых главную роль играли женщины. В советское время все воспитательные функции выполнялись в большей степени женщинами (воспитатели, учителя, библиотекари, врачи и т.д.).

Что же происходит, если сама мать в психологическом плане не является взрослым человеком (в сфере эмоционального и / или рационального)? По-видимому, в таком случае происходит инфантилизация или позднее проблемное взросление следующего поколения, что и показано в романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска», Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик».

Например, Вера Корн не осознает, что она в некоторой степени виновата в том, что происходит с ее сыном. *«Шурик проживает не свою жизнь, а ту, которую ему предложила (из самых лучших побуждений, конечно же) семья, состоящая из мамы и бабушки. Это именно они внушили мальчику довольно правильную саму по себе мысль – он должен быть хорошим. Быть хорошим – любить маму и бабушку высокой платонической любовью, не совершать плохих поступков, которые их могут огорчить. <...> Шурик и старается быть человеком без недостатков. Автор постоянно*

акцентирует внимание читателя на старательных попытках героя быть хорошим» [3, 209]. Он являлся «хорошим мальчиком» в рамках тех гендерных стереотипов, которые были сформированы мамой и бабушкой. «А Шурик действительно чувствовал себя настоящим другом и хорошим мальчиком. Ему всегда нравилось быть хорошим мальчиком». Вот в этом и заключается ирония Л. Улицкой. «Шурику нравилось выглядеть хорошим, создавать впечатление своей положительности. Но быть хорошим для всех не удастся. И приходится выбирать между матерью и женщиной. А выбрать – значит, кого-то обидеть, привычка “быть хорошим” не позволяет сделать самостоятельный шаг в сторону, принять решение, которое может не понравиться домашним. Поэтому Шурик тщательно скрывает от них свою связь с взрослыми опытными женщинами, к которым, впрочем, у него нет никаких чувств, кроме собственно сексуального влечения. Шурик врет, не краснея, чтобы и дальше оставаться хорошим мальчиком, при этом автор с иронией сообщает, что “редко встречаются люди, которые бы так ненавидели вранье, как Шурик”. Именно поэтому героя постоянно преследует чувство вины» [3, 209].

Шурик подсознательно усвоил тип отношений, основанный на добровольном, но все же подчинении (он с детства помнил рассказы бабушки о том, что мама пожертвовала своей театральной карьерой ради него). «В его отношении к матери, кроме любви, беспокойства о ней и привязанности, была еще и библейская покорность родителям, легкая и ненатужная. Вера не требовала никакой жертвы – она подразумевалась сама собой <...>» [4, 147]. И в итоге половину жизни Шурик жертвовал

собой ради интересов других людей (даже неродных), доходя в своей жертвенности до абсурда.

В романе М. Арбатовой «Семилетка поиска» взрослая дочь Елены Лида ведет себя как подросток: не осознает ответственность за совершенные поступки, не задумывается об их последствиях. Результат подобной жизненной позиции – отсутствие собственной семьи и неспособность самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, то есть неуспешность в реализации себя как личности.

Некоторые авторы-женщины (Мария Арбатова, Ольга Славникова и др.) в своих произведениях остро полемизируют с гендерными стереотипами общества, в частности, в вопросе о социальном статусе женщины. *«В нашем обществе женщину в первую очередь определяют как жену и мать, т.е. определяют ее через углубленные отношения к кому-то еще, а мужчину определяют в первую очередь в универсальных терминах профессии»* [5, 212].

Главные персонажи-женщины в романах М. Арбатовой и в романе О. Славниковой состоялись в профессиональном плане: Ирина Ермакова – известная художница, Елена – успешная журналистка, Тамара Крылова – успешная предпринимательница и общественный деятель. В личных (семейных) отношениях они сталкиваются с многочисленными трудностями. Выполняя в семье роль жены и матери, женщины несут ответственность за аффективно-зависимые функции [5, 212]. А Тамара Крылова вообще не имеет опыта материнства.

Авторы-женщины пытаются опровергнуть устоявшийся стереотип, что женщина в обществе получает статус успешности и положение, в основном, от мужа. Например, М. Арбатова подчеркивает тот факт, что

женщина в современном мире все чаще выполняет «мужские» функции: берет на себя активную роль не только в семье, но и в обществе в целом. Традиционно сложившиеся требования к гендерной роли женщины часто противоречивы, например, быть пассивной и зависимой в отношениях с мужчиной и быть независимым инициатором по отношению к детям [5, 210]. Женщины-авторы своими произведениями побуждают читателей поразмышлять над проблемой жизненной стратегии: ведь если ты хочешь быть «сильной» женщиной (успешной в работе, независимой и реализовавшейся в материнстве, берущей на себя ответственность за события, происходящие в жизни), то необходимо оценить свое влияние на членов семьи и задуматься над тем, какую цену приходится платить за трансформацию своей гендерной роли.

Литература

1. Арбатова М. Визит нестарой дамы: Вполне роман. М., 2008.
2. Арбатова М. Семилетка поиска: Роман. М., 2008.
3. Ермошина Г. Биологический эксперимент // Дружба народов. 2004. № 4.
4. Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик: Роман. М., 2005.
5. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. М., 2006.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Снегирев Илья Александрович,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель*

(г. Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению эволюции лирического героя в русской военной поэзии XX века – постепенному увеличению роли индивидуального над коллективным. С целью выявления характерных особенностей данной эволюции последовательно рассматривается ряд авторов – от Константина Симонова до Владимира Лифшица.

Ключевые слова: *лирический герой, литературная эволюция, традиция, повествовательная поэзия.*

EVOLUTION OF THE SPEAKER IN RUSSIAN MILITARY POETRY OF THE SECOND HALF OF THE XXth CENTURY

Abstract. The article is about evolution of the speaker in Russian military poetry of xx century, gradual increase of importance of individual over collective. Several authors are analyzed in the article from Konstantin Simonov to Vladimir Lishitz in order to find out peculiarities of this evolution.

Keywords: *speaker, iterature's evolution tradition, storytelling poetry*

Михаил Игоревич Свердлов в своей работе «Между Никой и Беллоной: война жанров и тема войны в английской поэзии XVIII-XX веков» [3] предлагает рассматривать историю английской военной поэзии как эволюцию жанра. Движение от оды начала XIX века к репортажу Киплинга, от Киплинга к поэзии Первой мировой. Данный подход, крайне эффективный в отношении русской и английской поэзии XIX и начала XX веков, представляется не столь продуктивным при рассмотрении русской поэзии второй половины XX века, так или иначе связанной с темой Второй мировой (Великой Отечественной войны).

В жанровом отношении здесь нет большого разнообразия. Нет и характерной для века XIX борьбы жанров. На фоне прочих явно доминирует малая лирическая форма. Малое лирическое (часто подчеркнуто

личное, интимное) стихотворение. Доминирование, которое выражается уже в том, какие тексты вошли в канон поэзии времен Великой Отечественной войны, в дальнейшем будет проявляться еще более отчетливо.

Несколько реже встречается баллада (как стихотворение, обладающее подлинным, нередуцированным сюжетом). При этом к числу характерных черт русской поэзии этого периода можно отнести то, что она становится ориентированной на напевный стих (по терминологии Эйхенбаума [5, 331]); важным ее качеством является музыкальность. Практически каждое стихотворение обладает «песенным потенциалом» и, как результат, стихи этого периода часто перекладывались на музыку – от Симонова до Высоцкого. При всей опосредованности связи таких субъективных характеристик, как «песенность», «музыкальность» и «лиричность», данное обстоятельство лишней раз подчеркивает общую лирическую интенцию этого периода.

С другой стороны, балладам и малой лирической форме можно противопоставить поэму. Само появление поэм, так или иначе, связано с общим консерватизмом советской литературы. Своеобразное обращение к традициям «Бородино» и «Полтавы» в то время, как в английской литературе поэму о Первой и тем более Второй мировой войне нам пришлось бы отнести к периферийным текстам корпуса англоязычной военной поэзии.

Таким образом, рассмотрение эволюции военной поэзии XX века с точки зрения смещения жанров, кажется, будет лишь фиксацией различных изменений формальных элементов при отсутствии сколь-нибудь заметной борьбы. Окончательно на периферию будет вытеснена поэма со слишком очевидно мобилизационным

и ангажированным содержанием. Разница между стихами Симонова и текстами, посвященными афганскому конфликту, существует, однако вряд ли ее можно описать с точки зрения смены жанра.

Представляется, что более продуктивным будет рассматривать не столько жанровую составляющую, сколько те или иные стратегии описания войны. Среди таких линий-сюжетов, объединяющих зачастую «идеологически» далеких друг от друга поэтов, можно выделить следующую – постепенный переход от героя эпического, коллективного (архаизация, характерная для советской поэзии) к лирическому с постепенной его индивидуализацией.

Уже во время войны к числу канонических текстов можно отнести не только стихи, рассчитанные на воспроизведение архаичных (слово *архаика* здесь и далее используется без всякой оценочной характеристики) мобилизационных моделей, но и стихи подчеркнуто лиричного, интимного характера. Знаковые тексты здесь – «Жди меня, и я вернусь...» Константина Симонова и «В землянке» Алексея Суркова. Стихи, в которых произошел качественный переход от одной модели к другой. М. О. Чудакова, в статье, посвященной стихотворению Симонова, характеризует это следующим образом: *«Публикация “Жди меня...” именно в “Правде” стала поворотным моментом в истории печатной поэзии советского времени. Она была воспринята как отмашка — и по-другому быть понята не могла»* [4].

Не менее знаковой стала и первоначальная реакция советского литературного начальства на эти произведения. Между написанием и публикацией стихотворения Суркова прошло почти полгода (опубликовано 25 марта 1942 года), при этом стихотворение было напечатано уже в качестве песни, а сам Сурков, судя по воспоминаниям

современников, не очень верил в успех этого стихотворения. Первый тираж пластинки был уничтожен, поскольку текст песни был воспринят руководством как пораженческий [1, 79].

Сходная судьба была у стихотворения «Жди меня, и я вернусь...» с его подчеркнута частной темой.

М.О.Чудакова описывает эту частную тему так: *«Биографический генезис стихотворения давал ему сугубо индивидуальное измерение: это обращение одного (каждого отдельного) воюющего мужчины к одной (каждой отдельной) ожидающей его женщине. Здесь нет ничего коллективного, общего, общинного, соборного, эпического [4]».*

Именно эта частная тема и стала причиной того, что поэт долго не решался опубликовать это стихотворение, а ряд газет отказали по тем причинам, что *«в газету нужно героическое, а не интимно-лирическое»* [4]. Последующая реакция читателей показала, что наиболее востребованной оказалась именно эта – частная, индивидуальная позиция. Индивидуальное выиграло у общего.

Эта перемена стала очень важной и для самого Симонова. Даже в самых «общих» своих стихах, таких как «Родина» или «Если дорог тебе твой дом», он передает это «общее» через частное. Через непосредственное обращение к читателю, к его индивидуальной памяти.

В дальнейшем и в послевоенной поэзии эта тема соотнесения большой войны и маленького человека, эпического и лирического так или иначе сохранялась, хотя и не всегда в том виде и том ключе, который был задан Симоновым.

Наиболее показательно это соотнесение дано в стихотворении Роберта Рождественского «На Земле безжалостно маленькой»:

*На Земле безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба маленькая.
И маленький очень портфель.*

Однако в этом тексте нет характерного для стихотворений Симонова личного, индивидуального. Более ярко это проявлено в стихах Владимира Высоцкого с его обращением к традициям английской повествовательной поэзии и принципу маски.

Сам по себе принцип маски был разработан в английской поэзии еще Робертом Браунингом, однако для русской поэзии и, тем более, поэзии военной более значимым оказалось влияние именно Кипплинга. Два наиболее ярких русских поэта, писавших о войне, – Николай Тихонов и Константин Симонов – воспринимались именно как наследники традиций Кипплинга и Гумилева. Поэтому обращение к поэзии «железного Редьярда» представляется закономерным и для Высоцкого.

В качестве своих масок Кипплинг выбирает героев с нижних палуб Британской империи – солдат, рабочих и так далее, наделяя их яркой речевой характеристикой. Персонажи его «Barrack-Room Ballads» («Казарменные баллады») часто используют кокни, любят зайти в бар и мюзик-холл, их речи мало совпадают с официальным патриотизмом:

*We aren't no thin red 'eroes, nor we aren't no
blackguards too,
But single men in barricks, most remarkable like you;*

*An' if sometimes our conduct isn't all your fancy paints:
Why, single men in barracks don't grow into plaster
saints;*

*(Нет, мы не грозные орлы, но и не грязный скот,
Мы - те же люди, холостой казарменный народ.
А что порой не без греха - так где возьмешь смирей:
Казарма не растит святых из холостых парней!)*

перевод И. Грингольца

Сходный подход можно найти и в стихах Высоцкого, более того, это давно уже стало общим местом при характеристике поэта.

В качестве некоторой крайней, экстремальной точки развития подобных персонажей-масок в русской поэзии здесь можно выделить текст Высоцкого: «Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане»:

*А ну-ка, пей-ка,
Кому не лень!
Вам жисть – копейка,
А мне – мишень.
Который в фетрах,
Давай на спор: Я – на сто метров,
А ты – в упор.
Не та раскладка,
Но я не трус.
Итак, десятка –
Бубновый туз...
Ведь ты же на спор
Стрелял в упор, –
Но я ведь – снайпер,*

А ты – тапер.

Пример действительно яркий, однако в не меньшей степени показательный. Здесь присутствует и характерный персонаж, значительно отличающийся от привычного, канонического представления о советском солдате, тем более о советском ветеране. Нарочито обозначено место действия – ресторан. За счёт этого персонаж получается куда более убедительным и – куда более индивидуальным.

Другим, в чем-то даже более характерным примером следует назвать литературную маску Владимира Лифшица. В шестидесятых годах он опубликовал ряд стихотворений, где в качестве автора указал английского поэта Джемса Клиффорда, обозначив себя как переводчика. Это была литературная мистификация. Прием, характерный для многих поэтов того времени, в том числе и для друга Владимира Лифшица – А. И. Гитовича [2].

При этом сын поэта, Лев Лосев, обратил внимание, что *«Джемс Клиффорд — единственный фантомный поэт, которому удалось на какое-то время обрести статус реально существующего автора в официальной советской печати. О том, что это мистификация, поначалу знали только жена моего отца, я и два-три близких друга. Владимир Лифшиц выдумал английского поэта, родившегося в один год с ним, 1913, как alter ego, как способ освободиться и от цензурно-редакторских, и от привычных стилистических ограничений»* [2].

То, что касается цензурно-редакторских ограничений, кажется вполне понятным. Стихи, написанные Джемсом Клиффордом, не могли быть написаны советским поэтом и солдатом Красной Армии. И, напротив, написанные мертвым английским поэтом они вполне проходили цензуру. Однако было бы неправильно объяснять это явление одними лишь внешними факторами.

Думается, что это не только и не столько цензурная свобода, сколько свобода стилистическая, интонационная.

Как замечает Лосев: «Джемс Клиффорд писал о войне и о мире с той свободой, которая была недоступна подсоветским поэтам» [2].

Существует ряд текстов, по большей части маргинальных, песенных, зачастую не имеющих установленного автора, где в центре находится персонаж американец и которые сходны по общей тональности со стихами Лифшица-Клиффорда.

Так, в кинофильме «Последний дюйм» (1958) есть «Песня Бена» (музыка М.Вайнберга, слова М. Соболя), привлекающая внимание стоическим презрением к смерти. Презрением, продиктованным не героическим характером, долгом перед Родиной и так далее, а простым безразличием. Особенно примечателен рефрен: «какое мне дело до всех до вас, а вам до меня?».

Существуют также две дворовые песни, относящиеся к более позднему периоду существования Советского Союза, однако весьма показательные для данного сюжета.

Одна из них – это «народный» перевод американской песни «Sixteen tons» («Шестнадцать тонн»). В оригинале она повествует о тяжелой жизни шахтера, однако в Советском союзе ее переделали в духе реалий Холодной войны. Приведу один из вариантов текста:

*Сидим мы в баре в поздний час...
И вдруг от шефа нам приказ:
«Летите, мальчики, на восток
Бомбить советский городок.*

*Летите, мальчики, на восток
Бомбить советский городок».*

*Шестнадцать тонн – опасный груз,
А мы летим бомбить Союз.*

Сходным образом построена песня «Фантом», вероятно, конца 80-х – начала 90-х. В этих двух текстах американские летчики неизменно терпят поражение, проигрывая столкновение с русскими летчиками или зенитчиками, однако в центре повествования находятся именно они. Как и многие другие тексты, относящиеся к литературному фону, эти песни прекрасно воспроизводят дух эпохи: сильные и смелые, но абсолютно безликие советские летчики (оказывающиеся едва ли не стихийной силой) и наделенные ярким характером пилоты-американцы, отчасти привлекательные в своем разложении.

Появление подобных текстов связано, вероятно, не столько с традицией Киплинга или английской военной поэзии в целом (традицией, с которой был знаком Лифшиц), сколько с общим представлением или мифом о Западе, прежде всего, с образами американского кинематографа. Подобное представление могло быть сформировано такими фильмами, как «Грязная дюжина» или «Герои Келли» с Клинтом Иствудом, где главной мотивирующей силой для американских солдат оказывается желание заработать, а не прославиться, победить врага и так далее. Создавался вестернизованный образ солдата-индивидуалиста, циничного в той или иной мере. Он обладал мужеством, но несколько иным, напоминавшим скорее стоическое презрение к смерти.

Вероятно, именно из этих соображений Владимир Лифшиц, поэт, привыкший к литературным маскам (в частности, его участие в написании стихов поэта-людоведа Евгения Сазонова), выбрал в качестве своей маски солдата

американской армии. Особый тон и особая интонация стиха получали внешнюю мотивировку.

Наиболее ярко это проявляется в стихотворении «Отступление в Арденнах»:

*Ах, как нам было весело,
Когда швырять нас начало!
Жизнь ничего не весила,
Смерть ничего не значила.
Нас оставалось пятеро
В промозглом блиндаже.
Командованье спятило
И драпало уже.
Мы из консервной банки
По кругу пили виски,
Уничтожали бланки,
Приказы, карты, списки,
И, отдаленный слыша бой,
Я — жалкий раб господен —
Впервые был самим собой,
Впервые был свободен!
Я был свободен, видит бог,
От всех сомнений и тревог,
Меня поймавших в сети.
Я был свободен, черт возьми,
От вашей суетной возни
И от всего на свете!..
Я позабуду мокрый лес,
И тот рассвет, — он был белес, —
И как средь призрачных стволов
Текло людское месиво,
Но не забуду никогда,
Как мы срывали провода,*

*Как в блиндаже приказы жгли,
Как всё крушили, что могли,
И как нам было весело!*

Как мы видим, Лифшиц воспроизводит именно этот образ американского солдата - стойка, циника, индивидуалиста, презирающего смерть и противопоставляющего себя массе. Стихия разрушения и последнего пира обреченных на смерть как проявление крайне степени свободы и индивидуализма.

Таким образом, если подводить итоги, то можно охарактеризовать этот вектор литературной эволюции как движение от темы частного человека на войне к теме крайнего индивидуализма. Движение, довольно часто закономерно связанное с генетическим влиянием англоязычной поэзии.

Литература

1. Иванушкина П. Самая пожилая мама России — дочь советского поэта // Аргументы и факты. — 2011. — № 50.
2. Лосев Л. Упорная жизнь Джемса Клиффорда: возвращение одной мистификации [Электронный ресурс] // Звезда. — 2001. — №1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/losev.html>
3. Свердлов М. Между Никой и Беллоной: война жанров и тема войны в английской поэзии XVIII - XX веков // Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: проблема взаимодействия литературных эпох. М., 2009.
4. Чудакова М. О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени [Электронный ресурс] // НЛО 2002, 58. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/chuda.html>
5. Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969.

«СКАЗ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА И Л.А. ФИЛАТОВА:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

*Полежаева Светлана Серафимовна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Тирасполь, Молдова)*

Аннотация. В сравнительно-сопоставительном плане описываются ключевые позиции жанра “сказ”, реализованные в повести Н.С. Лескова “Очарованный странник” и пьесе Л.А. Филатова “Про Федота-стрельца, удалого молодца”. Доказывается идея общности прозаического текста XIX в. и поэтического текста XX в. в сказовой повествовательной манере раскрыть социальные проблемы через вербальную реализацию языковой личности.

Ключевые слова: художественный текст, жанр “сказ”, языковая личность, сказочный элемент, интертекстуальность, лексические средства.

"THE TALE" IN THE WORKS OF N.S. LESKOV AND
L.A. FILATOV: POINTS OF CONTACT

Abstract. In comparative plan describes the key points of the genre “story” implemented in the story N.S. Leskov's “Enchanted wanderer” and the play L.A. Filatov's “About Fedot-Archer, swashbuckling young man.” Proved the idea of a common prose text of the XIX century and the poetic text of the XX century in fantastic narrative manner to reveal the reader to social problems through verbal realization of linguistic identity.

Keywords: the literary text, the genre of “story”, language personality, fabulous item, intertextuality, lexical means.

«POVESTIREA» ÎN CREAȚIILE LUI N.S. LESKOV ȘI L.A.FILATOV:
PUNCTE DE CONTACT

Adnotare. În plan comparativ-confruntare sînt descrise pozițiile cheie a genului literar «povestirea», realizat în operae lui N.S. Leskov « Călătorul fascinat» și în piesa lui L.A. Filatov «Despre Fedot strelîț, voinicul dibaci». Se încearcă a dovedi ideia unității textului prozaic din secolul al XIX-lea și a textului poetic din secolul XX în manieră de povestire narativă și a scoate în vileag problemele sociale prin realizări verbale a însușului posesor de limbă.

Cuvinte cheie: textul artistic, genul literar «povestirea», persoana posesoare a limbii, elementul de poveste, intertextualitatea, mijloacele lexicе.

Актуальным для современной русистики является направление, соединяющее системное и функциональное описание языка с целью активного изучения языковых единиц как элементов текста.

Художественный текст признается одной из самых совершенных форм коммуникации, он отражает разнообразные стороны русского языкового сознания, в силу чего является достаточно сложным для филологического анализа.

Объектом описания в данной статье выбран сказ а) «... как письменная форма повествования, ориентированная на «живую» разговорную речь, во многом отражающую стереотипы национального сознания» [6], обусловленная (и одновременно обусловившая) жанрообразующими и стилеобразующими его признаками; б) как «вид литературно-художественного повествования, подражающий фольклорным произведениям стилем, специфической интонацией и стилизацией речи для воспроизведения речи сказителя устных народных жанров или живой простонародной речи вообще» [17].

Сегодня исследователи всё чаще обращаются к изучению художественных произведений, написанных в сказовой манере (А.Д. Иргит «Жанр сказа в русской литературе и творчестве П. Бажова» (2014), А.В. Пашина «Концепт «человек» в сказах И.М. Ермакова» (2006), Е.В. Купчик «Лексика сказов И.Ермакова» (1996) и др.). Однако нельзя не согласиться с мнением А.В. Пашиной: «В современной науке о языке проблема сказа занимает довольно скромное место», при этом исследователь

подчеркивает усиление *«интереса к форме повествования, предполагающей обращение к разговорной речи»* [6]. Отсюда – актуальный характер научных изысканий сказа в лингвистическом, лингвостилистическом и литературоведческом аспектах.

Одним их основополагающих в изучении теории текста в целом и художественного текста в частности является понятие «языковая личность». В понимании Ю.Н. Караулова, стоявшего у истоков современного этапа изучения языковой личности в 80-е годы XX столетия, языковая личность – это *«любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире»* [8, 671].

Мы обратились к изучению феномена языковой личности, представленной в жанре сказа. Сказовая форма произведения накладывает свой отпечаток на это понятие, поскольку в тексте присутствует не только автор и персонажи, но и особый персонаж-рассказчик, который «живет» по своим законам; это своего рода *«посредник между изображенным и слушателем (читателем), свидетель и истолкователь происшедшего»* [7]. Главное средство создания этого образа – речь, которая является, по сути, своеобразным выражением национального характера, менталитета определенного социального слоя (слоев) общества. Можно говорить о языковой личности самого автора художественного текста, которая представлена в тексте *«рядом „языковых масок“, „личин“ рассказчиков и персонажей»* [6], о языковых личностях персонажей и о языковой личности повествователя. В данной статье понятие «языковая личность» трактуется

нами как «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значении языковых единиц, в смыслах текстов» [3].

Исследователи отмечают, что в профессиональный литературный оборот фольклорное слово «сказ» первым ввел Н.С. Лесков. Существует известная формулировка данного понятия, предложенная в 20-е годы прошлого столетия Б.М. Эйхенбаумом: «Под сказом я разумею такую форму повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика» [Цит. по: 12].

Для анализа были взяты два произведения сказовой формы – повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник», написанная в 70-е годы XIX века [15], и пьеса Л.А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», написанная в 70-80-е годы XX века [9].

Эти произведения представляются интересными для исследования как сами по себе, так и в сравнительно-сопоставительном плане.

Первое произведение – «Очарованный странник» – глубоко и фундаментально изучается литературоведами и лингвистами вот уже на протяжении более чем ста лет. Второе же – «Про Федота-стрельца, удалого молодца» – исследуется гораздо меньше и еще ждет своей литературоведческой и лингвистической исследовательской аудитории.

Отметим несколько работ лингвистического характера: В. Даниленко в статье «Новаторство Леонида Филатова в пьесе «Про Федота-стрельца, удалого молодца», опубликованной в 2011 году, методом лингвистического дискурс-анализа выявляет «четыре стилистические стихии: реалистическую, просторечную, юмористическую и ироническую» [6]. В работе

О.Н. Касторновой «Лексические средства создания образности в сказке Л.А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (2006 года) внимание уделяется лексическому пласту пьесы и его функциональному аспекту.

В работах литературоведческого характера в качестве материала исследования также избрана названная пьеса Л. Филатова. Так, в 2011 году Е.Ф. Гилевой была защищена кандидатская диссертация «Пути развития русской драматической сказки конца XX в.», в которой в качестве предмета исследования была представлена и пьеса о Федоте-стрельце. В 2014 году опубликована статья К.В. Измestьевой «Трансформация сказочных мотивов в пьесе Л.Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Названные произведения Н.С. Лескова и Л.А. Филатова еще не становились предметом исследования в сравнительно-сопоставительном плане. В данной статье мы остановимся на некоторых особенностях этих текстов, дающих представление о языковой личности рассказчика (повествователя), которая формирует особую – сказовую – стихию художественного текста (в качестве объекта исследования фрагментарно представлены и другие персонажи). В основе названных произведений – способ повествования, ориентированный на воспроизведение живой, устной речи; литературная стилизация под фольклорный жанр (что особенно характерно для произведения Л. Филатова). В критической литературе обнаружено отнесение изучаемого произведения Л. Филатова и к сказке, и к сказу, что отражено в разных вариантах самого названия пьесы.

Имена существительные «сказка» и «сказ» восходят к одному общему для них понятию, называемому глаголом

«сказывать» (по В.И. Далю, «говорить», «изъяснять», «извещать», «молвить» или «баять», «сообщать», «повествовать»). Отсюда однокоренные слова «сказ» и «сказка», однако это не абсолютные синонимы: между ними есть различие.

Анализ данных понятий позволяет сделать следующие выводы: *сказка* – занимательный рассказ о необыкновенных вымышленных событиях и приключениях; *сказ* – «эпическое прозаическое произведение фольклора, имеющее определенную художественную форму, повествующее о действительных (или принимаемых за действительные) событиях и конкретных лицах недавнего прошлого, нередко рассказываемое от первого лица» [5, 233]. Сказ «рождается вместе с событием, в котором принимает участие народ...» [5, с. 241].

Л.А. Филатов создал произведение, в котором, на наш взгляд, объединены элементы и сказа, и сказки: от сказа – живая устная речь, рассказ ведется от первого лица, налицо литературная стилизация под фольклорный жанр, в нем легко прочитывается наше недавнее прошлое; от сказки – занимательный рассказ о необыкновенных фантастических вымышленных событиях и приключениях (например, превращение птицы в красну девицу, фантастическое говорящее существо То Чаво Не Может Быть и др.), символика числа «три» (трижды Федот отправляется выполнять поручения царя) и др. Показательно, что сама пьеса написана по мотивам известной народной сказки «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Что касается жанровой принадлежности произведения Н.С. Лескова, то в критической литературе оно представлено однозначно – **повесть**, т.е. произведение, повествующее о действительных событиях и конкретных

лицах недавнего прошлого. Фольклорное начало также присутствует – использованы элементы былин.

Оба изучаемых произведения объединяются общим функциональным героем – рассказчиком. Именно он ведет повествование от 1-го лица. На первый взгляд, их роли разные: один – Иван Северьянович Флягин – повествует о своей нелегкой жизни, о трудностях, лишениях, с которыми ему пришлось столкнуться, о тяжелом и долгом пути нравственного перерождения и осознания своей цели в жизни; другой – Скоморох-Потешник – иронически, с юмором, повествует о жизни во дворце представителей разных социальных слоев. Именно он задает динамичный ритм повествованию, обозначает временные и пространственные ориентиры действия.

Однако более глубокое прочтение этих двух произведений приводит к выводу, что оба рассказчика повествуют о жизни и судьбе России, о роли человека из народа и власть предержащих. Иными словами, эти произведения глубоко социальны.

Повесть Лескова оставляет щемящее чувство боли за праведного человека, так и не нашедшего душевного пристанища (ведь Флягин и в монастыре не прижился), пророчески осознавшего, что страну ожидают беды и горести, и потому понявшего смысл своего существования в служении людям, Отечеству. Однако повествовательный «ход» всего произведения приводит к пониманию «положительного» финала текста: Лесков описывает нравственно пробудившегося героя, эволюция души которого обусловлена прохождением через множество тягот и трудностей, выпавших на долю страны. Важную составляющую несет и исповедальный характер сказа, затрагивающий глубины сознания читателя.

В пьесе Филатова превалирует сатирическое начало, она вскрывает отрицательные стороны жизни страны и роль в этом государственной власти. Федот-стрелец проходит нелегкие испытания, но его нравственная эволюция сопряжена с элементами фантастики, вымысла, ведущими свое начало от сказки. К концу пьесы Федот становится чуть ли не вдохновителем «народных масс», осознавших необходимость свержения царской власти; он преобразуется в смелого человека, противостоящего косности существующего социального строя. Вместе с тем у читателя не складывается впечатление, что это *happy end*, не помогает даже иронично-ритмизованный рисунок речи Скомороха-Потешника: ведь Федоту помогали *фантастические* силы, а реальность далека от светлого вымысла.

Таким образом, оба произведения объединяются глубинным смыслом, донесенным до читателя героем-рассказчиком – языковой личностью, во многом (если не во всем) формирующей идейный замысел их авторов.

Представим некоторые аспекты изучаемых текстов в сравнительно-сопоставительном плане (далее текст Н.С. Лескова «Очарованный странник» маркирован пунктом (а); текст Л.А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» маркирован пунктом (б).

Манера сказа: (а) – прозаическая; (б) – поэтическая.

Зачин: (а) – отсутствует; (б) – «*Верьте аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, удалой молодец*».

Повествование: (а) – от автора и главного героя; (б) – от действующих лиц, в том числе рассказчика.

Сказовая манера повествования в анализируемых текстах разная. В «Очарованном страннике» она отражена в своеобразной речевой манере повествователя (размеренный ритм, экспрессивные языковые единицы,

особенный синтаксис речи Флягина), обусловлена чертами его характера, которые проявляются в определенных сюжетом поступках героя. В пьесе «Про Федота-стрельца, удалого молодца» – стилизованная под фольклор ярко выраженная манера повествования. Скоморох-Потешник и персонажи нарушают нормы литературной речи, причем это нарушение проявляется практически на всех языковых уровнях – от лексики до синтаксиса, проявляется в интонационно-стилистическом рисунке речи. Идеино-жанровый и стилистически заданный Л. Филатовым вектор имитации устной речи отражает простонародную манеру повествования, несмотря на то, что персонажи принадлежат к разным социальным слоям (царь, царевна, генерал, нянька и др.).

Сказочные (нереальные) персонажи: (а) – голос во сне, монах с того света; (б) – Баба Яга, Фрол Фомич и Тит Кузьмич, То Чаво Не Может Быть.

Числовая составляющая сказа (сказки): (а) – Флягин три раза рассказал о своей жизни (барину, полковнику, слушателям у костра); (б) – три раза Маруся помогает Федоту с помощью двух дюжих молодцев, а на четвертый раз Федот вынужден сам выполнить задание царя.

Время действия: (а) – путешествие на пароходе: Иван Северьяныч Флягин повествует о своей жизни («возвращаясь» в прошлое), пока плывут до места назначения; (б) – Федот странствует, а действие развивается согласно сюжетной линии.

Причина путешествия главного героя: (а) – по родительскому обещанию (молитвенный сын, сын обещанный); (б) – по царскому указу. Оба странствуют не по своей воле, а исполняют долг.

Невидимая сила: (а) – «начал я с невидимой силой говорить...»; (б) – «Я бы рад, да мой портрет // Для меня и то секрет!» (говорит о себе То Чаво Не Может Быть).

Географические названия: (а) – только реальные места (Ладожское озеро, остров Коневец, Валааш, Корела, Москва, Новгород, Орловская губерния, Петербург, Кавказ); (б) – реальные места (Швеция, Греция, Гавай, Германия, Америка, Багдад, Париж, Петербург, Москва, Тула, Тверь) и сказочное место (остров Буян).

Интертекстуальность: (а) – «и, как в сказке про сестрицу Аленушку сказывают, ...»; (б) – «Я фольклорный элемент...» (говорит о себе Баба Яга).

Интертекстуальность понимается нами в концепции И.В. Арнольд: это текстовая категория, отражающая «соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, которое обеспечивает приращение смысла произведения» [1]. В анализируемых текстах Лескова и Филатова упоминание персонажей из произведений русского фольклора апеллирует к фоновым знаниям читателя.

Кроме того, в тексте Лескова (а именно в речи Флягина) есть прямая аналогия с известными выражениями из русских **былин**. Например, слова Флягина, обращенные к строптивому коню: «Стой, собачье мясо, песья снеть», – соотносимы со словесным выражением гнева Ильи Муромца на богатырского коня в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник»: «Ах ты, волчья сыть дай травяной мешок!» [13]. Читатель «сопоставляет» Ивана Северьяныча Флягина, нередко поступающего безрассудно, с былинным героем (например, в сцене, когда он дерется с уланом, «порется» с татаринном). Л. Филатов в пьесе не использует былинных сюжетов.

В обоих произведениях функционируют известные *пословицы* русского народа, причем понимаемые в широком смысле как фразеологические выражения (по мысли Н.М. Шанского), они представлены в трансформированном виде. Ср. «*Чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало; «Дай бог твоими устами да нам мед пить» («Очарованный странник»); «Лучше горькая, но правда, // Чем приятная, но лесть» («Про Федота-стрельца, удалого молодца»)* на базе исходной пословицы «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь».

Лексические средства создания языковой личности:

– **Иноязычные выражения**, нередко в искаженном виде: (а) – «*Те ву при*» – *Я вас прошу* (из французского языка), «*Парле-бьен-комса-шире-мир-ферфлюхтур-мин-адью-мусью!*» (набор слов для устрашения татар); (б) – «*йес*» (из английского языка) – *да* (отвечает на все вопросы герой, не понимая, о чем идет речь (ирония), «*си*» да «*си*» – *что? да что?* (не вникая в смысл сказанного, лишь бы что-нибудь сказать).).

– **Просторечная лексика**: (а) – *аглицкая* ученость (английская), *супротив* (против), *спровадить* (выпровождать); (б) – *аглицкий* посол (английский), *из Парижу* – из Парижа, *Хранция* – Франция, *сурьезные* (серьезные), *сумлеваться* (сомневаться).

– **Разговорная лексика**: (а) – *голубчик* (ласковое обращение), *графинюшка*; (б) – *егоза* («вертлявый, подвижный, беспокойный человек») [16], *брякнулся* («с силою упасть») [10].

– **Устаревшая лексика**: (а) – *перст* (архаизм) (палец); (б) – *снедь* (архаизм) («пища, еда») [14], *кокошник* (историзм).

– **Областные слова**: (а) – *молодка* [11]; (б) – отсутствуют.

– **Фамильярные слова**: (а) – *brateц*, *брат* (обращение); (б) – *brateц* (обращение).

В обоих произведениях используются одинаковые языковые средства: герои употребляют в своей речи обращения «брат», «братец» по отношению к людям, не являющимся им родственниками.

– **Бранные, ругательные слова и выражения:** (а) – дура, дурак, тварь негодная; (б) – дурында (дура), стервец.

Бранные слова служат в речи героев Н.С. Лескова для раскрытия эмоционального состояния персонажей, а также для характеристики лошадей. В произведении Л.А. Филатова употребляются «осовремененные» бранные слова и выражения.

– **Нарочито измененная современная лексика:** (а) – отсутствует; (б) – *колефтив* (коллектив), *социальный* (социальный), *цельный* (целый) ткацкий комбинат. В тексте Л.А. Филатова такой пласт лексики употреблен с целью намеренной стилизации под народный говор.

- **Образные средства языка:** (а) – метафора (*львиная душа, гневом землю жжет*), эпитет (*божественная мысль*); (б) – метафора (*злоба точит*), эпитет (*любовный шок*), сравнение (*тоща, как полвесла*), фразеологизм (трансформированный: *брянский волк*), ирония (*тонкие намеки*).

- **Субъективно-оценочная лексика:** (а) – уменьшительно-ласкательное значение, выражаемое с помощью словообразовательных суффиксов (*Грунюшка, цыганочка, сестрица, язвинка, платьице, башмачки, глазки, ножки, гривка, спинка, лебедушка*); (б) – уменьшительно-ласкательное значение, выражаемое с помощью словообразовательных суффиксов (*Расеюшка, головушка, голубица, гребешок*).

В повести «Очарованный странник» Флягин часто использует в своей речи уменьшительно-ласкательные слова и обращения они порой не к людям, а к животным. В пьесе Л. Филатова персонажи реже используют в своей речи лексику с уменьшительно-ласкательной коннотацией.

Концовка: (а) – герой кается за все, он готов нести наказание (покаяние) за все свои грехи («*Повествования своего минувшего он исповедал со всею откровенностью своей простой души, а просвещения его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам*»); у Ивана Северьяныча Флягина есть мечта – «умереть за народ» (что также соотносится с русскими былинами); он видит свое предназначение в том, чтобы быть полезным и необходимым людям;

(б) – традиционный сказовый конец с заложенным в него смыслом и выводами, трансформированный с учетом идейного содержания, рифмы и ритмики поэтического текста («*Был и я на том пиру, ел зернистую икру. <...> А Федот-стрелец ел соленый огурец. А как съел огурец – тут и сказке конец! <...>*»).

Приведем слова исследователя сказки и сказочной фантастики Е.Н. Ковтун: «...*всякое произведение, относимое в разряд “литературно-сказочных”, несет в себе некое семантическое ядро, унаследованное от совокупности фольклорно-сказочных сюжетов*» [4]. Это мнение подтверждается всем содержанием анализируемых в данной статье сказовых произведений.

На основании проведенного анализа текстов Н.С. Лескова «Очарованный странник» и Л.А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» мы пришли к следующему **заключению**:

1. Роль рассказчика (повествователя) первична.
2. Каждый герой имеет свой голос. Индивидуализируя речь персонажей, Н.С. Лесков и Л.А. Филатов рисуют типы людей различных социальных слоев.
3. Элементы стилизации языка под жанр сказа имеют фольклорную основу.
4. В представлении своих персонажей как языковых личностей Н.С. Лесков и Л.А. Филатов используют

преимущественно одинаковые лексические средства (просторечную и разговорную лексику, архаизмы, историзмы, бранную лексику и т.д.).

5. Н.С. Лесков к концу повествования проводит идею о том, что виноватых в тяготах жизни русского человека как будто и не оказалось. Л.А. Филатов подводит к выводу о том, что виноваты дураки, а кто они – неизвестно.

В образах Ивана Северьяныча Флягина и Федота-стрельца, удалого молодца показана широта души русского человека, его наблюдательность, житейская мудрость. Эти черты воплощаются в своеобразной речи повествователя и персонажей произведений, характеризуют их как особых языковых личностей в сказовом пространстве художественного текста.

Таким образом, наблюдения над художественными текстами Н.С. Лескова и Л.А. Филатова, написанными в сказовой манере в разные исторические эпохи, в целом позволяют сделать вывод о значительной доле общих признаков, объединяющих их. Одной из доминант такого объединения служит языковая личность сказового текста, образ автора, который, по мысли В.В. Виноградова, высказанной еще в 50-е годы XX века, представляет собой *«концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого»* [2].

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика, стилистика, интертекстуальность. – СПб., 2009.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959 (режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077376>).

3. Карасик В.И. Язык социального статуса: монография. М., 2012.

4. Ковтун Е.Н. Элементы фольклорной волшебной сказки в славянской литературной сказке и сказочной фантастике (режим доступа: http://www.slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_folklskazka.pdf)

5. Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия: Учебное пособие для филол. специальностей. – 2-е изд., М., 1983.

6. Пашина А.В. Концепт «человек» в сказах И.М. Ермакова (режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kontsept-chelovek-v-skazah-i-m-ermakova#ixzz4LWr8adyN>).

7. [Поспелов Г.Н., Николаев П.А., Волков И.Ф. Введение в литературоведение. – М.: 1988](#) (режим доступа: <http://scibook.net/teoriya-literaturyi-istoriya/povestvovatel-ego-otnoshenii-46479.html>).

8. Русский язык / Энциклопедия, 2 изд., перераб. и доп. М., 1997.

9. Филатов Л.А. Про Федота-стрельца, удалого молодца // Собрание сочинений в одном томе. М., 2011.

10. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/751422>

11. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/862574>

12. <http://reshal.ru/использование-просторечной-лексики/>

13. http://teneta.rinet.ru/rus/ii/ilia_i_solovey.htm

14. <http://tolkslovar.ru/s8351.html>

15. <http://www.ilibrary.ru/text/15/p.1/index.html>

16. <https://slovar.cc/rus/ushakov/396830.html>

17. <https://www.google.com/search?client=opera&q>

**ОБРАЗ «ПАДШЕЙ» ЖЕНЩИНЫ И СВОЕОБРАЗИЕ ЕГО
ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНАХ Л.Н. ТОЛСТОГО
«ВОСКРЕСЕНИЕ» И Т. ГАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»**

*Топор Габриэлла Георгиевна,
доктор филологии, конференциар университетар*

(г. Кишинев, Молдова)

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме «Л.Н. Толстой и мировая литература». Особый интерес представляет изучение литературных связей великого русского писателя и английской литературы конца XIX – начала XX вв. Поэтому в сравнительно-типологическом аспекте рассматриваются романы Л.Н. Толстого «Воскресение» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Такой подход не случаен, потому что, когда речь идёт о художниках такого масштаба, интересны те объективные черты сходства и различия, которые можно уловить в их взглядах и творчестве.

Ключевые слова: диалог литератур, литературные связи, образ, роман, сравнительно-типологический анализ, русская литература конца XIX в.

THE IMAGE OF SCARLET WOMAN AND PECULARITIES OF ITS REVEALING IN THE NOVELS BY L.N. TOLSTOY “TESS OF THE D'URBERVILLES BY TH. HARDY

Abstract. The present article is dedicated to the problem of „L.N. Tolstoy and World Literature”. The study of literary relations of the great Russian writer and the English literature of the period from the end of the XIX- the beginning of the XX centuries is of special interest. That is why the novels by L.N. Tolstoy „Resurrection” and T. Hardy „Tess of the D'Urbervilles” are considered in comparative/ typological aspects. Such approach is not accidental, because while analyzing the literary activity of the authors of such a rank, it is always interesting to take into account those peculiarities of similarities and differences which can be found in their view points and literary work.

Keywords: dialogue of literature, literary relationships, image, novel, comparative-typological analysis, Russian literature at the end of XIX.

IMAGINEA FEMEII „DEPRAVATE” ȘI SPECIFICUL REPREZENTĂRII ACESTEIA ÎN ROMANELE ÎNVIEREA DE L. TOLSTOI ȘI TESS d'URBERVILLES DE Th. HARDY

Adnotare. Prezentul articol este consacrat problemei/subiectului „L.N. Tolstoy și literatura universală”. Un interes aparte prezintă studierea relațiilor literare ale marelui scriitor rus cu literatura engleză de la sf. sec. al XIX-lea – înc. sec. XX. De aceea sunt analizate sub aspect comparativ-tipologic romanele *Învierea* de L.N. Tolstoy și *Tess d'Urbervilles* de

Th. Hardy. O atare abordare nu este întâmplătoare deoarece atunci când este vorba de artiști de asemenea valoare, sunt interesante acele trăsături obiective ale asemănării și deosebirii care pot fi percepute și în viziunile, și în creațiile lor.

Cuvinte-cheie: dialogul literaturilor, relații literare, imagine, roman, analiză comparativ-tipologică, literatura rusă de la sf. sec. al XIX-lea.

Ни один из русских писателей XIX века не приобрел такой международной славы и такого влияния, как Л.Н. Толстой.

Почти каждый из наиболее значительных писателей мировой литературы конца XIX и XX вв., а также новейшего времени в той или иной мере, в той или иной форме учился у Л.Н. Толстого.

Притом «учился» – это, как правило, не значило «подражал». Напротив, крупные художники мировой литературы благодаря великому русскому писателю обретали новые стимулы к самостоятельному творчеству.

Творчество Ги де Мопассана, Р. Роллана, А. Барбюса, Б. Шоу, Т. Драйзера, Т. Манна, Э. Хемингуэя, А. Цвейга, Э.-М. Ремарка и мн. др. подтверждает, что Л.Н. Толстой сыграл серьезную роль в их творческом становлении.

Одним из первых, кто попал под обаяние личности и творчества великого русского писателя, был английский романист Томас Гарди.

Творческое воздействие Л.Н. Толстого сказалось не только на тематике романов, отдельных приемах письма Т.Гарди, но и в некоторых общих принципах художественного изображения человека, в способе трактовки острых общественно-нравственных проблем.

Для английского реализма XIX века было характерно повышенное внимание к вопросам нравственности, резкое разграничение понятий «добро» и «зло», утверждение веры в конечное торжество добра [6, 49]. Однако

Л.Н. Толстой в своих произведениях дал несравненно более глубокую трактовку проблем добродетели и порока, чем та, которая содержалась в произведениях классиков английского романа. Он создал образы людей, отмеченных высокой нравственной цельностью и в то же время сложных, многогранных, не свободных от внутренней борьбы и внутренних противоречий. Л.Н. Толстой показал, что люди, по натуре чистые и неиспорченные, подчас оказываются вынуждены преступать моральные нормы. Тема «без вины виноватых», занимающая особенно важное место в позднем творчестве русского писателя, – в «Воскресении» и «Живом трупе» – мощно прозвучала уже в «Анне Карениной» [3, 21]. Именно это оказалось наиболее близким Томасу Гарди.

Действительно, совсем по-толстовски он повествует в своих произведениях о честных, богато одаренных людях, страдающих и гибнущих. Английский писатель раскрывает многообразную внутреннюю жизнь этих людей. Вместе с тем личной трагедии он придавал обобщающее значение.

В литературной критике не раз упоминалось о близости лучшего романа Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и романа Л.Н. Толстого «Воскресение». О влиянии русского писателя именно на этот роман упомянул и М. Горький [4, 515].

Ни одна из книг Т. Гарди не оставляет такого целостного впечатления, как роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Особенно трогает и запоминается образ главной героини Тэсс, наделённой редким обаянием. Объединяет эти два романа и мотив соблазнения простой девушки богатым баринном. Оба писателя повествуют о судьбе несчастных женщин, поруганных и загубленных. Они как бы спрашивают: «Почему случилось так, что прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и

в сущности чистая, как снег, обречена носить клеймо?.. Почему так часто грубое берет верх?.. » [4, 516].

Обе героини входят в жизнь с непорочной, незамутненной душой, но именно в силу своей внутренней непорочности вступают в неразрешимый конфликт и с общественной моралью, и с законом. И авторы глубоко убеждены в том, что в трагической судьбе их героинь виновны не они сами, а виновата жестокая действительность, доводящая Катюшу Маслову до преступления и каторги, а Тэсс – до убийства и виселицы. Т. Гарди, в отличие от своих предшественников, великих мастеров английского романа середины XIX века, и Л.Н. Толстого, не побоялся показать, что порок не бывает наказан, а добродетель не торжествует.

Смелость Т. Гарди наглядно видна в решении им сюжетного конфликта, на котором основан его роман. Образ простой девушки, поддавшейся домогательствам богатого соблазнителя, возникал в английской литературе и ранее. Но и Ч. Диккенс в «Дэвиде Копперфильде», и Джордж Элиот в «Адаме Биде» мотивировали грехопадение героини, в первую очередь, ее собственным легкомыслием, моральной неустойчивостью. Ни один писатель до Т. Гарди не рискнул показать девушку, родившую внебрачного ребенка, как жертву несправедливого строя жизни, а не как заслужившую кары грешницу. Поэтому неслучайно он снабдил свой роман полемически звучащим подзаголовком «Чистая женщина».

Особый драматизм судьбы героини основан именно на том, что это кристально чистая, цельная натура. Она не может противостоять обманщику не только в силу своего бесправия, зависимости, безысходной нужды: все злоключения Тэсс в немалой степени вызваны именно ее честностью, тем, что она абсолютно неспособна

обманывать и хитрить, идти на унижительные компромиссы. Чистота нравственного чувства сочетается здесь у Т. Гарди с горьким и трезвым постижением общественно-моральных конфликтов, порождаемых жестокой и несправедливой действительностью. В этом смысле у него по-своему преломилось то новое, что внес в мировую литературу Л.Н. Толстой.

Обратимся к образам главных героинь этих романов – Катюше Масловой и Тэсс.

Катюша – прямая, честная, любящая, самоотверженная натура, жемчужина, которую жизнь бросает в грязную яму и которая, только благодаря собственному характеру, выбирается из ямы и сияет самым чистым светом [2, 64].

Эти слова можно отнести и к главной героине романа Т. Гарди – Тэсс. Так же как и Катюша, Тэсс – веселая, скромная, нежная девушка. Читатель впервые встречается с ней на сельском празднике: *«Тэсс была так скромна, так мила в своем белом платье – в ту пору жизни она была лишь „сосудом эмоций“, не окрашенных опытом»* [1, 7].

Белый цвет использован Т. Гарди не случайно. Л.Н. Толстой также рядит Катюшу во все белое – символ непорочности: *«она была в сером халате, надетом на белую кофту и на белую юбку...»*; *«повязана белой косынкой»* и *усталое лицо отличалось «особенной белизной»*.

И эти чистые, нежные создания становятся жертвами богатых соблазнителей.

Когда Нехлюдов соблазнил Катюшу и когда *«ущербный месяц осветил что-то черное и страшное»*, он успокоил себя фразой: *«Всегда так, все так»* <...> и пошел спать. И это **всегда** для него так же важно, **как все**» [5, 67]. Он решает дать Катюше сто рублей, и *«не потому, что ей эти деньги могут быть нужны, а потому,*

что так всегда делают. А если все так делают, то, стало быть, так и надо» [5, 69].

Нехлюдов «безвозвратно разбил что-то бесконечно драгоценное». Для Катюши ужасной была дождливая осенняя ночь, когда Нехлюдов спустя шесть месяцев после той весенней ночи возвращался из армии и не заехал к ней. Именно в эту осеннюю ночь Катюша поняла, что она покинута, *«это все, что говорят про бога и добро, все это делают только для того, чтобы обманывать людей»* [5, 137].

Лишения и нужда гонят Тэсс из родного дома. Она, как и Катюша, становится жертвой беспутства богатого бездельника Алека д'Эрбервилля. Однако ни страсть, ни волевое устремление, ломающее препятствия, сталкивающее разноречивые интересы, не владеют ею. Душевная чистота – пленительное и безобидное свойство – вот ее пафос. Алек д'Эрбервилль, подобно Нехлюдову, с холодным расчетом пользуется наивностью и беззащитностью бедной девушки.

Т. Гарди в романе показывает гибель доброго начала, красоты и человечности. Тэсс, став однажды жертвой соблазнителя, обречена быть жертвой навсегда: «таков закон» – власть грубых и циничных обстоятельств, одобряющих зло [6, 51].

Катюша, подобно Тэсс, мучительно переживает свое «падение». Она понимает, что всеми покинута, забыта, более того, люди, окружающие ее, испытывают к ней лишь презрение. Никто ей не поможет, не утешит. Нехлюдов соблазнил Катюшу не один. У него был сообщник – общество, в котором он жил и воспитывался [2, 79].

Тэсс также пришлось нелегко: общественное мнение преследует ее ханжескими заповедями. «Погибель твоя не дремлет», – страшит апостольским текстом бездушный

ревнитель Христова учения. Скорбь и подавленность Тэсс усиливаются ввиду отсутствия независимого суждения и протеста: лишь смутно в ней пробивается сомнение, мысль о несправедливости, незаслуженном наказании за «грех», о котором она не помышляла, которого сторонилась.

Падение женщины – эта тема большой литературы настораживала и пугала блюстителей нравственности, задевала живое чувство, волновала воображение, всегда могла стать слишком злободневной.

«Падшую» Тэсс Т. Гарди назвал, как было отмечено ранее, «чистой женщиной». Он писал о ней восхищенно, любясь возвышенностью и красотой ее чувства, с презрением отталкивая укоренившиеся ханжество, цинизм и предрассудки. Она – воплощение мягкой женственности, ее внутренние порывы отзывчивы и великодушны.

Следующий этап в судьбах Катюши и Тэсс – рождение ребенка и его смерть. Младенец Катюши был отправлен в воспитательный дом, где умер. А Тэсс, ставшая матерью внебрачного ребенка, терзает и томит *«свое трепещущее сердце всеми муками сожаления, какие только придумать одинокое и неопытное существо»*. Но «незаконнорожденный дар бесстыдной природы» умер, оставив глубокую рану в душе героини. И Тэсс одинока в своем несчастье: никто не поддерживает ее в эти трудные моменты жизни. Священник отказывается покрестить ее новорожденного ребенка. Понимая, что ему недолго жить, она сама его крестит и хоронит, своими руками делает и устанавливает крест на холмике.

В следующем периоде судьбы Катюши, когда она попадает в публичный дом, есть подробности, которые облагораживают ее образ, говорят о ее неиспорченности, о том, как она сопротивлялась надвигавшейся трагической неизбежности. *«Кроме того, она этим думала отплатить*

и своему соблазнителю, и приказчику, и всем людям, которые ей сделали зло» [5, 13].

Катюша стала жить так, как она могла жить, – она стала проституткой и свыклась со своим положением. В «Воскресении» Л.Н. Толстого есть глубокое замечание о том, что *«вор, убийца, падшая женщина... люди, своими грехами-ошибками поставленные в известное положение, как бы оно ни было неправильно, составляют себе такой взгляд на жизнь вообще, при котором их положение представляется им хорошим и уважительным» [5, 157].* Но Л.Н. Толстой не оправдывает их. Он говорит о своем бесконечном сочувствии к ним. Л.Н. Толстой понимал Катюшу так, как бы понял ее Христос, сказавший, что первым пусть бросит в нее камень тот, кто сам безгрешен [3, 18].

Катюшу в «Воскресении» судят и ссылают на каторгу за преступление, которого она не совершала. Судят и приговаривают потому, что она бесправна, и ее страдания, ее беды, вся ее жизнь не имеют никакого значения для тех, кому принадлежит все в обществе. И Нехлюдов, человек «господского» круга, непосредственно повинный во всем, что случилось с Катюшей, – среди тех, кто судит ее. Она обречена на каторжные работы. Однако при всей глубине нравственного падения, до какого доведена Катюша, она все-таки принадлежит к среде, стоящей, по Л.Н. Толстому, в нравственном отношении выше, чем среда Нехлюдова. Она – погубленный, но не погибший, живой человек. А *«живой человек может вновь родиться, семя прорасти».* В ее душе сохранились ростки жизни. Медленно, постепенно, но неуклонно совершается процесс возрождения, подлинного «оживления» Катерины Масловой.

Т. Гарди также повествует о выздоровлении Тэсс в одноименной главе «Выздоровление». Едва гнет нужды и предрассудков слабнет, жизнь, пульсирующая в ней, расцветает, согретая надеждой. Потребность быть полезной и независимой приводит ее на полевые работы, и здесь, среди тружеников, начинают рассеиваться ее нравственные горести, она преобразается и спокойно смотрит в глаза людям. В ней распускается светлое, возвышенное чувство. Возникает поэтический образ деревенской девушки, доильщицы на молочной ферме Тэлботейс. Блекнут обступившие ее «мрачные призраки». Ее возлюбленный Энджел Клэр не похож на представителей своей среды. Он, на первый взгляд, – «человек с чистой совестью», с похвальным стремлением отстоять независимость своих убеждений. Этот сын сельского пастора склонен отдаться искреннему порыву, переступить через сословные барьеры и своими руками делать свое счастье.

Однако возлюбленный Тэсс с символическим именем Энджел (Angel – ангел) оказывается ангелом черствой добродетели. Чистосердечную исповедь навсегда преданной ему души он, по природе человек мягкий, прямодушный, отзывчивый, встречает с холодной жестокостью. Он видит в ней обманщицу, падшую женщину, принявшую облик невинной девушки.

И Л.Н. Толстой и Т. Гарди при сохранении мотива нравственной безответственности вводят и другой мотив – духовного и нравственного возрождения, «воскресения героев». Смысл «воскресения» открывается в трагически пересекшихся жизненных путях полугорничной-полувоспитанницы старых помещиц Катюши Масловой и племянника их Дмитрия Нехлюдова, Тэсс и Алека д'Эрбервилля.

Встреча с Катюшей на суде перевернула душу Нехлюдова, разбудила его совесть, оживила воспоминания о том, что произошло между ними двенадцать лет назад. Решение искупить свою вину перед Катюшей и жениться на ней было искренним. Но первое же свидание с нею в тюрьме глубоко встревожило Нехлюдова, вызвало страх в душе: не ошибается ли он, решив связать свою судьбу с погубленной им женщиной? *«Ведь это мертвая женщина», – думал он, глядя на это когда-то милое, теперь оскверненное пухлое лицо с блестящим нехорошим блеском косящих глаз <...>»* [5, 154].

Нехлюдов не может понять, почему Катюша с такой болью и горечью отвергает его великодушное, как ему кажется, предложение. Услышав его предложение, Катюша приходит в исступление и не говорит, а кричит – о самом главном в их отношениях, как она их понимает: *«Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть», – воскликнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку: „Ты мной хочешь спастись, – продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось. – Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на этом свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожка твоя. Уйди, уйди ты!” – закричала она, энергическим движением вскочив на ноги»* [5, 172].

Отказ Катюши принять его «благоденствие» заставил Нехлюдова до конца почувствовать всю преступность того, что он сделал с нею: *«Только теперь все это вышло наружу во всем своем ужасе, – пишет Л.Н. Толстой. – Он увидел только то, что он сделал с душой этой женщины. Прежде он играл своим чувством любования на себя, на свое раскаяние; теперь ему просто было страшно»* [5, 173]. И вот в это самое время происходит в Нехлюдове

душевный переворот, с которого начинается его моральное преображение.

Как и в романе «Воскресение», в произведении Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» конкретизируется и раскрывается важнейшая проблема романа – проблема «воскресения». И Л.Н. Толстой, и Т. Гарди поставили целью показать воскресение человека, но добились они этого различным путем. У Л.Н. Толстого возвращение к благородству, пробуждение совести, моральное очищение – все это позволяет увидеть отвратительную действительность и не мириться с нею. Однако у Т. Гарди другой подход: в его романе говорится не о воскресении, пробуждении личности, а о ее переходе из одного состояния в совершенно иное.

Тэсс вновь встречает своего обольстителя – Алека д'Эрбервилля, который стал проповедником. Случившееся можно было назвать не столько исправлением, сколько преображением: *«Лицо, прежде дышавшее чувственностью, выражало теперь благочестивый пыл. Губы, словно созданные для того, чтобы соблазнять, изрекали теперь слова молитвы. О горевшем на щеках румянце сказали бы еще вчера, что он зажжен распутством, а сегодня – набожным энтузиазмом; животные страсти превратились в фанатизм; язычник стал последователем апостола Павла»* [1, 57]. Однако Тэсс почувствовала в его словах и в его образе фальшь, обман. Ее ужаснула перемена, происшедшая с ним.

Тэсс не могла поверить, что этот человек, причинивший ей столько зла, стал теперь священником, как и Катюша не поверила в «воскресение» Нехлюдова. Поэтому Тэсс говорит Алеку д'Эрбервиллю: *«Я не верю в такие внезапные обращения! Я возмущена тем, что вы можете так со мной говорить, хотя вы знаете..., какое зло вы мне причинили! Вы и вам подобные наслаждаетесь*

жизнью, обрекая таких, как я, на черную тоску! А потом, когда вам все надоедает, неплохо подумать и о том, чтобы обратиться к богу и обеспечить себе райское блаженство! Я вам не верю! Не верю вашему обращению. Вашей религиозности. Боюсь, Алек, что такие порывы длятся недолго» [1, 69]. Она была абсолютно права. Алек просит ее дать возможность исполнить свой долг, загладить вину перед ней и предлагает выйти за него замуж. Этого Тэсс и боялась. Боялась того, что ее обидчик, которому она не верила, вновь попытается причинить ей зло. Увидев, что Тэсс не принимает его предложения, Алек яростно закричал, «в глазах у него потемнело». Былые темные страсти, чьи следы почти стерлись с его лица после обращения, казалось, воскресли и проступили наружу. Рассудок был непричастен к его неожиданному обращению, которое, возможно, было всего-навсего причудой легкомысленного молодого человека, жаждущего новых ощущений.

Вновь Тэсс искушается тем, кто причинил ей столько зла. Алек отказывается от проповедничества. Еще недавно он был странствующим священником, но теперь «и костюм его, и внешний вид резко изменились». Было видно, что им овладела прежняя жажда наслаждений. Он снова превратился в того развязного красавца-щеголя, каким она увидела его в первую их встречу: *«Русло веры отныне высохло, – говорит Алек, – ума не приложу, как мог я с таким пылом заняться святым делом. Тэсс, я в вас влюблен больше, чем когда бы то ни было. Вы были причиной моего отступничества, поэтому вы должны разделить мою судьбу» [1, 71].*

С мотивом «воскресения» человека, безусловно, связан мотив прощения и вины. Через осознание вины перед рядом живущими и всем человечеством человек приходит к пониманию важности принципа прощения. Само искусство прощать рассматривается как признак

высокой духовности. Через сомнения идут герои романов к важным жизненным открытиям. На этом пути их ждут препятствия, порой отступничество (Алек д'Эрбервилль). Мотив прощения связан в романе с проблемой становления личностного сознания. Прощает тот, кто сильнее духовно, кто способен, преодолев гордость, заносчивость, чувство обиды, обратить свой взор на другого человека [6, 54]. Но Т. Гарди утверждает, что прощение необходимо заслужить добрыми поступками или искренним желанием измениться. Именно потому, что Тэсс не верила в раскаяние Алека, она его не простила.

Мотив вины и прощения иначе раскрываются в «Воскресении». Они заданы уже в эпитафиях к произведению. Первый эпитаф, по мысли писателя, раскрывает суть всепрощения, характер отношений между людьми – прощать не «до семи, но до седмижды семидесяти раз». Второй и третий эпитафы, согласно взглядам художника, должны напомнить человеку о его несовершенстве. Наконец, последний эпитаф, с точки зрения писателя, призван был указать человеку и человечеству на одно из важнейших условий возрождения – стремление к идеалу, постоянное нравственное усовершенствование. Чувства вины и стыда, по убеждению Л.Н. Толстого, даны человеку от рождения. Чувства эти могут ослабевать, но они не исчезают бесследно, а переходят в область подсознания и таятся там до тех пор, пока те или иные обстоятельства не призовут их к жизни [2, 85].

Нехлюдов «сдался» после того, как «перестал верить себе и поверил другим». Он снимает с себя всякую нравственную ответственность, отказывается от своего прошлого, заглушает в себе чувство вины. Это позволяет ему «бодро и весело жить». Однако «в глубине, в самой глубине души» Нехлюдов знал, что поступил с Катюшей скверно, подло, жестоко». Нравственный переворот в

Нехлюдове начинается с признания героем порочности совершенных им дел, несомненной виновности перед Катюшей. Чувство стыда – этот мощный импульс нравственного развития человека – открывает герою «различие между ним, каким он был тогда (в юности) и каким он был теперь» [3, 49].

Ни одно из этих качеств не свойственно Алеку д'Эрбервиллю. Этот подлый и жестокий человек, некогда обманувший несчастную девушку, вновь старается стать ее «господином», пользуется ее беззащитностью. В отличие от Л.Н. Толстого, Т. Гарди своим романом говорит, что зло необходимо наказывать, а не прощать. Поэтому мотив прощения в романе «Воскресение» и в «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» реализуется совершенно по-разному: зло, одевающее маску доброты, намного опаснее, чем добро в маске зла [6, 57].

Медленно, постепенно, но неуклонно совершается и процесс возрождения, подлинного «оживления» Катюши Масловой. Возрождение Катюши приходит с тяжелой трудовой жизнью на этапах каторжного пути. Сначала она с презрением относится к труду, «дорожит» своим положением «очень важного человека». В эту пору в чувстве Катюши к Нехлюдову «дурное» еще борется с «добрым» и даже отчасти побеждает его. Постепенно меняется общий взгляд Катюши на жизнь – «в ней шла мучительная работа». Она начинает понимать, что положение ее «хуже каторги». И, как одно из проявлений общего внутреннего движения, совершающегося в душе Катюши, – это изменение ее чувства к Нехлюдову: *«Маслова все еще думала и продолжала уверять себя, что она <...> не простила ему и ненавидит его, но она уже давно опять любила его <...>»* [5, 317].

Исчезает противоречивость во всем поведении Катюши, в ее манерах. И вот Катюша выходит на свидание к Нехлюдову после истории в тюремной больнице:

«Подойдя к Нехлюдову и увидав его холодное, злое лицо, она багрово покраснела и, перебирая рукою край кофты, опустила глаза» [5, 315]. И дальше здесь же отмечается, что Катюша говорила «странным голосом, точно она задыхалась», «глаза ее были полны слез», спина вздрагивала «от сдержанных рыданий». Ни о чем «дурном» в поведении Катюши речи уже нет. Перед Нехлюдовым Катюша, не будучи ни в чем виновата, испытывает только чувство смущения, боится, чтобы он не подумал о ней «дурно», и не решается сама рассказать ему обо всем.

Катюша, руководимая уже только любовью к Нехлюдову, решает не связывать его собою и помочь Симонсону, которому она нужна. Этот итог отношениям Катюши и Нехлюдова подводится разговором Нехлюдова с Симонсоном. Непосредственно перед разговором Нехлюдов видит Катюшу работающей с оживлением и охотой в помещении, которое занимают «политические». Она стала по-иному относиться ко всему в жизни, по-иному жить. И одной из сторон, одним из выражений этого оказывается новое отношение Катюши к Нехлюдову.

Знакомство и сближение Масловой с политическими ссыльными – это важнейший сюжетный поворот в развитии действия, указавший реальные источники ее нравственного возрождения и решающий мотив, определивший новый план финала романа [2, 88]. Знакомство и сближение с «чудесными» людьми, как она называет политических ссыльных, открывало перед нею двери в совершенно новый для нее мир. Если бы Катюша вышла замуж за Нехлюдова, она никогда не избавилась бы от мучительных воспоминаний обо всем пережитом, которого могло бы и не быть, если бы он не поступил с нею так жестоко и подло. Такова личная, психологическая сторона выбора между Нехлюдовым и Симонсоном, сделанного Катюшей в финале романа. Но есть в его

обосновании и другая сторона. Выйдя замуж за Нехлюдова, Катюша снова становилась полностью зависимой от него, и вся ее дальнейшая жизнь была бы служением ему. Знакомство и сближение с политическими открывало ей дорогу к самостоятельной жизни, помогало найти дело, которому бы она могла себя посвятить. Однако, отказываясь принять предложение Нехлюдова, Катюша думала не столько о себе, сколько о нем. И об этом догадывается Нехлюдов, услышав от Катюши о ее решении соединить свою судьбу с Симонсоном: *«Одно из двух: или она полюбила Симонсона и совсем не желала той жертвы, которую я воображал, что приношу ей, или она продолжает любить меня и для моего же блага отказывается от меня и навсегда сжигает свои корабли, соединяя свою судьбу с Симонсоном», – подумал Нехлюдов <...>. А потом, услышав, как она сказала «простите» вместо «прощайте», он понял, что из двух его предположений о причинах решения Катюши верным было второе: «Она любила его и думала, что, связав себя с ним, она испортит его жизнь, а уходя с Симонсоном, освобождала его и теперь радовалась тому, что исполнила то, что хотела, и вместе с тем страдала, расставаясь с ним» [5, 445].*

Катюша принимает решение как человек, ставший свободным и духовно прекрасным. Она приходит к свободе выбора в результате познания действительности, смысла общения между людьми. «Человек из народа», она избирает тот путь «воскресения», который ей подсказывает «живая жизнь» [3, 52].

В отличие от благополучного финала романа «Воскресение», финал произведения Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» трагический. Развеиваются многие наивные представления героини, в ней крепнет чувство свободы, требование справедливости. Однако измученная Тэсс становится невольной причиной несчастья близких ей

людей и ради них идет на роковую жертву – соглашается выйти замуж за Алека д'Эрбервилля. Она не могла понять, почему жизнь так несправедливо устроена: *«Тэсс долго не двигалась с места, и вдруг в ней вспыхнуло возмущение перед свершившейся несправедливостью, и на глазах показались слезы. Даже муж ее, Энджел Клэр, и тот поступил с ней также жестоко, как и остальные»* [1, 73]. Раньше никогда не решилась бы она так подумать, но ведь он действительно был жесток. Она могла поклясться в том, что никогда за свою жизнь не хотела поступать дурно, и все-таки ей вынесли суровый приговор. Каковы бы ни были ее грехи, она никогда не грешила сознательно; почему же ее наказывали так упорно?

Героиня – не обычная крестьянка, она *Тэсс из рода д'Эрбервиллей* – вот ответ на ее вопрос. Она – «д'Эрбервилль по крови», которая передает ее отцу чахлую энергию угасшего рода, а ей – утонченность чувств и восприимчивость к страданию. Тэсс несет на себе проклятие, обречена расплачиваться за преступления некогда могущественных предков, жестоких и властных феодалов. Злые силы жаждут возмездия и искупительной жертвы: *«Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу ее предков, возвращаясь навеселе домой после битвы, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью»* [1, 87]. Однако она не может изменить себе, тому, что делает ее чистой женщиной, и в порыве возмущения и отчаяния убивает соблазнителя, видя в нем причину всех бедствий своей загубленной жизни.

Тэсс обрекают на муки, толкают на преступление и, наконец, казнят: «Правосудие» свершилось. А рыцари и дамы из рода д'Эрбервиллей спали, ничего не ведая, в своих гробницах. Нужда, бесправие, жестокость закона, лицемерие, власть предрассудков – сборище злых сил действуют совокупно. Только две одинокие фигуры,

потрясенные и опечаленные, возлюбленный Тэсс, Энджел Клэр, и ее сестра Лиза-Лу, бредущие по дороге в тот час, когда свершается «правосудие», излучают свет надежды, символический, являют пример сопротивления невзгодам, взывая больше всего о сострадании.

Таковы финалы двух произведений – Тэсс умирает, а героиня Л.Н. Толстого пробуждается к новой жизни.

Таким образом, Л.Н. Толстой в своем романе выдвинул новые принципы изображения человека. Он нашел оригинальные способы передачи внутреннего мира человека во всей его сложности, в противоречивом развитии. Великий писатель сумел в то же время обогатить мировое искусство новыми приемами изображения благородных, нравственно чистых натур. Этим он был близок Т. Гарди. Они смогли найти возвышенное и героическое в гуще народной жизни, в чувствах и поступках простых людей. И это относится прежде всего к героиням их романов – к Катюше Масловой и Тэсс.

Литература

1. Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей. М., 1983.
2. Кузина Л. Н., Тюнькин К. И. «Воскресение» Л.Н.Толстого. М., 1978.
3. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». М., 1979.
4. Мотылева Т. О мировом значении Л.Н.Толстого. М., 1957.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. М., 1983. – т. 13.
6. Урнов М. В. Томас Гарди. Очерк творчества. М., 1969.

ТИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В РОМАНАХ АНАТОЛИЯ КОГАНА

Захарова Лариса Михайловна,

*мастер гуманитарных наук,
докторант
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. В статье рассматриваются типы художественных конфликтов, преобладающих в творчестве одного писателя, а именно А. Когана, прослеживается развитие и разрешение этих конфликтов. Как показало исследование, в художественных произведениях А. Когана основными являются военные конфликты и религиозные, иногда находящиеся в неразрывном единстве. В более позднем творчестве, а именно в фантастическом романе, к синтезу военного и религиозного добавляется экологический конфликт.

Ключевые слова: *Художественный конфликт, исторический роман, Анатолий Коган, военный конфликт, религиозный конфликт, экологический конфликт, синтез конфликтов.*

TYPES OF ARTISTIC CONFLICTS IN THE NOVELS OF ANATOLII KOGAN

Abstract. This article discusses the types of literary conflicts that prevail in the works of A. Kogan and traces the development and resolution of these conflicts. War and religion are two central conflicts in the works of A. Kogan, which sometimes form an inseparable unity. In his later works, mainly in his fiction novels, an environmental conflict is added to the synthesis of military and religious-based conflicts.

Keywords: *Literary conflict, historical novel, Anatoly Kogan, military conflict, religious conflict, environmental conflict, synthesis of conflicts.*

TIPURILE DE CONFLICTE ARTISTICE ÎN ROMANELE LUI ANATOLIE KOGAN

Adnotare. În acest articol sunt examinate tipurile de conflicte artistice, ce prevalează în creația lui Anatolie Kogan, sunt supuse observației dezvoltarea și soluționarea lor. În operele lui Anatolie Kogan, principalele conflicte sunt cele militare și religioase, ce se găsesc într-o strânsă și unică legătură. În creația lui de mai târziu, și anume în romanele fantastice, la sinteza conflictelor militare și religioase se mai adaugă și cel ecologic.

Cuvinte-cheie: *Conflictul artistic, romanul istoric, Anatolie Kogan, conflictul militar, conflictul religios, conflictul ecologic, sinteza conflictelor.*

Как известно, одна из основных задач художественной литературы – отражать действительность в образах. Для отображения действительности авторы художественных произведений уделяют внимание тем или иным темам, освещают те или иные конфликты. На выбор тем произведений влияют время их создания, состояние общества, в котором живет писатель.

При рассмотрении системы романов того или иного писателя можно выделить сквозные темы его творчества, понять, какие проблемы, характерные для своего времени, поднимает писатель. Как правило, в произведениях, особенно крупных, есть не одна, а несколько тем, поскольку писатель привлекает широкий круг жизненных явлений. Однако, как правило, доминирующей является одна, остальные темы – второстепенные. Сюжет художественного произведения, как известно, – это система событий и отношений между героями, развивающаяся во времени и пространстве; это и способ развертывания темы, основной проблемы. Сюжет основывается на конфликте (столкновении интересов и характеров) между действующими лицами, а совокупность конфликтов определяет весь сюжет художественного произведения, составляя, как отмечает М. Эпштейн, «ядро художественной проблематики, а способ и направленность разрешения конфликтов – ядро идеи художественной» [7, 165]. Поэтому нам представляется важным проследить, какие именно темы кажутся писателю наиболее значительными, как художественно воплощена та или иная тема в отдельном произведении, какие аспекты темы появляются у того же писателя в произведениях, созданных на разных этапах его творческого развития.

В контексте заявленной темы нас интересует взаимосвязь конфликтов, отображенных в художественных

произведениях, с общественной ситуацией в мире, в стране, обусловленность «внутренних и «внешних» художественных конфликтов изменениями в мировоззрении общества.

Объектом исследования послужила русскоязычная проза Молдовы второй половины XX века, а именно романы Анатолия Когана, рассмотренные сквозь призму категории художественного конфликта.

Цель работы – выявить и описать типы художественных сюжетобразующих основных конфликтов в творчестве одного писателя, проследить развитие и разрешение этих конфликтов.

Творчество Анатолия Когана представлено следующими историческими романами: «Высокий мост», «Замок братьев Сенарега», «Мангупская княжна», «Час нашествия». Несколько исторических романов, а именно «Высокий мост», «Мангупская княжна» и «Час нашествия», писатель объединил в один роман «Войку, сын Тудора» – роман-хронику времен Штефана Великого, господаря Земли Молдавской. В жанре научной фантастики А. Ш. Коганом был опубликован роман «Путешествие в Туран».

Как известно, если исходить из содержания проблемы, вызвавших конфликтные действия, то можно выделить следующие типы конфликта: политические, семейно-бытовые, производственные, духовно-нравственные, правовые, военные, экологические, идеологические, религиозные и другие.

Рассмотрим типы художественных конфликтов, нашедших отображение на страницах романов Анатолия Когана. В романе «Замок братьев Сенарега» основным сюжетобразующим конфликтом является религиозный конфликт: противостояние представителей различных вероисповеданий или противоборство внутри одной

конфессии, в основе которого лежит нетерпимость к инакомыслию. В данном романе это конфликт католической и православной церкви. Автор в этом историческом романе обратился к событиям середины XV века, когда уже пала Византия, но еще не взошел на престол юный князь Штефан, сын Богдана. В Молдову пожаловал особый папский слуга, который, по словам коменданта гарнизона Четатя-Албэ, хочет *«готовить нам в князя человека, к латинству и ляхам склонного»* [2, 20]. В устье реки Днепр, на берегу Черного моря там, где *«сходятся великие вселенские дороги: и старый путь от норманов ко грекам, через Белую Русь и Дикое ныне поле, и новый – из Германии в Польшу и далее, через Орду и Китай»* планировали католические церковники основать новый оплот Рима, чтобы расширить *«владения единственно истинного, латинского креста»* [2, 32]. Таким образом, основной конфликт заключается в том, что намерения католического Рима распространить свое влияние на православные княжества, начиная с Молдовы, а заканчивая Московией (для этого в устье реки Днепр построен генуэзскими братьями Сенарега замок Леричи), наталкиваются на противостояние со стороны местной знати.

В романе «Замок братьев Сенарега» зачином конфликта между главным героем сотником Тудором Боуром и папским посланцем отцом Руффино, которые представляют две оппозиционные стороны, стало убийство в Четатя-Албэ предводителя гуситов отца Константина Романского, который был другом молдавского воина. Так к конфликту религиозному добавляется межличностный конфликт между сотником Тудором и отцом Руффино. Антагонист главного героя католический священник аббат Руффино Окорца представлен как ярый борец с

инакомыслием: *«Но есть иные, опаснейшие волны, набегающие, вижу, на камень сей. Это волны ересей и схизм – гуситской, греческой, армянской. И злобные иноверия – магометово, моисеево»* [2, 134]. Иезуитское кредо отца Руффино отображено в следующих словах напутствия молодому разбойнику: *«И злодеяния твои будут благом, – молвил святой отец, указуя на Благодостный Лик, чудотворный образ спасителя, – и преступления твои станут святы, ежели совершаться во господню славу!»* [2, 24]. Лицемерие, ханжество и человеконенавистничество аббата, играя на контрасте, подчеркивают положительные качества главного героя сотника: геройскую удаль, благородство, верность слову, друзьям и Родине.

Нельзя не отметить, что сюжет этого исторического романа изобилует всевозможными второстепенными, фоновыми конфликтами: любовными, военными, социальными и другими.

Кульминацией основного конфликта романа «Замок братьев Сенарега» можно считать приезд в замок Леричи папского посланца отца Руффино, когда положение молдавского воина, да и всех его сторонников осложнилось: воинов и Тудора заключили в темницу. Развязкой конфликта стал побег пленников с помощью подкопа и ожесточенное сражение с защитниками замка. В конце повествования получили разрешение многие из представленных конфликтов: замок Леричи сожжен и разрушен, отец Руффино погиб, не выполнив своего «черного дела», сотник Тудор Боур с Марией Сенарега отправились в Белгород. Неразрешимыми остались и остаются конфликты между конфессиями одной веры – между католиками и православными, между представителями разных вероисповеданий – мусульманами и христианами

В исторической повести «Высокий мост» рассказывается о первой битве господаря Молдавского княжества Штефана III Великого с войском султана Мухаммеда, во главе с великим визирем Сулейманом Гадымбом. На наш взгляд в этой повести сюжетобразующим конфликтом является религиозный конфликт – противостояние представителей различных вероисповеданий: христианского и мусульманского. Однако нельзя не отметить, что здесь религиозный конфликт находится в неразрывном единстве с военным конфликтом, то есть в романе представлено и вооружённое противоборство между государствами, имеющее целью разрешение экономических, политических, национально-этнических и иных противоречий через ограниченное применение военной силы. Кульминацией, наивысшим обострением этого противоборства стала битва у каменного моста, который так и назывался – Подул Ыналт, Высокий мост.

Академик К.Ф. Попович отмечает, что в этой исторической повести, как и в романах «Мангупская княжна» и «Час нашествия», *«на первый план выдвигается величественная фигура всемирно известного национального героя молдавского народа великого Штефана»* [6, 225]. Однако все части романа-хроники объединены не столько деяниями или личностью господаря, сколько чередой событий, в центре которых находится главный герой Войку Чербул. В битве у Высокого моста именно ему дано господарем особое поручение: витязь во главе отряда из пятнадцати человек, пройдя тайными тропами в сердце пойменного болота, должен создать видимость нападения молдавского войска в тыл врага и вынудить их двинуться на звуки чужого войска прямо в топь болота. *«Двинувшись в направлении*

трубных звуков и барабанного боя, по-прежнему доносившихся из-за трясины, пятьсот вешливцев во главе с Юнис-беком, действительно, первыми стали вязнуть в болоте. На крики о помощи бросились новые отряды; начальник арьергарда подумал, что его люди попали в засаду и бьются с превосходящим врагом» [3, 87]. Эта хитрость, приблизившая победу, отнюдь не обрадовала Войку: его угнетало то, что в своем первом бою «он спрятался за плотной мглой и губит турок не в честной рубке, а обманом, в топкой западне» [3, 84]. Это внутреннее смятение в душе главного героя представляет собой внутренний конфликт – состояние неудовлетворенности человека какими-либо обстоятельствами своей жизни, которые связаны с наличием у него противоречащих друг другу стремлений. Как уже отмечалось, характер героя и характер конфликта взаимообусловлены, через конфликт проявляются духовные, нравственные качества главного действующего лица. В конфликтах, представленных в этой повести, автор показывает благородство молодого воина. Например, сотник Чербул готов отдать свою жизнь, но отстоять обещание сохранить жизнь спасенному им пленнику. «*Великий государь! Я обещал ему жизнь! <...> Не руши слово присягнувшего тебе, государь! Не пятнай саблю своего ратника! <...>* Удивление на лице князя сменилось новым гневом, гнев – безудержной яростью. <...> *А дерзкий сосунок внизу, перед ним, все не опускал щенячьих ясных глаз, полных верности и обиды, отстаивая свое право на благородство, готовый за него умереть»* [3, 99].

Противостояние Османской империи и Молдавского княжества этой битвой не закончилось: Мухаммед Третий Победоносный решил сам пойти с армией на «бея Штефана». Таким образом, в конце

исторической повести «Высокий мост» дана завязка конфликта последующих двух исторических романов.

Во второй части трилогии - историческом романе «Мангупская княжна» - сюжетобразующим конфликтом также является религиозное и военное противостояние христианского и мусульманского мира, однако место действие конфликта перемещается в Крымское православное княжество Феодоро со столицей Мангуп. *«Феодоро могло стать защитой для левого бока Земли Молдавской, ее южной опорой. Если турки начнут наступление с Крыма и встретят, благодаря задуманному делу, подготовленную к долгой обороне сильную крепость, какой мог стать Мангуп, они могут увязнуть там. И это отсрочит нашествие, которого Молдове не миновать, это позволит Штефану лучше подготовиться к отпору»* [3, 133]. В помощь правителю Феодоро Александру Палеологу отправлено триста воинов, среди которых сотник Войку. Как можно догадаться по названию романа, его главной темой является тема любви. Любовь простого сотника Войку и мангупской княжны Роксаны Палеолог, по мнению господаря Феодоро, запретна. *«Кровь Палеологов по сию пору – достояние мира и царей. И не тебе на нее посягать, сотник Чербул, хотя для меня ты – верный слуга, – добавил князь с усмешкой, в которой была и ласка, и жестокость»* [3, 177]. В этом эпизоде наблюдается художественный социальный конфликт, вызванный социальным неравенством княжны из царского рода и простого молдавского сотника.

И на протяжении всего романа сотник вынужден защищать и княжну, и свое право на любовь. Любовная сюжетная линия насыщена всевозможными конфликтами. Это и социальный конфликт с господарем Штефаном, который был возмущен поведением Войку Чербула,

взявшего в жены племянницу его жены Марии. Это и конфликт с претендентом на руку мангупской княжны высокородным рыцарем Речи Посполитой Велимиром Бучацким. Несколько раз сотник вынужден был спасать и себя, и жену из плена: из турецкого с помощью захвата корабля «Зубейды», и из рук Влада Цепеша, восплававшего любовью к княжне Роксане и похитившего ее.

В романе представлено множество батальных сцен и личных воинских поединков. Вторая часть трилогии «Войку, сын Тудора» заканчивается захватом крымских крепостей турецкими войсками, падением Мангупа, что приблизило угрозу нашествия на Молдавское княжество. Так концовка романа «Мангупская княжна» становится зачином следующего исторического романа «Час нашествия».

В третьей части романа-хроники сюжетобразующий конфликт также представляет собой синтез военного и религиозного конфликта. Противостояние многотысячного войска Османской империи и защитников Земли Молдавской под предводительством Штефана Великого. Победа в этом противостоянии была за молдавским народом. К.Ф. Попович справедливо замечает, что «нелегкий подвиг господаря Штефана, нелегкий даже для гения, стал возможным благодаря великой правде его народа, героической борьбе молдавского народа за свою землю» [6, 236].

Красной нитью во всех частях романа-хроники проходит мысль о преобладании личных сиюминутных интересов у многих молдавских бояр, видевших в османском падишахе не врага, а союзника в борьбе со строптивым господарем. Преобладание личных интересов показано и у правителей европейских государств, которые ничем не хотели помочь молдавскому княжеству, хотя

угроза нашествия войск Османской империи нависла над всей Европой. *«Но почему медлят христианские короли и князья, близкие и дальние? Разве не знают они, что Молдова нынче – врата христианства? <...> Османский ятаган у самого их горла, а они по-прежнему увлечены продажей и куплей. <...> Неужто жажда золота может так ослеплять?»* [3, 53]. В этом нам видится отображение вечного вопроса разобщенности христианства перед лицом общей опасности. Этот вопрос был актуален и в XV веке, и в XX, остался он актуальным и в настоящее время.

В романе-прогнозе «Путешествие в Туран» автор предупреждает читателя о пагубности излишнего национализма, который переходит в ненависть к другим народам. Именно на почве патологической экзальтации «национальной идеи» стал возможен союз неотюрков с крайне-правыми русскими, который привел к образованию тоталитарного государства Туран. *«"Активизация мусульманского фактора" в республиках бывшего СССР происходила одновременно с ростом русского национализма, как всегда – густо замешанного на юдофобии. И союз обоих течений не заставил себя долго ждать, – исламо-православный альянс, основа будущего Турана»* [4, 65]. Известный режиссёр Эмил Лотяну так охарактеризовал в предисловии к книге это фантастическое государство: *«Национал-клерикальная сверхдержава, готовящаяся распространить свою власть на всю планету. И невиданная по жестокости диктатура»*. [5, 6]. Общий враг пантюркистов, исламистов и русских националистов – это все люди иной веры, а прежде всего всемирный сионизм и ненавистный Запад, называемый туранцами Миром тьмы.

В романе главным героем является молодой ученый Жан-Франсуа Жуфлар, которого похитили, чтобы его

гений работал на могущество Турана. Действие первой половины романа разворачивается в научном поселке Шарага, окруженном непроходимой тайгой. Подобные поселки составляли Архипелаг Шараг [4, 18]. В этом наименовании поселков содержится отсылка к общеизвестному Архипелагу ГУЛАГу, символу другого тоталитарного государства. Во второй половине романа сбежавший Жан-Франсуа присоединяется к Интербригадам, ведущим партизанскую войну с идеологами тоталитарного государства. Главной мишенью бригады Жана-Франсуа стал Наджиф Усманов – лидер «партии войны», член Центрального комитета Турана. Правители государства Туран и их последователи, не стесненные христианскими заповедями, похищают талантливых ученых, убивают непокорных им людей, проводят опыты на похищенных людях в суперсовременных клиниках, не гнушаются канибализмом. Все это усиливает накал противостояния.

Следует отметить, что религиозное противостояние христианского мира и экстремистского государства приводит в романе к конфликту человека и природы, который перерастает в экологическую катастрофу.

Проблема глобальной экологической катастрофы представлена в романе картинами всеобщей разрухи после масштабных войн: развалины, зарастающие, можжевельником и миртом; груды битого камня и кирпича; торчащие стержни арматуры; и могилы, находящиеся повсюду - *«во дворах, на сельских площадях, вдоль улиц»* [4, 274]. Планета Земля взбунтовалась и объявила людям войну: *«И стихия, словно отвечая на бесчинства людского рода, наносила свои удары, не разбирая, кто прав, а кто виноват. Тряслась земля, взрывались вулканы, разливы вод сметали напроочь селения и города»* [4, 288]. Из-за неразумного хозяйствования

человека, из-за погони за прибылью возникла в подземных пустотах особая форма жизни (дьявольские биореакторы), отравляющая своими миазмами все живое: *«Выбросы и стоки производства и быта, растения и животные-мутанты, остатки пестицидов, нитратов, токсинов, бессовестно сливаемого всюду горючего и минеральных масел, все, что жители бездумно спускали в землю и воды, полагая, что они все стерпят. <...> Враждебные Природе, отторгаемые ею продукты миллиардов непредсказуемых мутаций и химических реакций по воле случая иногда собираются в одном вместе. И, если переходят неведомую критическую массу, переходят в новое, сатанинское качество. В этих самородных реакторах они зачинают новую жизнь, грозящую гибелью той, которой она чужда, которая ее не приняла»* [4, 225].

В конце романа показана развязка конфликта, противостояния подпольной оппозиции в лице партизанского отряда и военного лидера государства Туран в лице Наджифа Усманова. Лидер партии войны Турана был выслежен и убит: *«после гибели маршала Наджифа падение мощи Турана драматически ускорило»* [4, 337].

Автор устами своих героев доводит до читателя мысль о возможности существования в мире и дружбе людей разных национальностей, разных вероисповеданий. *«Покончить со всеми туранскими уродствами. И построить всем вместе многонациональную, многоконфессиональную страну. Без большевизма, клерикализма, фашизма»* [4, 346].

Наш соотечественник, а ныне израильский писатель Ефрем Баух видит назначение этого романа в следующем: *«Спасение в трезвом взгляде, который внезапно, как шок, заставляет человечество, уходящее в*

слепую кишку истории очнуться хотя бы на короткий период. Такие периоды – залог нашего существования» [1, 5]. Именно благодаря таким периодам отрезвления, позволяющим задуматься о будущем, человечество имеет надежду на гармонизацию отношений с природой, с Землей.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что в художественных произведениях больших форм А. Когана основным является религиозный конфликт, иногда находящийся в неразрывном единстве с военным. В более позднем творчестве к синтезу военного и религиозного добавляется экологический конфликт. Во всех произведениях наблюдается сочетание разных видов второстепенных конфликтов: социальные, мировоззренческие, любовные и др. Также хотелось бы отметить, что, обращаясь к форме исторического или фантастического романа, Анатолий Коган поднимает проблемы, характерные для своего времени: отстаивание независимости своей Родины, право на религию отцов и дедов, право народа самому выбирать свой путь, ответственность Человека за сохранение антропо-природного равновесия Земли.

Литература

1. Баух Е. Предисловие. А. Коган. Путешествие в Туран. Поэма о вероятном. Кишинев, 1999.
2. Коган А. Замок братьев Сенарега. Исторический роман. Кишинев, 1979.
3. Коган А. Войку, сын Тудора. Роман-хроника времен Штефана III Великого, господаря Земли Молдавской. Кишинев, 1990.
4. Коган А. Путешествие в Туран. Поэма о вероятном. Роман. Кишинев, 1999.
5. Лотяну Эмил. Предисловие. А. Коган. Путешествие в Туран. Поэма о вероятном. Кишинев, 1999.

6. Попович К. Литературная тетрадь (Страницы русской литературы Молдовы). Кишинэу, 1999.

7. Эпштейн М. Н. Конфликт // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

**КРИЛАТИ ВИСЛОВИ БІБЛІЙНОГО ПОХОДЖЕННЯ
В ТВОРЧОСТІ ЛІНИ КОСТЕНКО:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИЙ АСПЕКТ**

*Пазіна Наталія Василівна,
викладач ПДУ ім. Т.Г.Шевченка
(г.Тирасполь, Молдова)*

У статті розглядаються мовні одиниці біблійного походження в структурному та семантичному аспекті, які стали крилатими словами.

Ключові слова: афоризми, крилаті вислови біблійного походження, Біблія, структурний аспект, семантичний аспект, фразеологізм.

**КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИНЫ КОСТЕНКО:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматриваются языковые единицы библейского происхождения в структурном и семантическом аспектах, которые стали крылатыми выражениями.

Ключевые слова: афоризмы, крылатые слова библейского происхождения, Библия, структурный аспект, семантический аспект, фразеологизм.

**STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF THE POPULAR
EXPRESSIONS OF BIBLICAL ORIGIN
IN THE WORKS OF LINA KOSTENKO**

Abstract. The article examines the linguistic units of biblical origin in the structural and semantic aspects, which have become a popular expression.

Keywords: aforism, a popular expression of biblical origin, the Bible, the structural aspect, the semantic aspect, idiom.

**AFORIZMELE DE PROVENENȚĂ BIBLICĂ ÎN CREAȚIA LINEI
KOSTENKO: ASPECTUL STRUCTURAL-SEMANTIC**

Adnotare. În articol, sub aspect structural-semantic sînt reflectatate unitățile lingvistice de origine biblică, care au devenit aforisme.

Cuvinte-cheie: aforisme, cuvinte înaripate de proveniență biblică, Biblia, aspect structural, frazeologizm.

У кожній літературній мові крилаті слова — це культурний фонд нації. Спочатку крилаті слова потрапляють у мовлення людини як її пасивний запас: вона знає, що означають ці слова і приблизно про їхнє походження. Але щоб крилате слово стало надбанням людини, увійшло в активний словник, вона мусить точно знати, звідки слово прийшло, що воно означає та як його можна доречно вжити у власному мовленні.

Усі віки й усі народи несуть золоті зерна в скарбницю мудрості людства. І крилаті слова долають безмежні віддалі простору й часу, даючи людям дорогоцінні іскри істини. Поняття «крилате слово» вперше вжив давньогрецький поет Гомер. Він говорив про влучні вислови, які миттю зринають з уст людини і мов на крилах летять до слухача [3; 10]. У наші дні так називають яскраві, стислі висловлювання, походження яких нам відоме. Різні аспекти функціонування крилатих висловів в українській мові досліджено в працях Ф.П.Медведева, Н.Д.Бабич, Л.О.Панасенко, Л.Г.Пономаренко, О.М.Черевченко.

А.П.Коваль та В.В.Копотілов крилатими висловами або афоризмами вважають «поширені і загальновідомі елементи лексики і фразеології, джерело яких може бути встановлено», а також зазначають, що до них належать вислови видатних людей, вислови з античної літератури, історичні цитати та вислови з церковно-релігійних джерел [3; 18].

М.С.Ашукін та М.Г.Ашукіна визначають, що терміном «крылатые слова» називають цитати, образні вислови, афоризми, фрази із Біблії, імена історичних і

літературних персонажів, короткі характеристики видатних людей, які прийшли у мову з літературних джерел [5; 283]. Об'єктом нашої уваги і стали крилаті вислови біблійного походження, які використала Ліна Костенко при написанні своїх творів.

Біблія залишила помітний слід в багатьох мовах світу. Це «крилаті вислови» - окремі слова, словосполучення й цілі речення, які, відірвавшись від біблійного тексту, вживаються як усталені (фразеологічні) одиниці мови — в узагальненому, переносному або образному значенні. Усі крилаті вислови, на відміну від інших фразеологічних одиниць, мають точно встановлене джерело походження. У нашому випадку це і є Біблія.

Протягом століть, починаючи з часів хрещення Київської Русі, окремі слова, словосполучення і речення переходили з Біблії у розмовну мову народу. Спочатку це були, мабуть, більш або менш точні цитати, якими мовці підтверджували слушність своїх думок або заперечували чийсь — у разі потреби. Поступово такі цитати все далі відходили від того тексту, з якого були взяті, набували розширеного, переносного, образного значення. Деякі настільки глибоко вкорінились у загальнонародну українську мову, що її навіть важко уявити без таких слів. Наприклад, ми кажемо: *«Берегти як зіницю ока»*, *«Відділяти кукуль від пшениці»*, *«Вовк в овечій шкурі»*, *«Замість хліба дати камінь»*, — а все це з Біблії [3; 9].

Ліна Костенко доповнює свої тексти такими власними іменами з Біблії, як *Самсон і Даліла*, *Суламита*, *Адам*, *Йосип*, *Мойсей*, *Марія*, *Ірод*, *Соломон*, які, за умов інтертекстового використання, набувають переносного значення, а також мають статус символу:

*Любов підкралась тихо, як Даліла,
а розум спав, довірливий Самсон.* [6; 486]

Вислови «Соломон мудрий», «мудрий, як Соломон» вживаються, коли хочуть (часом жартома або й іронічно) підкреслити чийсь розум, кмітливість, інтелектуальну перевагу:

Суддя сказав: — З наскоку тут не мона.

Тут, запорожче, треба Соломона. [6; 478]

Коли кажуть: «розсудив, як цар Соломон», «соломонове^[SEP] рішення», — то мають на увазі яесь несподіване або розумне розв'язання справи.

Переважна більшість крилатих висловів біблійного походження Ліни Костенко відповідають біблійному прототипу і вживаються повністю без скорочень. Вислів «ієрихонські мури (стіни)» в переносному значенні — те, що має здатися, впасти, бути знищеним:

І німці є. Теж лицарі тевтонські.

Усе кричить, нуртується, гуде,

Звалити хочуть стіни єрихонські,

Нічого. Вал міценький. Не впаде. [6; 475]

Є один вислів із псалмів, який вживається у нас і^[SEP] церковнослов'янською мовою — «юдоль плачу», і українською мовою — «долина печалі» — це образна назва земного життя з його стражданнями, втратами, печалями. Ліна Костенко використала його розгорнутий варіант:

Юдоль плачу, земля моя, планета,^[SEP]

блакитна зірка в часу на плаву,^[SEP]

мій білий світ, міцні твої тенета, —^[SEP]

страждаю, мучусь, гину, а живу! [6; 489]

Не менш поширено використовує автор і скорочені варіанти крилатих висловів, наприклад *стовпотворіння* (повний варіант – вавилонське стовпотворіння – великий гурт людей, де панує галас, шум, метушня. Цей вислів

передає кульмінаційний момент легенди — ту хвилину, коли люди вже перестали розуміти одне одного, проте все ще намагаються знайти щойно втрачену спільну мову; вони кричать, жестикулюють, метушаться):

*Які б тут не були стовпотворіння,
хто б звідки не накочував сюди,
а люд був корінний тут, бо коріння
в такому Грунті глибоко сидить.* [6; 486]

Цілком прогнозовано значна кількість крилатих висловів зазнала лексичних і граматичних трансформацій первинного тексту. Вислів «вигнання з раю» означає він безповоротну втрату чогось. За час уживання в нашій мові вислів зазнавав, залежно від завдань мовців, змін і доповнень:

Чорна магія ночі, скажи мені голосом рік — [SEP]

ця тривога, ця ніжність, [SEP]

незатъмарений рай без вигнання, [SEP]

заворожене щастя, — чи буває таке навік? [6; 490]

Крилатим став і вислів «неопалима купина». Він символізує стійкість, незнищенність:

А що, якби знайшлася хоч одна [книга], — [SEP]

в монастирі десь або на горіщі?

Якби вціліла в тому пожарищі, —

Неопалима — наче купина? [6; 474]

Одним із відоміших крилатих висловів є вислів «суєта суєт», «суєта», що в широкому, узагальненому значенні вживається, коли говорять про життя, взагалі про навколишній світ.

Я скажу їм: світанки, все на світі таке муруге!

Урожай суєти — залишається тільки стерня. [6; 489]

В творчій спадщині Ліни Костенко спостерігаємо використання різних за структурою та моделями крилатих висловів.

Першу групу становлять власні імена, взяті з Біблії. Слід зазначити, що вони виконують номінативну й оцінну функції, а також культурно-інформаційну, набуваючи додаткових значень в контексті крилатих висловів біблійного походження, такі як *Марія, Ірод, Мойсей, Адам, Йосип*:

Вона в нього й Марія, вона в нього й Луїза.

У них у всіх Марії в додаток до Луїз. [6; 487]

Коли вступив у Київ я комонно —

Після Пиляви, після Жовтих Вод —

мене ж вітали малиновим дзвоном,

мене ж Мойсеєм називав народ! [6; 483]

Другу групу становлять речення непередикативної структури (тобто, еквівалентні словосполученню, основу яких складають одиниці різних граматичних класів, частіше з іменниковим компонентом), на зразок, *земля обітована; Гефсиманський сад; Страшний суд; страх Божий*;

Куди піду? Куди тепер піду

Де на землі земля обітована?

Казарми в Гефсиманському саду,

І всі народи — як розкрита рана... [6; 480]

Крилатий вислів «*Страшний суд*» вживається, коли говориться про щось жахливе, яке обов'язково має бути з кожним:

...Що з Павлюка, живого, шкіру здерли.

Що з ним взяли ще четверо старшин.

Що проти того, як вони умерли,

і Суд Страшний не здасться вже страшним! [6; 480]

Третю групу, значно меншу за обсягом, становлять речення передикативної структури (речення, що має відкриту, незамкнену структуру), наприклад:

Я воскресаю і знову гину.

Несу свій хрест на свої Голгочі

А цар стромляє мені у спину

Свої двойлезі каправі очі. [6; 476]

*То що ж тепер цьому народу — брати
свій кривний хліб у переможця з рук?! [6; 481]*

Стилістично увиразнений в спадщині Ліни Костенко афоризм *нести свій хрест*, що означає «терпляче зносити труднощі, все, що судилось і стало неминучим у чиемусь житті; виконувати свій обов'язок до кінця. Слово хрест як частина крилатого виразу «позначає великі страждання, яких зазнає людина в ім'я нових високих цілей» [6; 224].

Власне семантичний простір афоризмів біблійного походження в творах Ліни Костенко можна охарактеризувати широким спектром різноманітних ознак, найбільш продуктивно реалізує тематичний блок «людина», який представляє собою зовнішні характеристики людини, визначає риси характеру, її фізичний стан, поведінкову діяльність і взаємини людей у суспільстві, соціально зумовлені ознаки, утворюючи семантичні поля:

«стан людини» — *«сільниє міра сего»*, буквально перекладений українською мовою. Проте значно частіше вислів «сильні світу цього» вживається іронічно:

*Мені не треба слави, ані грошей,
ані щоб сильний світу похвалив, —
аби хто-небудь, мислюю возросший,
до мене часом слух свій прихилив. [6; 478]*

«характеристика зовнішніх і внутрішніх ознак» (*цар Ірод*).

Згадав степи... Молочну, Янчекрак.

Не те що цей мурований задвірок.

А про корону це я так.

Мені в короні змалечку цар Ірод. [6; 474]

3) «діяльність і поведінка людини» — *«продати за миску сочевиці (за сочевичну юшку)»* (поступитися чимось важливим, значним заради нікчемної, незначної та

скороминущої вигоди); «мені належить помста» (часто цитуються по-церковнослов'янськи: “мне отмщеніє, і аз воздам”. Вислів може вживатися і в розширеному значенні — знехтуваний талант, знівечене життя, помста долі); «взискующіє града» (ті, що праведно живуть. Звідси в переносному значенні — люди, які шукають кращих форм життя)

*Усе колись щось пишуть на догоду, ^[SEP]
та чечевіці хочуть, як Ісав.*

*А хто напише, або написав, ^[SEP]
велику книгу нашого народу?! [6; 480]*

До цієї групи можемо віднести, зокрема, вираз «голос вопіючого в пустині», який в прямому значенні означає «голос того, хто волає, закликає готувати в пустелі прихід Ісуса» [3, с. 164]. Але «глас вопіючого в пустині» («голос волаючого в пустелі») дуже далеко відійшов від свого первісного значення. В історичному романі «Маруся Чурай» він означає голос того, хто волає, закликає готувати в пустелі прихід Ісуса. Сьогодні цей вислів означає — даремний заклик до кого-небудь, залишений без відповіді, ніким не підтриманий:

*Вночі ворота Лаври не гостинні,
даремно тут і возвишати глас.*

*Глас вопіючого в пустині,
напевно, був чутніший, як у нас. [6; 483]*

Отже, крилаті вислови біблійного походження, які ми відносимо до фразеологічної скарбниці сучасної мови, можна розглядати на різних рівнях, зокрема в статті ми розглядали на структурному та семантичному. Знання ж таких одиниць є ознакою високої мовної культури, збагачує і прикрашає мовлення кожної особистості, яка прагне до повернення своїх правічних джерел та християнської моралі.

Література

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Авт., керівник проекту та гол. ред. В.Т. Бусел. - К.; Ірпінь: Перун.
2. Л.А.Білоконенко. Конфліктогенний потенціал крилатих виразів російської та української мов/ Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». № 11. 2009. Вип. 15, т.1.
3. Коваль А.П. Спочатку було Слово: крилаті вислови біблійного походження в українській мові / А. П. Коваль. –К.: Либідь, 2001.
4. Новий тлумачний словник української мови у чотирьох томах. Укл. В.В.Яременко, О.М.Сліпущко. – К.: «Аконіт».
5. Бондар О.І., Карпенко Ю.О., Микитин-Дружинець М.Л. Сучасна українська мова: Фонетика. Фонологія. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Лексикографія/Навч.пос. – К.: ВЦ «Академія», 2006.
6. Українська література: Хрестоматія для 11 кл. загальноосвіт. навч. закл./ Упорядник Р.В.Мовчан. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2007

ПЕДАГОГИКА

**О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ИДЕАЛЕ РУССКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Шаклеин Виктор Михайлович,
доктор филологических наук,
академик
(г. Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена поиску лингвокультурного идеала русской языковой личности. На примере истории развития русского общества XX - начала XXI столетия показывается, что каждая эпоха выдвигала свой идеал языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурный идеал, русская языковая личность, лингвокультура, речевое поведение.

**ON LINGUISTIC AND CULTURAL IDEAL OF RUSSIAN
LANGUAGE PERSONALITY**

Abstract. The article considers the notion of linguistic and cultural ideal of Russian language personality. On the example of the development of Russian society in XX-early XXI centuries the author shows that each historical period presented its own ideal of linguistic personality.

Keywords: linguistic and cultural ideal, Russian language personality, linguistic culture, communicative behaviour.

В настоящей статье под лингвокультурным идеалом понимается реализация языкового поведения личности в той или иной речевой ситуации, наиболее полное использование всех компетенций, позволяющее реализовать себя средствами языка в условиях своей лингвокультуры.

Поиск лингвокультурного идеала русской языковой личности осложняется рядом факторов.

Как известно, само понятие «идеал» имеет в своей семантике абстрактную составляющую: «Идеал (от греч.:

idea - идея). Высшая, труднодостижимая степень совершенства в чем-н., мыслимый предел стремлений, желаний» [10, 288].

Кроме того, в определениях языковой личности также присутствует некоторая степень абстрактности.

Так, по Ю.Н. Караулову языковая личность - это «...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих тестах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [8, 671].

Для Г.И. Богина «языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2, 3]. Рассматривая признаки идеальной языковой личности, он подчеркивает, что «человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид еще должен стать ею» [Там же].

С.Г. Воркачев языковой личностью считает «...закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка...» [3, 17].

В.И. Карасик дает следующее определение языковой личности: «Языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [5, 363].

Для В.А. Масловой языковой личностью является «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [6, 119].

С другой стороны, в приведенных определениях просматривается связь языковой личности с общественной природой языка, культурой народа, который на этом языке говорит. Так, П.Б. Струве отмечал: «Культура существует в личности и личностью. Культура есть содержание личности» [9, 83].

Сходные мысли находим у Т.П. Млечко: «Сквозь призму языка увидеть человека, а сквозь призму личности носителя - живую жизнь самого языка, его новые состояния» [7, 3].

Связь языковой личности с общественной природой языка можно проследить на примере истории развития российского общества с 30-х гг. XX века, которая показывает, что каждая эпоха выдвигала свой идеал языковой личности. Этот идеал определялся властью как идеал языкового поведения, к которому должен был стремиться каждый гражданин страны. Несмотря на то, что некоторые из идеальных образов языкового поведения тех лет можно считать дискуссионными, они оказывали большое влияние, формировали определенный вектор культурных устремлений поколения.

Так, в 30-е годы был востребован человек из народа, искренне верящий в будущее страны, не сомневающийся («кто не с нами, тот против нас», «сын за отца не отвечает», «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача»), профессионально подготовленный, полностью посвящающий себя строительству нового общества.

В фильмах тех лет («Юность Максима», «Ленин в октябре», «Чапаев», «Свинарка и пастух») представлен лингвокультурный идеал человека из народа:

простоватого, с хитринкой, нередко многословного, говорящего на понятном народу языке, несущего в своем образе рабоче-крестьянское происхождение, обладающего классовым чутьем. Анализ языка положительных героев показывает, что весьма сложные проблемы они выражали через близкие народу языковые универсалии.

Конечно, представлялись и другие образцы речевого поведения, например, языковая личность профессора Преображенского в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Но это, наверное, было исключением.

Значительное место в кинорепертуаре предвоенных лет занимали фильмы, посвященные истории: «Петр Первый», «Александр Невский», «Суворов». Их главные герои уже избавлялись от чрезмерного многословия, несмотря на то что в своем языке продолжали следовать народной традиции. Представал образ человека, знающего свою цель, думающего только о деле, нередко говорящего афоризмами и лозунгами («Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет»; «Дети мои, богатыри мои...», «не щадя живота своего»).

Структуру языкового образа, символизирующего советский лингвокультурный идеал 30-х годов, дополняли герои известных комедий «Веселые ребята», «Волга-Волга» и др., которые строили новую жизнь весело, с энтузиазмом. Этот настрой отражался и в песнях, например, «Марш энтузиастов», «Москва майская», «Широка страна моя родная», «Наш паровоз, вперед лети».

Создавался лингвокультурный идеал человека, гражданина новой страны, молодого, сильного, рабоче-крестьянского происхождения, честного, сосредоточенного на труде, преодолевающего трудности и искренне верящего в предлагаемые государством идеи.

Тем не менее, в действительности лингвокультурный идеал выглядел несколько по-другому. Партийная элита того времени, за редким исключением, стала утрачивать навыки ораторского искусства, возникла традиция чтения заранее подготовленных текстов. Таким же был подражавший ей управленческий корпус разных уровней. Так, начальник управления мелкой кустарной промышленности в фильме «Волга-Волга» Бывалов читает заранее заготовленный доклад.

И все-таки 30 - начало 50-х гг. было временем, когда лингвокультурный идеал, предлагаемый государством, в целом совпадал с собственно народным лингвокультурным идеалом.

В конце 50-начале 60-х гг. лингвокультурная ситуация в стране начала претерпевать изменения. Лингвокультурный идеал стал существенно расходиться с идеалом, сформировавшимся в среде интеллигенции. В стране, где литературное творчество в целом находилось, как известно, на высоком уровне, языковое поведение, свойственное кинематографическим Чапаю или Суворову, уже не могло не восприниматься с некоторой долей иронии. Талантливо созданные на экране Максим, Чапай, Петька, Анка-пулеметчица постепенно становились героями анекдотов.

На авансцену вышел новый, в определенной степени искусственный, образ строителя коммунизма. С этого времени официальный лингвокультурный идеал стал все более отличаться от идеала реального.

Наряду с образами героев-производственников, нередко талантливо воплощенных на экране («Весна на Заречной улице»), стали возникать другие герои, например, лирические герои песен В.Высоцкого, фильмов А.Тарковского, С. Параджанова.

В 70-е гг. XX века начала заявлять о себе лингвокультура эмиграции, одной из вершин которой стали произведения А.Солженицына.

Образы людей, невинно пострадавших от власти, также стали определять еще один тип лингвокультурного идеала.

В то же время новый лингвокультурный идеал был тесно связан с языком официальной власти, поскольку мог функционировать в условиях существовавшего строя, хотя и нередко в виде романтической идеи, например, в образе интеллигента, работавшего как в производственной, так и в непромышленной сфере. Это нашло наибольшее отражение в песнях А. Пахмутовой).

В то же время в производстве социальный лифт поднял десятки тысяч представителей крестьянства и рабочего класса. Это были нередко самородки, обладавшие острым умом, сметливостью, жившие в культуре власти и поэтому находившие именно в ней свой языковой идеал. Творческая интеллигенция, как правило, была для них прежде всего социальной прослойкой, без которой обойтись было все-таки трудно. Именно она писала патриотические песни, читала лекции в вузах, трудовых коллективах. Тем не менее, новая советская интеллигенция за некоторым исключением себя таковой вряд ли считала, видя лингвокультурный идеал в лице советских руководителей (Н.С. Хрущева, Л. Брежнева).

Позднее, получив образование в советском вузе, интеллигент мог намеренно исказить свою речь, прибегнуть к приему абсурда, подтверждая свою принадлежность к трудовому классу. Например, М. Горбачев нередко приводил в недоумение своих оппонентов подобными приемами. То же самое можно

сказать и о языке В. Черномырдина, который иногда обезоруживал собеседника.

С приходом к власти В.В. Путина в российском обществе увидели, что власть может говорить на хорошем русском языке. Более того, В.В. Путин ввел моду среди чиновников на владение языком.

Краткий анализ лингвокультурного идеала в диахроническом аспекте может привести к следующему вопросу: есть ли что-то общее между лингвокультурным идеалом современной языковой личности и языковой личности советского общества? На первый взгляд, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Однако, как отмечает Н. Арбатова, сходство все же имеется и состоит «в обратной связи между настоящим и тем прошлым, от которого трудно уйти даже в XXI веке» [1, 5]. И сегодня для русских одна из черт национального характера - фатализм, который отражается в языке («куда ни кинь, везде клин»), абсентеизм («чего ходить, когда и так все ясно»), вера в доброго царя / барина, прагматизм («лучше синица в руке, чем журавль в небе»). Очень популярен призыв жить по совести, а не по закону.

Исторические события последнего столетия, революции, войны, смена общественного и государственного строя, переселение народов, ломка всех жизненных стереотипов, устоев, привычек, традиций не могли не оказать влияния на языковую личность, формирование ее лингвокультурного идеала. Сегодня мы хотим опереться на что-то знакомое, «думать привычными схемами, находить алгоритмы, создавать паттерны <...> выискивать исторические аналогии в том числе» [4, 12].

Таким образом, поиск нового лингвокультурного идеала русской языковой личности представляется весьма сложной задачей. Трудность усугубляется еще и тем, что «самое сложное для человека - увидеть очевидное.

Настоящее невидимо, потому что оно непривычно и ново. Перемены пугают. Чем сильнее перемены - тем меньше они заметны, потому что за ними не успевают ни глаз, ни мозг» [4, 12].

Этот поиск в какой-то степени сродни поиску новой русской идеи. Он, вероятно, невозможен без учета современных российских реалий. По всей видимости, его можно исследовать с точки зрения временной, с точки зрения русского национального характера, с гендерной точки зрения, в социальном, конфессиональном и, вероятно, еще многих других аспектах.

Литература

1. Арбатова Н. Прошлое мстит // «Независимая газета». 14.10.2016 г.
2. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
3. Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
4. Гамзаева С. Еще тот Рюрик. Об историческом обмане зрения // «Независимая газета». 12.09. 2016 г.
5. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г.: Тез. докл. М., 2003.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
7. Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. М., 2013.
8. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
9. Струве Б.П. Избранные сочинения // Культурология: Классические труды. М., 2007.
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

*Паскарь Лариса Михайловна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(г. Бельцы, Молдова)*

Аннотация. В исследовании проводится сопоставление категории рода имен существительных в русском и румынском языках. Сочетание парадигматического и синтагматического анализа позволяет установить потенциальное поле грамматической интерференции как в сфере парадигматики морфологических категорий, так и на уровне их синтагматических связей.

Ключевые слова: *межъязыковая интерференция, интерферентные зоны, категория рода.*

**A COMPARATIVE STUDY OF THE GRAMMAR OF RUSSIAN
LANGUAGE: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

Abstract. In this research you can find out the comparison of gender category of nouns in Russian and Romanian languages. The combination of paradigmatic and syntagmatic analysis allows to set up potential zones of grammar collision in the sphere of paradigmatic morphological categories and on the level of their syntagmatic relations as well.

Keywords: *interlingual interference, interferential zone, the category of gender.*

**STUDIAREA COMPARATIVĂ A GRAMATICII LIMBII RUSE:
ASPECTELE LINGVISTIC ȘI METODIC**

Adnotare. În cercetare se face compararea categoriilor de gen a substantivelor în limba rusă și limba română. Combinația dintre analiza paradigmatică și sintagmatică permite determinarea câmpului potențial de interferență gramaticală cum în sfera parадигmaticii categoriilor morfologice, precum și la nivelul relațiilor lor sintagmatice.

Cuvinte-cheie: *interferență interlinguală, zona interferențială, categoria de gen.*

Создание методологической типологии лингвистического материала иностранного языка с выделением типов трудностей, возникающих из-за интерферирующего влияния родного языка, и объединение трудных для усвоения языковых единиц в группы в зависимости от характера трудностей, является одной из актуальных проблем современной методики преподавания.

Как известно, в процессе овладения иностранным языком обучаемый постоянно обращается (сознательно или неосознанно) к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании ранее уже нашла своё отражение объективная действительность. При системном учёте в учебном процессе результатов анализа категорий родного и изучаемого языков родной язык «из неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка становится опорой усвоения языковых значений его структур» [2, 60]. Многие грамматические категории представляют собой межъязыковые универсалии, которые передаются различными способами в зависимости от типологии конкретного языка, поэтому овладение иностранным языком идёт по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний. Каждая новая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» означаемого и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем разных языков. В тех случаях, когда ячейка не обнаруживается, она легко создаётся с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком [3].

Сопоставительное изучение языков, в частности их грамматических систем, как правило, направлено на установление различий, иначе – контрастов, что позволяет выявлять специфические черты этих систем,

подтверждающих или иллюстрирующих их идиоматичность. В связи с этим сопоставительный, или контрастивный метод стал использоваться в исследованиях межъязыковой грамматической интерференции как инструмент лингвистического прогноза, с большей или меньшей точностью дающего представление о возможных нарушениях в речи при овладении другим языком, и был признан, вслед за У. Вайнрайхом, наилучшей исходной ступенью описания речевого поведения билингва [1].

Таким образом, в настоящее время при сопоставлении грамматических систем языков акцентируется внимание не только на собственно лингвистическом аспекте, но и методическом, т.е. применении данных лингвистического анализа при обучении. В задачу сопоставительного изучения грамматических систем контактирующих языков в лингводидактических целях входит выявление путем контрастивного анализа потенциального поля действия межъязыковой интерференции, так называемых интерферентных зон. Интерференцию, устанавливаемую путем прогнозирования интерференционной потенции межъязыковых различий сопоставляемых грамматических систем языков, относят к потенциальной грамматической интерференции.

Выявление интерферентных зон потенциального поля действия межъязыковой грамматической интерференции, необходимо не только для диагностики возможных нарушений и лингвистической интерпретации их сущности. Оно необходимо также для ранжирования грамматических явлений по степени лёгкости-трудности усвоения их обучаемыми, определения объёма и содержания национально ориентированных грамматических минимумов, последовательности изучения тех или иных явлений, а также для разработки

оптимальной модели обучения грамматике изучаемого языка.

Наиболее уязвимым для проникновения интерференционных нарушений является морфологический ярус изучаемого языка, что объясняется значительными расхождениями в грамматическом строе неродственных языков. Русский и румынский языки – это языки индоевропейской семьи, но они не являются родственными: русский язык относится к восточнославянской группе, а румынский – романской.

Сопоставительный анализ состава и содержательного плана функционирующих грамматических категорий в русском и румынском языках обнаруживает как сходство, так и различие.

Категориальные признаки дают реальную возможность сопоставлять материально столь непохожие языки. Возможны три вида соотношения грамматических категорий в русском и румынском языках:

1. Грамматическая категория представлена в румынском языке, но отсутствует в русском; например, категория определенности-неопределенности, которая выражается довольно разветвленной системой различных артиклей.
2. Грамматическая категория имеется в русском языке, но отсутствует в румынском: например, категория вида глагола, лексико-грамматическая категория одушевленности-неодушевленности имени существительного.
3. Грамматическая категория представлена в обоих языках, но с различным внутренним подразделением и функционированием в каждом языке, что вызывает наиболее высокую степень проявления интерферентных явлений в иноязычной речи обучающихся. Так, например,

категория падежа имеется и в румынском языке, однако в русском она содержит 6 падежей, отличающихся по форме и значению, в румынском – по значению выделяются 4 падежа (исключая формы звательного падежа), по форме – только два из-за омонимичности номинатива-аккузатива и генитива-дativa.

Средства выражения грамматических значений находятся в определенной зависимости от морфологического типа языка. Русский язык чаще использует синтетические средства передачи грамматических значений, румынский – аналитические. Большой синтетизм русского языка подтверждается большей продуктивностью флективных аффиксов – окончаний, словоизменительных суффиксов и постфиксов.

Румынский язык в силу своей большей аналитичности отдает предпочтение артиклям, предлогам, вспомогательным словам.

Специфика морфологических систем русского и румынского языков, генетически объединенных по признаку наличия форм словоизменения в один флективный индоевропейский тип, но различающихся по своей языковой структуре, ярко прослеживается в области категории рода имен существительных.

В русском языке грамматическая категория рода объединяет три грамматические оппозиции: мужской, женский и средний род; в румынском языке два грамматических значения: мужской и женский. Особенностью морфологической системы румынского языка является наличие существительных обоюдного рода (*substantive ambigene*), которые склоняются в единственном числе по типу мужского рода, а во множественном по типу женского рода. Подобные существительные во многих учебниках румынского языка относятся к среднему роду (*genul neutru*), что является, на

наш взгляд, сомнительным, так как существительные обоюдного рода не составляют отдельной грамматической оппозиции и не обладают своими формальными показателями, отличающимися от формальных показателей мужского и женского родов. По своему грамматическому проявлению они являются обоюдородными (*ambigene*), т.е. в парадигме единственного числа они сочетаются с артиклями мужского рода, а без артиклей получают окончания существительных этого рода; во множественном числе сочетаются с определенным артиклем *-le* или имеют окончание *-e* или *-uri*: *caiet – caiete, caietul – caietele, drum – drumuri, drumul – drumurile*.

Если в румынском языке категория рода проявляется у всех без исключения существительных во всей их парадигме, то в русском языке только у существительных, имеющих форму единственного числа, т.к. во множественном числе у существительных разных родов падежные флексии одинаковы. В связи с этим при определении родовой принадлежности существительных в румынском языке необходим анализ морфологических показателей не только в форме единственного, но и множественного числа.

Совпадение в родовой классификации существительных в обоих языках встречается редко. Полное совпадение отмечается только в тех случаях, когда распределение существительных по родам является логически обоснованными, как, например, у существительных, обозначающих лица: слова со значением лица мужского пола относятся к мужскому роду, а названия лиц женского пола – к женскому.

Грамматическое значение рода в таких случаях органически слито с лексическим значением. Так, русские

одушевленные личные существительные на -а/-я относятся к женскому или мужскому роду в зависимости от того, лицо какого пола они называют: юноша (м. р.), но девушка (ж.р.); тетя (ж.р.), но дядя (м.р.). В румынском языке семантический признак в некоторых случаях также играет решающую роль. Ср. tată (отец – м. р.) и fată (девушка – ж. р.); frate (брат – м. р.) и femeie (женщина – ж. р.).

Связь между значением существительного и его грамматические родом в сопоставляемых языках проявляется также у названий животных, птиц и насекомых, но не отличается той последовательностью, которая характерна для названий лиц. Объясняется это тем, что для наименования животных, птиц и насекомых могут употребляться два слова – для названия самца и самки, а также одно слово – без указания на пол: Н-р: петух (м.р.) – курица (ж.р.) / cicoș (м.р.) – găină (ж.р.), бык (м.р.) – корова (ж.р.) / buhai (м.р.) – vacă (ж.р.), но пчела (albină) – ж.р., змея (șarpe) – ж.р., обезьяна (maimuță) – ж.р. и т.д. У таких существительных в обоих языках род часто не совпадает: Н-р.: мышь (ж.р.) – șoarece (м.р.), воробей (м.р.) – vrăbie (ж.р.), муравей (м.р.) – furnică (ж.р.), соловей (м.р.) – privighetoare (ж.р.)

У неодушевленных существительных в сравниваемых языках взаимосвязи между значением и родовой принадлежностью нет. Даже в ряду семантически близких слов родовые показатели несходны: хороший овес (м.р.) – ovăș (м.р.) bun; хорошая рожь (ж.р.) – secară (ж.р.) bună.

Таким образом, у одушевленных существительных отнесенность к тому или иному роду часто оказывается семантически мотивированной, содержательной, а у неодушевленных – семантически необъяснимой и условной. Если у одушевленных при определении родовой принадлежности часто применяется четкий семантический

критерий (план содержания), то распределение по родам неодушевленных существительных осуществляется исключительно по формальным средствам выражения грамматической категории рода, находящихся в определенной зависимости от морфологического типа языка. Именно в том случае, когда выбор рода немотивирован значением слова, и наблюдается часто расхождение в роде у русских существительных и их эквивалентов в румынском языке. Ср.: ноготь (м.р.) – unghie (ж.р.), кровать (ж. р.) – pat (м.р.) и т.д.

В русском языке принадлежность к грамматическому роду чаще всего выражается формальными показателями – системой флексий падежных форм единственного числа. Во множественном числе имена существительные категорией рода не обладают. Поэтому встречаются русские существительные, утратившие родовую отнесенность (н-р.: ножницы, брюки, т.е. имена из группы *pluralia tantum*).

Морфологическое определение родовой принадлежности существительных в русском языке связано с распределением существительных по трем типам склонения. Склоняемые русские существительные распределяются по родам с учетом их морфологических признаков в И. п. ед.ч. следующим образом. К женскому роду относятся существительные с окончанием -а/-я (береза, земля), а также существительные с основой на мягкий согласный или на ж, ш с нулевым окончанием (степь, мышь, рожь).

Большинство склоняемых существительных, оканчивающихся в форме И.п. ед.ч. на -О или -Е, принадлежат к среднему роду: окно, поле и т.п. К среднему роду также относятся разносклоняемая существительные на -мя и слово дитя.

Большинство русских существительных с основой на твердый согласный и на -й, имеющих нулевое окончание в форме И.п. ед.ч., относятся к мужскому роду: дуб, чай, завод и т.д. Кроме того, к мужскому роду относятся существительные с основой на мягкий согласный или на ж, ш, морфологические признаки которых в форме И.п. ед.ч. совпадают с признаками существительных женского рода (ср.: моль, но тюль; день, но лень). Родовая принадлежность существительных последней группы выявляется в результате анализа их парадигм (днем, но ленью). Таким образом, наличие типов склонения в русском языке позволяет определить род существительных не только по форме И. п. ед.ч., но и по парадигме словоизменения.

Большинство румынских существительных мужского рода в форме И.п. ед.ч. имеют нулевое окончание и основу на твердый согласный, а при образовании формы множественного числа происходит смягчение (часто наряду с чередованием) конечного согласного (перед гласным *i*): lup (волк) – lupi, inginer - ingineri; obraz (щека) – obraji.

Существительные женского рода оканчиваются в форме И.п. ед. ч. на безударное -ă, а во мн.ч. на -е. Н-р: masă (стол) – mese.

Отметим, что известная ограниченность языковых средств выражения родового значения порождает омонимию флексий как в русском, так и румынском языках. Так, например, флексия -а/-я в русском языке потенциально может выражать значение мужского рода (юноша), женского рода (девушка, береза) и общего рода (сирота); флексия -е в румынском языке может наблюдаться у существительных женского рода (pădure – лес), мужского рода (dinte – зуб) и формы ambigen (nume – имя). Таким образом, при определении родовой принадлежности существительных в сопоставляемых

языках морфологический критерий не всегда может быть применен.

Лингвисты считают, что наибольшей универсальностью и единообразием обладают синтаксические (синтагматические) способы выражения рода. И в русском, и румынском языках грамматическая категория рода существительных выражается, с одной стороны, морфологически, т.е. собственными внутрисловными формальными показателями, а с другой стороны, синтаксически, т.е. морфологическими показателями рода согласующихся слов.

Для выражения родового значения существительного используются в сопоставляемых языках флексии согласуемых с ним прилагательных, некоторых разрядов местоимений, причастий. Ср.: этот вкусный и вымытый плод / *acest fruct gustos și spălat*; эта вкусная и вымытая слива / *această pruna gustoasă și spălată*.

Следует заметить, что в румынском языке определяющее слово по отношению к определяемому находится в постпозиции (*măr dulce* – сладкое яблоко) и поэтому операция по мысленному опережению, необходимая при развертывании речевого высказывания на русском языке, не свойственна носителям румынского языка.

Кроме того, если в русском языке синтаксическим средством выражения родовых значений существительных является также форма координируемого (в случае сказуемого, выраженного глаголом в форме изъявительного наклонения прошедшего времени или сослагательного наклонения) слова, то в румынском языке такое явление немислимо, так как у румынских глаголов нет форм рода.

В то же время в румынском языке существует универсальный синтаксический способ выражения рода, отсутствующий в русском языке: с помощью артиклей (определенных и неопределенных), регулярно употребляемых с существительными. К мужскому роду относятся все существительные, которые имеют препозитивный неопределенный артикль ед. ч. – un / мн.ч. niște (unii) и постпозитивный определенный артикль ед.ч. – l/-le/, мн.ч –i. К женскому роду относятся все имена существительные, имеющие препозитивные неопределенные артикли ед.ч. -o /мн.ч. niște (unele), и постпозитивный определенный артикль ед.ч. -a, -ea / мн.ч. -le. Например: un student – niște (unii) studenți, o carte – niște (unele) cărți; studentul - studenții; casa – casele.

Итак, проведенное сопоставление категории рода имен существительных в русском и румынском языках позволяет установить следующие интерферентные зоны потенциального поля грамматической интерференции:

Зона А (центральная) – существительные среднего рода типа море (mare), кружево (dantelă), предложение (propoziție), имеющие морфологическую схожесть, что порождает сильное интерферирующее воздействие;

Зона Б – неодушевленные существительные, родовая принадлежность которых морфологически не маркирована в форме ед.ч. И.п. и у которых род в сопоставляемых языках не совпадает (гвоздь, ноготь, кровать, сирень и т.п.);

Зона В – наименования животных, род которых в русском и румынском языках часто не совпадает, и поэтому говорящий подсознательно мотивирует принадлежность существительного, называющего животное, к тому роду, который грамматически отражен в его родном языке.

Соответственно, на уровне парадигматики румыно-русская грамматическая интерференция может выразиться

в смешении флексий. На уровне синтагматики – в ошибочном употреблении морфологических показателей согласующихся слов.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI.
2. Гальперин П.Я. К психологии формирования речи на иностранном языке // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972.
3. Шубин Э.П. Основные принципы методики обучения иностранным языкам. М., 1963.

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ С РУМЫНСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

*Ляшенко Ольга Васильевна,
специалист-координатор,
методист
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования и развития аудитивной компетенции на начальном этапе обучения русскому языку в школах с румынским языком преподавания. Приводятся различные методы и приемы обучения навыкам аудирования и их оценивания.

Ключевые слова: компетенция аудирования, фонематический слух, ритмико-интонационное оформление, активные и интерактивные методы; система упражнений, оценивание.

THE BEGINNER'S AUDITIVE COMPETENCES PROBLEM IN THE TEACHING –LEARNING PROCESS OF RUSSIAN LANGUAGE FOR PUPILS FROM ROMANIAN INSTITUTIONS

Abstract. This article is based on formation and development problem of the auditive competences for beginners in the teaching-learning process of the Russian language for pupils from Romanian institutions. There are

displayed examples from teacher's experience referring to the development of auditive competences.

Keywords: listening competence, phonemic listening; rhythmic intonation clearance; active and interactive listening methods; exercises system, evaluation listening process.

PROBLEMA FORMĂRII COMPETENȚELOR AUDITIVE ÎN PROCESUL DE ÎNSUȘIRE A LIMBII RUSE ÎN INSTITUȚIILE ȘCOLARE CU PREDARE ÎN LIMBA ROMÂNĂ

Adnotare. Acest articol pune în evidență problema formării-dezvoltării competenței auditive pentru nivelul debutantului în procesul de predare-învățare a limbii ruse în instituțiile cu predare în limba română. Sunt expuse exemple ține experiența cadrului didactic referitoare la dezvoltarea competenței auditive.

Cuvinte-cheie: competența de audiere, auz fonematic, înregistrare ritmico-intonanțională; metode active și interactive, sistemul de exerciții, evaluarea.

Владение коммуникативной компетенцией предполагает не только умение строить сообщения, быть хорошим собеседником/коммуникантом, но равной степени быть активным слушателем.

Аудирование, являясь рецептивным видом речевой деятельности, определяется как «процесс, состоящий из одновременного восприятия языковой формы и понимания содержания слышимого сообщения» [3]. В процессе аудирования выделяют словесное понимание, которое опирается на речевой опыт учащихся, и предметное понимание, опирающееся на их жизненный опыт и знание ситуаций общения. При обучении русскому языку как неродному конечной целью является выработка таких аудитивных умений, при наличии которых не расчленились бы форма и содержание воспринимаемого высказывания.

С целью выявления направленности учебного процесса по русскому языку в школах с румынским

языком обучения на развитие речевого слуха был проанализирован действующий Куррикулум по русскому языку и литературному чтению, разработанный в 2010 году [6], и учебники, созданные отечественными специалистами (для 5-х – 6-х классов).

На начальном этапе обучения (5 класс) слушанию уделяется большое внимание, что отражено в действующем учебнике «Русская речь» 2015 года (авторы М.Волковская и Н. Горбачева). Практически каждый урок добукварного периода обучения начинается с упражнений, которые способствуют формированию фонематического и интонационного слуха. Эти упражнения напрямую связаны с формированием говорения на репродуктивном уровне. Так, наиболее часто встречаются упражнения со следующей формулировкой: *«Слушай и повторяй за учителем», «Прослушай текст/стихотворение и повтори/выучи его наизусть».*

Работа по развитию фонематического слуха прослеживается и в учебнике 6 класса (авторы Пригорски А., Шиловский Б., Лука Е.).

Однако анализ учебников показал, что специальных упражнений, направленных на развитие фонематического и интонационного слуха, долговременной памяти, явно недостаточно. Не снабжены учебники для 5-6-х классов учебными комплексами (рабочей тетрадью для учеников, аудио и видеозаписью).

В старших классах гимназического звена специальных упражнений на аудирование практически нет. Это объясняется тем, что к 7-му классу основные навыки аудирования уже должны быть сформированы.

Таким образом, констатируем, что действующие школьные учебники (учебные пособия) уделяют внимание развитию этого вида речевой деятельности, однако

количество упражнений, связанных с восприятием на слух оформленных речевых сообщений, явно недостаточно. Данные учебные пособия не имеют аудиоразработок для развития аудирования. В связи с этим на уроках звучит, как правило, образцовая речь учителя.

С целью определения уровня владения умениями и навыками в области аудирования ученикам 6-х классов были предложены следующие задания:

Для проверки сформированности речевого (фонематического и интонационного) слуха:

- дифференциация фонем по твердости – мягкости;
- определение на слух отдельных фонем;
- распознавание на слух ударного слога в предложенных словах;
- распознавание интонационного рисунка предложенных на слух фраз.

Для характеристики объема оперативной памяти:

- количество изолированных тематически не связанных слов, воспринятых на слух;
- количество изолированных тематически связанных слов, воспринятых на слух;
- количество воспринятых на слух лексических единиц, составляющих законченную фразу.

Для определения степени полноты понимания прослушанного текста:

- умение определять тему прослушанного текста;
- умение членить текст на части и ориентироваться в его структуре;
- умение отвечать на вопросы, относящиеся к информации, заключенной в прослушанном сообщении.

Анализ результатов выполнения вышеперечисленных заданий показал, что фонематический слух учеников школ с румынским языком обучения при изучении русского языка сформирован недостаточно для полноценной работы

с аудитивными материалами и требует дальнейшего развития.

Проанализируем основные трудности, с которыми встретились ученики при выполнении заданий.

Во-первых, отметим, что на начальном этапе обучения ученики почти готовы к восприятию и запоминанию предлагаемых изолированных лексических единиц и законченных фраз, но подобные задания вызывают у учеников психологический дискомфорт, что вполне объяснимо. Объем оперативной памяти слишком мал, учащиеся не могут запомнить весь словарный ряд и фразу до конца, они сбиваются, это вызывает неудовлетворение результатами своей деятельности. Наблюдения свидетельствуют о том, что к подобному виду упражнений ученики должны быть готовы в первую очередь психологически, что и должно учитываться при дальнейшей работе по увеличению оперативной памяти учащихся.

Во-вторых, нельзя не учитывать то, что на данном этапе у учащихся еще не сформированы навыки письма, что также является препятствием в выполнении предложенных заданий. При анализе результатов не учитывались фонетические недочеты и грамматические ошибки, если эти ошибки не влияли на понимание записанного, т.е. были коммуникативно незначимыми. Наибольшие затруднения вызвало запоминание и воспроизведение незнакомых изолированных слов. С этим заданием справились 55,55% учеников. Максимальное количество воспроизведенных слов равнялось семи единицам. Ученикам легче было воспроизвести законченные фразы, составленные из знакомой ученикам лексики, незнакомая им лексика заменялась набором букв. Объем оперативной памяти возрастал, если предъявляемые

для восприятия и запоминания лексические единицы были знакомы слушателям.

Следовательно, для успешного аудирования необходимо проведение специальной тренировочной работы по увеличению объема оперативной памяти, в том числе и при работе с незнакомой лексикой. Следует обратить внимание также на то, что число коммуникативно значимых ошибок при воспроизведении предъявленных для восприятия материалов не велико. Это свидетельствует о сформированности речевого слуха учащихся шестых классов.

Анализ полученных данных по определению уровня владения умениями и навыками в работе с воспринятым на слух связным речевым сообщением позволил сделать следующие выводы:

На данном этапе изучения русского языка у многих учеников еще не сформировалось умение правильно определять тему аудируемого текста. При выборе заголовка из предложенных вариантов ученики фиксировали свое внимание на одной из прослушанных частей сообщения и не «охватывали» текст в целом. Это свидетельствует о том, что большинство учеников не может довести процесс аудирования до конца, с трудом удерживает в памяти предложенную на слух информацию, не учитывает все факты сообщения, фиксируя свое внимание лишь на отдельных. Отметим, что на данном этапе обучения учащиеся психологически не готовы к восприятию цельных речевых сообщений. Большинство учеников не сумели даже после повторного прослушивания восстановить в памяти структуру текста и правильно расположить предложенные пункты плана. Это опять связано с тем, что ученики еще не могут до конца прослушивания удерживать в памяти предъявляемую информацию, объем их памяти слишком мал.

Относительно умения отвечать на вопросы, относящиеся к информации, заключенной в прослушанном сообщении, можно отметить, что здесь возникло меньше затруднений, чем при выборе правильного варианта ответа на предложенные вопросы.

Значительно проще ученикам выбрать вариант ответа на вопросы: «Что является историческим центром Москвы?», чем «Почему Москва является культурным центром?»; «Кто основал Москву?»; «Сколько университетов находится в Москве?»; «Почему многие хотят учиться в Москве?».

Таким образом, можем сделать вывод, что ученики умеют отвечать на вопросы, касающиеся информации, заключенной в предложенном на слух речевом сообщении. Это свидетельствует о сформированном у учеников умении выделять все факты сообщения, т.е. степень полноты понимания является выше среднего уровня. Но это результаты, продемонстрированные учащимися городского лицея. Стоит задуматься о том, а каковы были бы результаты сельских школ? Сельские дети всё хуже понимают русскую речь, это объясняется отсутствием русскоязычной среды, а два часа в неделю на изучение неродного языка не достаточно для свободного общения на русском.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что ученики молдавских школ на начальном этапе обучения языку умеют воспринимать на слух законченное речевое сообщение; членить сообщение на части и ориентироваться в его структуре; фиксировать и удерживать в памяти некоторые факты сообщения (главные и второстепенные) и отвечать на вопросы, относящиеся к фактам, заключенным в прослушанном тексте.

Анализ состояния обучения аудированию в школах с румынским языком обучения показал, что учащиеся хорошо владеют умениями и навыками восприятия информации на слух. Современные школьники (35-40% из класса) смотрят самостоятельно фильмы, телепередачи на русском языке, свободно читают и владеют русской речью на уровне общения, но среди них есть и те, кто не общается на русском языке, кроме как на уроках. Некоторые ученики молдавских школ встречаются с большими трудностями, которые, в первую очередь, обусловлены психологическими характеристиками указанного вида речевой деятельности, а также видом аудируемой речи (живой или механической записи): ситуативной диалогической или монологической речи, речи знакомого или незнакомого человека.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что необходимо уделять пристальное внимание формированию и развитию базовых психологических механизмов аудирования (антиципации, осмысления, памяти), формировать и развивать речевой слух учащихся, начиная с начального уровня, и продолжать на более сложном языковом материале.

Литература

1. Вайсбурд М.Л., Климентенко А.Д. Требования к речевым умениям // Иностранные языки в школе. 2012, №3.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2009.
3. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. и др. Методика обучения иностранным языкам. М., 2002.
4. Гез Н.И. Роль условий общения при обучении слушанию и говорению.// Иностранные языки в школе, 1981, №5.
5. Елухина Н.В. Обучение аудированию в русле коммуникативно ориентированной методики // Иностранные

языки в школе. 1989, №2. Русский язык и литературное чтение. Куррикулум для гимназий с румынским языком обучения (5-9 классы). Кишинэу, 2010.

**ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ
ГРУППЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЛИНГВИСТИКА»**

*Микова Светлана Станиславовна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Объектом рассмотрения в статье выступает процесс обучения переводу в полиэтнических группах иностранных студентов, обучающихся по специальности «Лингвистика». Описаны особенности полиэтнической группы как субъекта обучения. Характеризуется роль перевода в обучении иностранному языку. Представлены методы, которые можно использовать в обучении переводу на этапе представления нового материала и на этапе контроля. Оцениваются возможности привлечения материала родного языка учащихся в процессе обучения переводу в условиях полиэтнической группы.

Ключевые слова: *перевод, полиэтническая группа, методы обучения, методы контроля, перевод в изучении иностранных языков, русский язык как иностранный.*

**TEACHING TRANSLATION IN POLYETHNIC
GROUP OF STUDENTS- LINGUISTS**

Abstract. The article considers the problem of teaching translation in polyethnic groups of foreign linguists. The author shows the peculiarities of a polyethnic group as a subject of education, estimates the role of translation in teaching a foreign language, characterizes methods of teaching translation in polyethnic groups at stages of presenting new material and control. The article also evaluates the importance of students' native languages in teaching translation in a polyethnic group.

Keywords: translation, polyethnic group, methods of teaching, methods of control, translation in learning foreign languages, Russian as a foreign language.

Размышляя о методике как о науке будущего, Е.И. Пассов указывает: «Методологией методики как теории и технологии иноязычного образования следует считать диалог культур» [4, 52]. Это высказывание подчеркивает актуальность обращения к проблеме обучения переводу как одному из средств и видов межкультурной коммуникации. Безусловно, преподавание перевода должно учитывать специфику типа учебной группы (мононациональной или полиэтнической) и специальность, по которой обучаются студенты.

Глобальные процессы, происходящие в современной образовательной системе, предполагают привлечение в российские вузы студентов-иностранцев. Большинство студентов приезжает в Россию для изучения русского языка в естественной языковой среде. Как известно, в преподавании иностранного языка возможно как индивидуальное обучение, так и обучение в группе. При этом учебный процесс в вузе основан на групповом обучении, и это не мононациональные группы, а, напротив, группы, в которых обучаются студенты-носители разных языков.

Такой тип учебной группы в методической литературе называется по-разному: «мультиязычная», «мультикультурная», «поликультурная» и др. Естественно, каждый из терминов предполагает тот или иной параметр, который является ведущим в обучении. Поскольку в настоящей статье речь идет о переводе, который, как известно, связан не только и не столько с факторами языковыми, но и с культурными факторами, представляется обоснованным обращение к термину

«полиэтническая группа». В этом термине студенты выступают представителями разных этносов, т.е. «исторически сложившихся на определенной территории устойчивых совокупностей людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики [1, 11].

Сложность разработки методологической концепции перевода в определенном типе учебной группы обусловлена, прежде всего, сложностью самого предмета. Так, в «Толковом переводческом словаре» Л.Л. Нелюбина приводится 32 определения понятия «перевод», которые выявляют определенные аспекты данного феномена. С методической точки зрения представляется наиболее значимым разграничение перевода как процесса и перевода как результата этого процесса: «Под словом «перевод» <...> обычно подразумевается либо сам процесс перевода, либо результат деятельности переводчика — устный или письменный текст, высказывание» [3, 137]. На занятиях по обучению переводческой деятельности перевод как процесс выступает как собственно учебная деятельность, а перевод как текст является объектом анализа, контроля и редактирования. Несмотря на универсальный характер данных аспектов перевода, организация учебной деятельности и принципы работы с текстом как образцом и результатом переводческой деятельности имеют определенную специфику в полиэтнической группе.

Безусловно, переводческие навыки так или иначе формируются в процессе преподавания иностранного языка, поскольку (особенно на начальном этапе) сам процесс научения во многом основан на переводе с иностранного языка на родной (например, при восприятии текста) и переводе с родного языка на иностранный (в

частности, при построении собственного высказывания). Перевод способствует реализации практической (овладение языком как средством общения), стратегической (формирование вторичной языковой личности), развивающей (развитие мотивации к дальнейшему изучению языка), воспитательной (уважительное отношение к иностранному языку как средству межкультурного общения) целей обучения иностранному языку. Поскольку «для достижения адекватного перевода приходится решать не только задачу: что и как переобозначить, но и задачу - что добавить или, напротив, опустить при переводе» [2, 513], занятия по переводу способствуют совершенствованию навыков аннотирования и реферирования. Таким образом, обучение переводу в группе студентов, изучающих русский язык как иностранный, способствует более прочному усвоению иностранного языка.

Обучение переводу предполагает использование двух языков, в качестве одного из которых, как правило, выступает родной язык учащихся. В полиэтнической группе изучающих русский язык как иностранный использование родного языка всех учащихся по понятным причинам затруднительно, поэтому в паре с русским выступает язык-посредник, чаще всего английский, которым все учащиеся в современной лингвокультурной ситуации владеют в определенной степени. Именно «непрофессиональность» владения обоими языками ставит вопрос о статусе перевода как научной дисциплины на занятиях в полиэтнической группе.

Как известно, «идеальным посредником [в межкультурной коммуникации] <...> признается билингв, владеющий двумя языками и принадлежащий к двум культурам в равной степени» [6, 44]. Это идеал, к которому стремится профессиональный переводчик. В то

же время учебный перевод определяется как система умений, среди которых - понимание иностранного текста, использование словарей, анализ текста в аспекте композиции, жанра, языкового оформления в сопоставлении с языком перевода.

Соответственно, в условиях полиэтнической группы можно говорить о переводе как о сочетании двух видов переводческой деятельности - учебного и профессионального - с преобладанием черт учебного перевода. Это переходный тип от учебного к профессиональному переводу, поскольку он готовит учащихся к перенесению полученных знаний и умений на родной язык, одновременно позволяя совершенствовать знание двух иностранных языков и переводческие умения. Кроме того, такой перевод позволяет углубить знания о своем родном языке, его особенностях в сопоставлении с другими языками, так как «конкретизирует внутриязыковые и межъязыковые связи и соответствия, способствует осознанию истинных отношений между непосредственными языковыми величинами и отвлеченными формами и конструкциями [5, 45]. В этом состоит уникальность перевода в полиэтнической группе, которая, безусловно, оказывает влияние на выбор методов, средств обучения, а также контроля сформированных умений и навыков.

На занятиях по переводу в полиэтнической группе для иллюстрации положений теории перевода используются преимущественно упражнения, связанные с поиском соответствий в русском и английском языках. При этом отрабатываются навыки применения основных переводческих трансформаций, таких как транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантическая замена, перестановка и др. Эти навыки могут стать основой для развития навыков сопоставления родного и

русского языков, а также родного и английского языков. Таким образом, невозможность использования только родного языка на занятиях по переводу в полиэтнической группе, с одной стороны, усложняет работу, с другой - дает возможность получить более системные знания об особенностях языков.

В качестве упражнений для отработки навыков могут использоваться задания, связанные не только с русским и английским языком, но и с родным языком учащихся. В этом случае на первый план выходит работа в паре, когда контроль осуществляется другим носителем того же языка. Ошибки, допущенные в процессе перевода на родной язык, с указанием возможных причин, а также более точных вариантов могут быть затем проанализированы в группе.

Возможен и другой вариант заданий с использованием подстрочного перевода, т.е. перевода слов и фраз по формальным и семантическим признакам. Тогда учащиеся сначала переводят текст с русского языка на родной, потом текст с родного языка посредством подстрочного перевода передают на русском языке. В этом случае другим учащимся будут видны неизбежные потери смысла, и они смогут оценить адекватность перевода с информационной точки зрения, с точки зрения полноты переданной когнитивной, эмоциональной, оперативной и эстетической информации. Автор перевода должен доказать необходимость сделанных изменений, исходя из грамматических и лексических особенностей родного языка.

Вариативные задания, связанные с переводом на родной язык учащихся, должны включаться в задания для самостоятельной работы. Такие задания помогут учащимся оценить грамматические различия родного и русского языков, обратить внимание на безэквивалентные, неполноэквивалентные и коннотативные лексические

единицы в родном и русском языках, на группы слов, относящихся к так называемым «ложным друзьям» переводчика.

Для контроля следует выбирать упражнения, главным образом связанные с переводом на русский язык англоязычных текстов, проверяющие умение учащихся применять изученные трансформации на практике. Возможно также использование заданий на обратный перевод, т.е. перевод уже переведенного текста на исходный (русский) язык.

Тексты, отбираемые для занятий, по возможности должны быть неадаптированными и отражать типичные речевые ситуации. Упростить задачу учащимся преподаватель может на этапе предтекстовой работы, например, снять часть трудностей, особенно тех, которые неактуальны в рамках рассматриваемой темы. Необходимо также обращение к профессионально ориентированным текстам, которые помогут сформировать терминологическую двух- и трехязычную базу, а также усовершенствовать умения учащихся в создании научных текстов.

Таким образом, перевод как объект обучения в полиэтнической группе занимает промежуточное положение между профессиональным и учебным переводом и может служить базой для формирования профессиональных переводческих навыков, связанных с русским и родным языками учащихся. На занятиях по переводу в полиэтнической группе используются упражнения, связанные с русским языком и языком-посредником (английским). Таким образом, термин «полиэтническая группа» сочетает в себе понятия мультиязычной и поликультурной группы. В такой группе возможно обучение языку с использованием прямых методов или языка-посредника. Обучение переводу также

предполагает использование языка-посредника и имеет определенную специфику.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. 1988.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М., 2003.
4. Пассов Е.И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции. Санкт-Петербург, 2015.
5. Пашковский А.А. Особенности перевода как учебного предмета // Н.Л. Нелюбин. Переводческая лингводидактика. М., 2009.
6. Усачева А.Н. Когнитивная деятельность переводчика // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: коллективная монография. М., 2014.

НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИЛОЛОГОВ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

*Цвик Ирина Осиповна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. Статья раскрывает подходы к модернизации литературного образования. Автор доказывает, что литературное образование в целом должно способствовать сохранению национально-культурной самоидентичности учащегося.

Литературный текст в диалоге культур рассматривается как медиатор культур и национально-культурный феномен. В силу этого следует пересмотреть специфику работы с текстом.

Автор предлагает обновить содержание учебников, программ и целевые установки литературного образования. Также

демонстрируется аспект практической реализации заявленных подходов.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, межкультурный диалог, художественный текст, цели литературного образования.

**THE DIRECTION AND SPECIFICITY OF THE REFORM OF THE
CONTENT OF LITERARY EDUCATION OF PHILOLOGISTS:
NATIONAL-CULTURAL AND INTERCULTURAL DIMENSIONS**

Abstract. The article reveals the approaches to the modernization of literary education. The author argues that literary education in general should contribute to the conservation of the national cultural identity of the student.

The literary text in the dialogue of cultures is considered as a mediator of cultures and cultural phenomenon, because of this, you should review the specifics of working with text.

The author offers to update the content of textbooks, programs and objectives of literary education. Also demonstrates the aspect of practical implementation of the stated approaches.

Keywords: national-cultural identity, intercultural dialogue, artistic text, the purpose of literary education.

**DIRECȚIA ȘI SPECIFICUL REFORMEI CONȚINUTULUI STUDIILOR ÎN
DOMENIUL LITERATURII PENTRU FILOLOGI: DIMENSIUNELE
NAȚIONAL-CULTURAL ȘI INTERCULTURAL**

Adnotare. Articolul ”Tendențele și specificitatea de reformare a conținutului educațional pentru filologi: dimensiunea național-culturală și interculturală” relevă abordări spre modernizarea educația literară. Autorul susține că educația literară, în ansamblu, trebuie să contribuie la păstrarea identității național-culturale a studentului.

Textul literar, într-un dialog al culturilor este considerat un mediator al culturilor și un fenomen național-cultural. Din acest motiv, autorul propune revizuirea specificului de lucru cu textul și actualizarea conținutului manualelor, curriculumului și a prevederilor de bază a educației literare. De asemenea, acest articol prezintă aspectul practic al realizării abordărilor menționate.

Cuvinte-cheie: identitate național-culturală, dialog intercultural, text literar, scopurile educației literare.

Методика преподавания литературы как наука существует не один век, но и сегодня идут острые полемики и дискуссии по этой проблеме. Ставится вопрос не только о том, *как* учить литературе, а учить ли вообще, учитывая, что литература является предметом эстетического цикла, т.е. тесно и напрямую связана с искусством, т.к. является его частью.

Преподавание литературы могло (и может) подчиняться разным целям. Например, сформировать общую и читательскую культуру, воспитать потребности в эстетическом самовыражении и самосовершенствовании, развить нравственную и эстетическую культуры личности, выпестовать интеллектуала, воспитать патриота и т.д. и т.п. Или всё и сразу, хотя это вряд ли достижимо. Это – благородные задачи и достойные цели, однако нельзя забывать, что любое выдающееся художественное произведение является одновременно неотъемлемой частью всемирной литературы, и важнейшим явлением для национальной культуры, способом ее самовыражения и самопознания.

Словесное искусство есть, безусловно, выражение определённого знания о менталитете и национальных ценностях культуры. На примере сравнительного анализа сюжетов, мотивов, типов героев, моделей характеров литературных произведений отчётливо высвечиваются и универсальные, общечеловеческие ценности, и значимые национально-культурные константы и доминанты национальных картин мира. Поэтому литературное обучение/образование является одним из способов решения задач понимания и сопричастности людей друг другу, адаптации в поликультурное общество, формирования умений и способностей к жизни и общению в межкультурной среде, поскольку коммуникативная сущность искусства как нельзя лучше учит умению

общаться представителей разных культур. Это особенно важно сейчас, потому что современный мир глобален и многокультурен: сегодня не существует практически ни одного монокультурного мононационального государства. Современный мир мобилен и динамичен: люди постоянно находятся в движении, соприкасаясь на своем жизненном пути с различными культурами. Литература часто является едва ли не главным источником сведений о культуре другой страны.

Обновленное содержание литературного образования должно, с нашей точки зрения, способствовать сохранению и укреплению собственной национально-культурной самоидентичности личности учащегося: именно родная литература помогает обретению и формированию национального самосознания. В диалоге с произведением родной литературы мы лучше познаём свой национальный мир, значит, и себя как такового, находя индивидуальное, национальное и универсальное. Как отмечает И.В.Никитина, *«искусство ставит проблемы смысла жизни не только личности, но и нации, сознательно утверждая базовые, коренные ценности, без которых существование данной национальной культуры невозможно»* [9]. И в то же время *«национальное есть путь решения духовной задачи, а <...> значит, задачи общечеловеческой по определению»* [1, 9].

М.М.Бахтин в «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно «изучать только через тексты, созданные или создаваемые им». Позволим себе дополнить высказывание выдающегося философа и литературоведа в том смысле, что и *нацию также можно изучать через тексты*, как минимум – знакомиться с ней.

Текст, по М.М.Бахтину, может быть представлен в разных формах:

- как живая речь человека;
- как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости);
- как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностьная и т.д.).

Художественные тексты (как и тексты в широком смысле) выступают своего «рода каналами передачи социально-исторического и художественно-эстетического опыта, позволяют встретиться в мире культуры двум (или многим) субъектам, независимо оттого, в какую эпоху они жили или живут. Эти встречи происходят как в рамках одной культуры, так и в процессе межкультурной коммуникации» [4]. Художественный текст в силу своей коммуникационной природы выступает посредником между национальной культурой автора и национальной культурой читателя. Художественный текст не только аккумулирует и передает знания и представления о мире и человеке, но он также является источником культурно-ментального характера, выражает, в том числе, и национально-культурное измерение сознания автора произведения и его персонажей.

Литературное художественное произведение среди многих важных функций выполняет две особо существенные, на наш взгляд, – внутрикультурную и межкультурную. С точки зрения внутрикультурной оно служит средством формирования и укрепления собственной национально-культурной идентичности, т.к. транслирует потомкам всю сумму духовных ценностей. А с точки зрения межкультурной художественное произведение – способ познания Другого. В то же время особенность своего лучше понимается в сопоставлении с другим, при этом особенность *не* означает «лучше», а означает «иначе», что связано с национальными чертами;

без понимания иной культуры рефлексия на собственную культуру и ее развитие также окажется затруднительной.

Опора на диалог между культурами, взаимодействие культурных смыслов, в ходе которого, собственно, и происходит познание своей и иной/чужой культур, необходимы как залог плодотворного развития диалектики всемирного и национально-особенного. Как емко выразился Л.А.Аннинский, *«несхожесть национальных версий бытия становится главным условием их единства»* [1,7]. М.М.Бахтин, рассуждая о *диалоге культур*, писал, что *«один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются»* [2, 344]. Литературный текст в диалоге культур рассматривается как медиатор культур, национально-культурный феномен. Таким образом, межкультурное измерение должно быть одним из ведущих в гуманитарном образовательном пространстве.

Литературное образование должно быть нацелено, в том числе, и на стремление понять национальную аксиологию, гносеологию, национальную художественную логику, потому что, по словам М.М.Бахтина, когда *«мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»* [2, 344]. Это касается понимания и национально-культурных миров, запечатленных в художественном тексте. Надо стремиться понять «*национальный образ*

мира», который Г.Д.Гачев определяет как «"сетку координат", которой народ улавливает мир, как космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок), выстраивающийся перед его очами, как особый "поворот", в котором предстаёт бытие данному народу» [3, 44]. Таким образом, процесс изучения литературы (родной и неродной – всемирной, зарубежной) должен стать, в том числе, и способом проникновения в национальную культуру, понимания её особенностей восприятия и отражения действительности, картины и образа мира, национальных концептов, ценностных доминант и архетипов. Обучение литературе должно опираться на выявление национального своеобразия художественного текста для понимания национального характера, ментальности, национальной логики поступка и его мотивации.

Мы всецело разделяем мнение В.А.Доманского о том, что «у учащихся отсутствует концептуальное представление о том или ином типе культуры. <...> С этой целью для каждого типа культуры необходимо выстроить своеобразную модель, мироконцепцию, то есть систему ценностных доминант, образ мира и человека в разных культурах, разных типах сознания» [4].

Итак, мы полагаем, что необходимо модернизировать литературное образование, дополнив его следующими обновленными целевыми установками, которые предполагают:

- изучение национальной концептосферы, культурных кодов и картины мира своего народа и народов-соседей;
- становление читателя, готового включиться во внутрикультурный (в рамках родной культуры) и межкультурный диалог с автором и героями произведений литературы;

- воспитание уважительного отношения к инокультурным ценностям на основе знания и понимания существенных особенностей родной и изучаемой словесных культур;
- извлечение информации о национально-культурном своеобразии родной литературы и неродной словесности – формирование национального самосознания и межкультурной компетенции;
- развитие способностей многопланового рассмотрения/исследования произведения, включающего, в том числе, целостный анализ, направленный на выделение/вычленение и интерпретацию национально-культурного компонента художественного текста;
- формирование условий для практической реализации полученных знаний – способностей к взаимодействию в поликультурном социуме.

Дальнейшая работа над куррикулами/учебными программами (как вузовскими, так и лицейскими) по литературе нуждается, с нашей точки зрения, в ряде следующих дополнений:

- а) цель изучения литературы (родной и неродной – зарубежной) на современном этапе заключается не только в том, чтобы сформировать литературную и эстетическую компетенции и познакомить студентов/учащихся с выдающимися достижениями родной и мировой литературы (что, безусловно, важно), но и понять «свое» и «инос/чужое» (понять Другого) в художественном тексте для последующего успешного межкультурного сосуществования и общения, что сможет убедить студента в собственной эффективности для дальнейшей социальной востребованности – «учение для жизни»;
- б) необходимо расширить понятие диалога культур до диалога национальных культур, в которых следует делать акцент на содержательном наполнении того, что означает

понятие «национальная культура» и как она преломляется в литературном произведении;

в) в дидактическом плане необходимо использовать методику преподавания/изучения литературы, направленную на:

- понимание специфики культурной среды (родной и изучаемой);

- выявление национально-культурного компонента/основания/доминанты изучаемой литературы.

Полагаем, что в учебниках и учебных пособиях будет также целесообразным:

а) обозначать специфику национально-культурной самобытности изучаемой литературы – родной и неродной (зарубежной), на каждом этапе её развития и в творчестве каждого писателя;

б) детально раскрывать понятие межкультурного диалога не только в плане взаимодействия и взаимообмена идей, тем, сюжетов и образов, но и с точки зрения особенностей и неповторимости вклада каждой национальной литературы, и ее классиков в копилку всемирной литературы;

в) включить в содержание глав раздел: «Национальный образ мира, своеобразие ментальности народа (своего и изучаемой литературы)»;

г) разрабатывать систему вопросов и заданий, направленных на определение своеобразия национально-культурной специфики художественного текста.

В целом, мы полагаем, что для оптимизации современного литературного образования в высшем учебном заведении следует:

1) осознавать родную литературу одним из способов формирования национального самосознания и национальной идентичности, т.е. осознания культурной общности и исторической судьбы, единства базовых

духовных ценностей и эмоциональных связей с определённым этническим сообществом;

2) рассматривать художественный текст в качестве средства формирования и развития межкультурной компетенции, что обусловит успешность решения прагматических задач личности в современном поликультурном обществе. Это позволит также оптимизировать и компетентностный подход современного литературного образования;

3) содействовать пониманию мотивированного поведения представителя определенной (родной и изучаемой) культуры, запечатленного в художественном тексте литературного произведения, исходя из его (представителя/героя) национального стереотипа, кодекса поведения, ментальности;

4) признавать тексты художественной литературы одним из опосредованных каналов коммуникации между различными культурами;

5) опираться на принцип межкультурного подхода – один из ведущих в системе образования в целом, и литературного образования в частности.

При изучении художественного произведения преподаватель должен акцентировать внимание на способах выражения его национального своеобразия. Широкий пласт поступков очень часто диктуется сложившимися национально-культурными идеалами и моделями, поэтому надо обращать внимание на ментально-национальную составляющую, на особенности и пути формирования нации, на реализацию этого процесса в духовной культуре, на историю становления народа и выражение этого в художественном произведении. Исходя из этого, литературное художественное произведение в процессе его изучения целесообразно рассматривать и как

национально-культурный феномен, организующий диалог культур, а структура занятия по литературе, ключевые методические приемы должны выбираться, исходя, в том числе, и из необходимости выявления национально-культурных констант и доминант изучаемого художественного произведения.

Таким образом, в плане практической реализации заявленных подходов к модернизации литературного образования на занятиях целесообразно выделять/определять/изучать национально-культурные компоненты содержания:

- систему концептов, (частотность [высокая/низкая] их присутствия в тексте, контексты их употребления в произведениях);
- использование архетипов, культурных кодов и элементов национальной культуры;
- систему эмоционально-ценностного отношения к человеку и миру в произведении;
- отражение/изображение конкретных национально-культурных реалий;
- фразеологизмы, т.к. *«фразеология – ключ к познанию культуры и человека»*) [7];
- специфику использования тропов т.к. *«метафоры, метонимии, сравнения и иные тропы носят национальный характер, ибо обусловлены национальной средой, национальным социальным опытом»* [10];
- проявление особенностей (специфики) коммуникативного поведения;
- при изучении родной – русской литературы – сквозные мотивы русской языковой картины мира, которые отмечают А.Шмелев, А.Зализняк и И.Левонтина [6, 11].

С точки зрения межкультурной составляющей:

- представлять художественное произведение (родной и изучаемой) национальной литературы в контексте диалога культур;
- понимать факты национально-культурной действительности родной литературы и зарубежной;
- различать «модель мира» родной культуры и сопоставлять с изучаемыми/известными иной национальной культуры;
- выделять национальное и универсальное в идее, тематике и проблематике текста;

Национальные особенности мировосприятия и национальная культурная традиция, этнопсихология и религиозные предпочтения – это та среда, где формируются духовные, морально-этические и эстетические ценности человека. Это отражается в художественном тексте, который «выполняет функцию коллективной культурной памяти» [8, 129-132].

Литература

1. Аннинский Л.А. Локти и крылья. Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. М., 1989.
2. Бахтин М.М. Из записей 1970 – 1971 годов // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.
4. Доманский В.А. Культурологический подход к изучению литературы. Санкт-Петербург. <http://www.loiro.ru/index.php?module=users&action=view&id=932>
5. Доманский В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе. Методическое пособие для учителей-словесников. Томск, 2002.
6. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

7. Ковшова М., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. Интервью РИА Новости, 11/03/2015.

8. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.

9. Никитина И.В. Искусство как знание о менталитете и ценностях культуры. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/>

10. Подобрый А.В. Межкультурный диалог в русской малой прозе 20-х годов XX века, Автореферат диссертации доктора филологических наук. Москва, 2010 .

«ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Сузанская Татьяна Николаевна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(г. Бельцы, Молдова)*

Аннотация. В статье раскрывается смысл терминологического словосочетания «пушкинский текст» и его методологические предпосылки. Отмечается, что под «пушкинским текстом» русской литературы следует понимать некий «сверхтекст», совокупность в классической и новейшей литературе того, что наваяно, подсказано, определено пушкинскими произведениями, идеями, образами. Основное внимание уделяется конкретному примеру рассмотрения «пушкинского текста» в русской лирике XX в. - анализу стихотворения И. Бродского «Я вас любил...» из цикла «Двадцать сонетов к Марии Стюарт».

Ключевые слова: *текст, интертекст, сверхтекст, реминисценция, жанр, стиль, пародия, метафора.*

“PUSHKIN’S TEXT” IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The article interprets the meaning of the terminological word combination “Pushkin’s text” and provides its methodological prerequisites. It is pointed out that “Pushkin’s text” of Russian Literature should be viewed as a certain “supertext”, the sum of it in classical and contemporary

literature, which is prompted and defined by Pushkin's works, ideas, and images. Particular attention is being paid to the concrete example, that is to the interpretation of "Pushkin's text" in the Russian lyric poetry of the 20th century – to the analysis of J. Brodsky's poem "I Loved You..." from the cycle "Twenty Sonnets to Mary Stewart".

Key words: *mex*t, *intertext*, *reminiscence*, *genre*, *style*, *parody*, *metaphor*.

«TEXTUL LUI PUȘKIN» ÎN LITERATURA RUSĂ CONTEMPORANĂ

Adnotare. Articolul examinează îmbinarea de cuvinte "textul pușkinist" și fundalul ei metodologic. Această îmbinare de cuvinte se referă la un oarecare "suprertext" interpretat în literatura clasică și universală, ceea ce este inspirat și determinat de operele, ideile și personajele pușkiniste. Atenție importantă este dedicată analizei «textului pușkinist» în lirica Rusă a secolului XX, în special poezia lui I. Brodskii "Eu v-am iubit" din ciclul "Douăzeci de sonete către Maria Stuart"

Cuvinte-cheie: *text*, *intertext*, *suprertext*, *reminiscență*, *gen*, *stil*, *parodie*.

Значение личности и творчества Пушкина для русской культуры велико и безмерно. Оно было определено ещё современниками поэта и остаётся таким вплоть до сегодняшнего дня: Пушкин – «наше всё» (А. Григорьев); «солнце русской поэзии» (В. Одоевский); «явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа» (Н. Гоголь); великий поэт, через которого «умнеет всё, что может поумнеть» (А. Островский); гений «всемирной отзывчивости»⁸ (Ф. Достоевский) и др. Эти высказывания стали своеобразными формулами и знаками культурной и общественной и жизни для всего русского мира, они

⁸ «Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год).

растиражированы издавна и уже кажутся несколько затёртыми, но, тем не менее, продолжают оставаться актуальными. Произведения Пушкина и сегодня являются образцом художественного совершенства, идеалом, духовно-нравственным ориентиром и высокой планкой творчества для каждого художника слова. Все без исключения русские поэты и писатели в той или иной степени испытали мощное магическое воздействие Пушкина; пушкинские реминисценции, аллюзии, явные и скрытые цитатные слои наблюдаются в произведениях Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Булгакова, Блока, Ахматовой, Цветаевой и многих других, они достаточно исследованы и продолжают тщательно исследоваться сегодня. В истории и теории литературы XX в. данное явление осмыслено в таких понятиях, как *пушкинская традиция*, *пушкинский миф*, *пушкинские реминисценции*, *пушкинское влияние*, *пушкинское слово* и др.

На наш взгляд, наиболее ёмким, концептуальным, научно оправданным и всеобъемлющим является терминологическое сочетание «**пушкинский текст**». Его корни содержатся в идеях выдающегося литературоведа В.Н. Топорова, который ввёл в научный обиход понятие «петербургский текст» русской литературы, имея в виду всё написанное в русской литературе о Петербурге с момента возникновения города [4, 259]. По мнению В.Н.Топорова, в результате всего созданного и возникает неповторимый и сложный, живой и противоречивый облик великого Города русской истории и культуры. Труд В.Н.Топорова оказался весьма продуктивным в методологическом плане: появились интересные работы о «московском», «одесском», «киевском» текстах в русской литературе, о «детском тексте» и т. п. Речь идёт о неких «сверхтекстах», т.е., художественных единствах,

отличающихся определенными сверхзадачами; о текстах со своей структурой и национальной идеей (идеей целостности русской литературы и культуры), идеей провидческой, пророческой или, если воспользоваться лексикой В.Н.Топорова, профетической.

По нашему мнению, по аналогии с вышеизложенным, под «пушкинским текстом» русской литературы также следует понимать некий «сверхтекст», совокупность всего того в классической (послепушкинской), современной и новейшей литературе, что определено, навеяно, подсказано пушкинскими произведениями, идеями, мыслями, словообразами и т. п. Словоупотребление «пушкинский текст» шире, чем словоупотребление «пушкинская тема». В нём фокусируются разные смыслы: Пушкин и его творчество как феномен русской культуры, как мировоззренческая категория, философская идея, как символ, миф. У «пушкинского текста» своя структура, эволюция, язык, своя организованность по вертикали (диахронно) и по горизонтали (синхронно) и своя смысловая связность.

Словосочетание «пушкинский текст» вошло в научный обиход с подачи Б.М. Гаспарова⁹ и впервые было использовано в его книге «Язык, память, образ» (1996) [1]. Литературовед Н.Е. Меднис подобные тексты назвала «именными» или «персональными» [3].

В последние десятилетия выдающиеся страницы «пушкинского текста» были созданы А. Битовым (роман «Пушкинский дом» был написан в 1971 г., опубликован в 1987 г.), Сашей Соколовым («Школа для дураков», 1975),

⁹ *Б.М. Гаспаров – видный современный литературовед, лингвист, семиотик, профессор Колумбийского университета (США); в 60-е гг. преподавал в Бельском педагогическом институте им. А. Руссо.*

Т. Толстой («Кысь», 2000), И. Бродским («Я вас любил...», 1974) и многими другими.

Рассмотрим один из «пушкинских текстов» И.Бродского.

*Я вас любил. Любовь ещё
(возможно,
что просто боль) сверлит мои
мозги.*

*Всё разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но
сложно
с оружием. И далее: виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! Всё не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими - но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит - по Пармениду - дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от
жажды
коснуться - «бюст» зачеркиваю - уст!*

Стихотворение вошло в поэтический цикл «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», созданный в 1974 году.

Первое впечатление – пародия. Ученый филолог А.К. Жолковский так и характеризует сонет Бродского: «пародирование», «вызывающая перелицовка оригинала» [2]. Думается, такая трактовка, которая сама идёт в руки, как раз заставляет задуматься об обратном, о том, что не всё в этом диалоге Бродского с Пушкиным так просто, не всё лежит на поверхности. А главное – какова же задача Бродского? Написать пародию на Пушкина? Слишком примитивно. Интересно свидетельство самого

Жолковского: «О замысле разбора я рассказал Бродскому во время единственного часового разговора с ним в Энн Арборе (1980 г.), а первый его вариант написал, по приглашению Льва Лосева, пятью годами позже (т.е., еще до получения Бродским Нобелевской премии). Бродский **остался к нему равнодушен**» (Выделено нами – Т.С.).

Проследим *сходства и различия* в обоих текстах. Сходства минимальны: лексическое и синтаксическое совпадение 3-х строк, да и то не полностью; одинаковый метр – 5-стопный ямба; общность лирической ситуации – герой любит безответно; сходство наблюдается и в основном приёме – оба поэта используют метафору (*любовь угасла // любовь сверлит мозги*); и в обоих случаях лирические герои обращаются к возлюбленной: *Я вас любил...*

Отличий гораздо больше, но идейно-художественная близость Бродского к Пушкину, которая выявляется в процессе анализа, на наш взгляд, снимает их полностью.

Проследим различия.

1. Жанр. У Пушкина – лирическая миниатюра, обращение; у Бродского – обращение представлено в форме сонета; количество стихов, соответственно, разное – 8 и 14.

2. Смысловое (семантическое) поле образа любви. У Пушкина оно строится на «безмолвности», безнадежности, муках робости и ревности, искренности, нежности, самоотречении (*не хочу печалить, дай вам Бог любимой быть...*). У Бродского любовь – это боль, сильное чувство, безнадежность, самоубийство, дрожь, задумчивость, жар в крови, ширококостный хруст, жажда коснуться...

3. Лексические особенности. В них содержатся коренные отличия: Пушкин использует лексику книжную, возвышенную, Бродский – нарочито сниженную,

просторечную, разговорную, вульгарную, грубую. Единственный поэтизм – *уст* («коснуться уст»). Сонет Бродского изобилует лексическими контрастами: слова книжные и высокие *сотворит, задумчивость, жажда*, имя собственное *Парменид*¹⁰ соседствуют со словами и выражениями сниженными и разговорными: *горазд, разлетелось к чёрту, чёрт, вдарить, сверлит мозги, не по-людски, пломбы в пасти*. Кстати, сниженная лексика и настраивает на пародийное восприятие. Почему Бродский вводит подобную лексику? Возможно, а) снимает «хрестоматийный глянец», взрывает штампы хрестоматийного восприятия пушкинского шедевра? б) полемизирует с Пушкиным, создавая свой образ любви и влюбленного человека? в) продолжает любовную тему Пушкина? Скорее, другое, что наиболее вероятно, хотя и не отменяет предыдущих предположений: по нашему мнению, Бродский необычайно выразительно, экспрессивно, нарочито эпатажно высказывает мысль о том, что пушкинское чувство любви и её воплощение, самоотречение пушкинского лирического героя, его готовность отойти в сторону ради счастья любимой превзойти невозможно, они неповторимы: «Бог <...> будучи на многое горазд, **не сотворит** - по Пармениду - **дважды** (Выделено нами. – Т.С.) сей жар в крови...».

4. Ритмические особенности. Наличие анжамбеманов («перескоков» из строки в строку, т.е. несовпадений стихотворных строк с целостными

¹⁰ Парменид – древнегреческий философ, который считал, что мир неизменен. Значит, по Пармениду, повтор (дважды) любви такой силы возможен, однако по законам высшей божественной силы это невозможно: Бог не сотворит подобное «дважды». Так Бродский, ссылаясь на авторитет философа, диалектически заостряет мысль о непревзойденности подлинного чувства.

синтаксическими структурами), что даёт Бродскому возможность преодолеть ритмическую монотонность и передать живую стихию разговорной речи.

Завершая свою статью, А. Жолковский всё-таки отходит от первоначально заявленной трактовки сонета Бродского как пародии на Пушкина: «Кощунственно написанное поверх одной из святынь русской классики, «Я вас любил...» Бродского имеет богатую интертекстуальную подоплёку, как традиционную, так и современную. В своем обращении с Пушкиным Бродский опирается на целый спектр установок, характерных для русской поэзии XX века: футуристическую десакрализацию à la Маяковский, по-ахматовски стоическое принятие условий человеческого состояния, отчаянную страстность и рваный синтаксис Цветаевой и дерзко вельможашую позу Мандельштама. ...Принадлежа в этом смысле XX веку, Бродский и его сонет всё же восходят к типично пушкинским установкам: изображению страсти сквозь призму бесстрастия...» [2].

При таком истолковании «пушкинского текста» Бродского становится понятным, почему поэт прибегнул к жанру сонета: приближение к Пушкину, к пушкинской гармонии требуют особенного жанра, сонет – жанр высокой поэзии. При этом Бродский, конечно, смело экспериментирует: его сонет изобилует сниженной и разговорной лексикой, проникнут комизмом. Однако надо понимать, что ирония и комизм Бродского порождены особенностями облика лирического героя, которые предопределены типическим характером современника, близкого поэту, – молодого человека XX века, который внешне бравитурит ниспровержением авторитетов и вместе с тем стремится своё глубоко личное, трепетное

отношение к любви спрятать от грубого внешнего мира, сохранить его по-пушкински первозданным.

Литература

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Жолковский А. «Я вас любил...» Бродского. Доклад в РГГУ, 1990 // Доступно: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib52.htm>.
3. Меднис Н.Е. «Именные», или «Персональные» тексты. Пушкинский текст русской литературы. // Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, 2003.
4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД РОМАНОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЕМЫХ

*Колесник Любовь Анатольевна,
доктор педагогики, конференциар университет
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. Статья посвящена вопросам методики работы с художественным текстом на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Большое внимание уделяется технологии анализа текста в процессе формирования и развития коммуникативной компетенции обучаемых. В статье раскрываются методы и приёмы работы учителя-словесника, исследующего мастерство писателя-психолога и гуманиста.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, психолог, гуманист, технология, анализ.

METHODICAL FEATURES OF WORK ON DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" IN THE PROCESS OF FORMATION THE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS.

Abstract. The article is devoted to the method of work with text based on F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". Much attention is paid to the technology of text analysis in the process of formation and development communicative competence of students. The article reveals the techniques and methods of teachers work who explore the mastery of writer-psychologist and humanist.

Keywords: *communicative competence, humanist, technology, analysis.*

CARACTERISTICILE METODOCE A LUCRĂRII PE BAZA ROMANUL LUI F.M. DOSTOIEVSKI «CRIMA ȘI PEDEAPSĂ» PROCESUL DE FORMAREA A COMPETENȚEI DE COMUNICARE A ELEVILOR.

Adnotare. Lucrarea se referă la metodele de lucru cu textul de artă pe un material al romanul lui F. M. Dostoievski «Crima și pedeapsă». O mare atenție se acordă analizei textului tehnologiei în procesul de formare și dezvoltare a competenței de comunicare a elevilor. Articolul descrie metodele și tehnicile de lucru a cadrelor didactice din literatură de specialitate, care explorează abilitatea scriitorului psiholog-umanist.

Cuvinte-cheie: *competența de comunicare, psiholog, umanist, tehnologie, analiza.*

В процессе формирования и развития коммуникативных компетенций как учащихся-лицейстов, так студентов-филологов необходимым условием является повышение общей коммуникативной культуры. Способность обучаемого решать языковыми средствами те или иные коммуникативные задачи в разных сферах и ситуациях общения, расширение интеллектуальных знаний, пробуждение интереса к учёбе являются насущными задачами педагогического воздействия на читателя-школьника. Методика работы над романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в условиях современной жизни, на пике противоречий, споров о вопросах морали, интеллигентности, культуры, создаёт «благоприятные условия для развития коммуникативных способностей ученика, формирования гармонически развитой личности» [1, 46].

Воспитывая чуткого, думающего читателя, учитель преодолевает возможное затруднение при изучении романа, связанное с возрастными и психологическими особенностями учащихся, со спецификой литературы как искусства слова, со сложностью художественного мира Ф. Достоевского-романиста, психолога. Для этого необходимо рассматривать творчество писателя в контексте историко- литературной эпохи, избегая формального или излишне социологического подхода к изучению художественного текста, проектируя систему уроков на основе результатов диагностического обследования, выявляющего общий уровень сформированности интеллектуальных особенностей и остаточных знаний учащихся, используя такие методы и приёмы анализа романа, которые обеспечат реализацию требований, предъявляемых к современному уроку литературы.

Для развития коммуникативной компетенции учащихся- лицеистов целесообразно использовать методы активного обучения, но не стоит забывать о проверенных временем традиционных эвристических методах и приёмах. Семинары, дискуссии, диспуты, круглые столы, деловые и ролевые игры позволяют моделировать реальные коммуникативные ситуации, находить решение конкретной коммуникативной задачи, отработать навыки межличностного общения в типичных ситуациях, находить способы решения коммуникативных проблем.

Методисты предлагают распределить учебный материал по изучению и анализу романа «Преступление и наказание» (11 класс) по циклам:

Ф.М. Достоевский. Очерк жизни и творчества. Основные мотивы произведений.

Роман «Преступление и наказание». Суровая правда в изображении безысходности жизни обездоленных людей

в мире зла. Боль за человека - основа авторской позиции в романе.

Социальные и философские истоки бунта Раскольникова. Смысл его теории и причины ее крушения. Проблема личной ответственности человека за свою позицию в противоречивом мире [3,15].

На уроках первого цикла учащиеся знакомятся с основными фактами жизни и творчества писателя, работают с критическими статьями, определяют идейно-тематическую основу романа, характеризуют систему персонажей. Методически целесообразно подать материал в форме лекций, вместе с учащимися составить хронологическую таблицу, удачным решением будет проведение урока в форме литературного альбома с использованием мультимедийных слайдов. Для формирования коммуникативной компетенции учащихся эффективно проведение беседы по вопросам:

Какие события детства и юношества писателя повлияли на его формирование?

Какие события привели его в Алексеевский равелин Петропавловской крепости?

Какое влияние оказало на писателя ожидание смертного приговора?

Что значило для писателя встреча в Тобольске с жёнами декабристов?

Перечислите наиболее характерные черты личности автора романа «Преступление и наказание» и т.д.

Во втором цикле уроков необходимо раскрыть суть понятий «гуманизм», «мировоззрение», смысл названия романа и основного конфликта, определить проблематику, особенности композиции, охарактеризовать главных героев, развить чуткость восприятия литературной речи, сформулировать навыки самостоятельного анализа и

оценки текста, умение соотносить роман с литературным направлением эпохи.

В романе более 90 персонажей, около десятка центральных. Рассказывая о замысле писателя, учитель показывает, как смещается центр изображения характеров. В первых вариантах Мармеладов должен был стать центральным героем, но он отступает на задний план перед Раскольниковым, не становясь при этом незначительным лицом. Автор всем повествованием о жизни Мармеладова вызывает к состраданию и милосердию, что еще раз доказывает: роман Ф. Достоевского - страстное выступление в защиту человеческой личности.

Чтобы подвести учащихся к главному конфликту романа - конфликту между Раскольниковым и миром, им отрицаемым, необходимо показать специфику Петербурга Достоевского, как создан в романе образ тупика, в котором оказываются герои. Для этого мы обращаемся к анализу эпизодов:

Пейзажи: « отвратительный и грустный колорит» городского дня (ч. 1, гл. 1; ч. 2, гл. 1); «великолепная панорама Петербурга» (ч. 2, гл. 2); вечерний Петербург (ч. 2, гл.6); вид из комнаты Раскольникова (ч.4, гл.5); грозовой вечер и утро накануне самоубийства Свидригайлова (ч.4, гл.6);

Сцены уличной жизни: пьяный в телеге (ч.1, гл.1); сцена на Николаевском мосту, удар бича и падение (ч.2, гл.2); шарманщик и толпа женщин у распивочной, сцена на Невском мосту (ч.2, гл.6); смерть Катерины Ивановны (ч.5, гл.5);

Интерьеры: каморка Раскольникова (ч.1, гл. 3); кабак где Раскольников слушает исповедь Мармеладова (ч.1, гл.2, ч.2, гл.7); трактир, в котором исповедуется Свидригайлов (ч.3, гл.3); комната-«сарай» Сони (ч.4, гл.4);

Методически грамотно составленные учителем вопросы побудят учащихся к полемизированию и обсуждению в интерактивных группах. Анализ отрывков с описанием Сенной площади, каморки Раскольникова, дома процентщицы, клетушек мастеровых, распивочных приводит к выводу о том, что от такой жизни люди тупели, смотрели друг на друга «враждебно и с недоверчивостью». Отношения между ними окрашены звериным любопытством, злорадной насмешкой.

Интерьеры «петербургских углов» не похожи на человеческое жильё, это скорее темные, сырые «гробы». Обобщающее, символическое звучание получает пейзаж, интерьер, сам город, в котором главный герой задыхается. Картины Петербурга создают впечатление города, который враждебен человеку, создаёт атмосферу безысходности.

Образ детства, изображённый в романе, пронзителен и страшен. Судьбы детей, искалеченные этим миром зла, заставляют задуматься о состоянии большого общества. Потрясающие своей правдой картины нищеты и страданий проникнуты болью автора о человеке [5, 36] .

На этапе проведения уроков третьего цикла необходимо сконцентрировать внимание на образе главного героя – Родиона Раскольникова, раскрыть социально-философские истоки его бунта, смысл его теории и её крушения. Методическая работа фокусируется вокруг анализа эпизодов, помогает прийти к выводам в результате наблюдений за поведением героя, исследований его мучительного душевного состояния, поисков выхода. Используя метод комментированного чтения, мы обращаемся к психологическим приёмам автора.

С первых минут совершения преступления внешне стройная теория Раскольникова разрушается. В разоблачении крайнего индивидуализма,

античеловеческого мифа о «сверхчеловеке» проявляется гуманизм писателя, который приводит нас к выводу о болезни общества. Символика, цветопись, речевая характеристика героев романа являются важнейшими изобразительными средствами, благодаря которым Ф. Достоевский проникает в самые глубинные пласты человеческой психики, помогает читателю понять сложность внутреннего мира героев. Для более глубокого раскрытия образа Раскольникова необходимо обратиться к его размышлениям об идее убийства, к его сомнениям, особое внимание следует уделить мыслям героя, его внутренним монологам, снам, которые мастерски описывает Ф. Достоевский-психолог.

Используя технологии критического мышления, учитель-словесник моделирует на уроке реальные коммуникативные ситуации, максимально приближает обучение к естественным условиям общения, повышает уровень культуры речевого общения обучающихся, обучает правилам ведения диалога, участия в диспутах. Понимание художественного психологизма как стилевого феномена в творчестве крупнейших реалистов эпохи в процессе формирования коммуникативной компетенции учащихся происходит на уроках, посвящённых анализу мастерства Ф. Достоевского. Венцом исследования души человека можно назвать роман «Преступление и наказание». *«...этот испуганный психологизм писателя истекает, как мне кажется, из его утверждения свободы и возможности воскрешения человеческой души, “восстановления погибшего человека”. Но что бы увидеть душу человеческую в развитии, необходимо глубоко проникнуть в этот сложный и непонятный мир»,* - так писал о Ф. Достоевском известный философ Н. Бердяев [2, 245].

Для современного учителя литературы изучение романа в процессе формирования коммуникативных компетенций учащихся предполагает широкие возможности для проявления творческого подхода к анализу художественного текста.

Литература

1. Базовый курс. Нормативные документы. К., 1998.
2. Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 2003.
3. Ковалёва И.С. Изучение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 2015.
4. Русский язык и литература. Курс для X – XII классов. Кишинэу, 2010.
5. Фогельсон И.А. Литература учит. М., 1990.

– ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

*Лобанов Альберт Николаевич,
магистр экономики,
университетский преподаватель,
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. В статье рассмотрено влияние информационных технологий на социально-гуманитарные сферы деятельности человека. Показано, что на определенной стадии развития информационных технологий возрастает воздействие корпораций и отдельных групп влияния на поведение людей и контроль над ними. Определена роль образовательных программ в области информационных технологий для формирования мировоззрения студентов в свете познавательных и гуманитарных проблем.

Ключевые слова: *информационные технологии, социально-гуманитарная сфера, манипуляции поведением, междисциплинарные исследования.*

INFORMATION TECHNOLOGY IN THE SOCIAL AND HUMANITIES FIELDS

Abstract. The article examines the impact of information technology on the social aspects of human activity. It shows that at a certain stage of development of information technologies the impact and control of corporations and separate influence groups over people's behavior increases. It defines the role of educational programs in the field of information technology for shaping the outlook of students in the humanities field in the light of cognitive and social issues.

Keywords: *information technology, social and humanities fields, behavioral manipulation, multi-disciplinary research.*

TEHNOLOGIILE INFORMAȚIONALE ÎN SFERA SOCIAL-UMANISTICĂ

Adnotare. În articol este examinată influența tehnologiilor informaționale asupra domeniilor social-umanistice ale activității omului. Este demonstrat, că la o anumită etapă de dezvoltare a tehnologiilor informaționale crește impactul corporațiilor și a unor grupe de influență asupra comportamentului oamenilor, precum și controlul asupra acestora. Este determinat rolul programelor de instruire în domeniul tehnologiilor informaționale în formarea viziunii studenților cu profil umanist în contextul problemelor generale umane și de cunoaștere.

Cuvinte-cheie: *tehnologii informaționale, domeniu social-umanist, manipularea comportamentului, cercetări interdisciplinare.*

Глобальный характер воздействия информационных технологий обусловил переход от постиндустриального общества к информационному, цифровому обществу. Выявление роли информации как важнейшего общественного ресурса подробно описано в 1980 году основателем теории постиндустриального общества Даниеэлом Беллом в работе «The Social Framework of the Information Society» (в русском переводе – «Социальные рамки информационного общества») [1]. Показана роль информационных и телекоммуникационных технологий в преобразовании постиндустриального «общества услуг» в «общество знаний».

Информационные технологии предоставили пользователям цифровые СМИ, веб 2.0, социальные сети, доступ к оцифрованным книгам, фильмам, музыке, удаленному образованию, возможность совершать онлайн платежи и др., открывая индивидууму неограниченный доступ к информации и возможности самовыражения в этом цифровом пространстве, которое стало частью обыденной жизни.

Сейчас любые значимые события в общественной жизни порождают многочисленные публикации в сети интернет, комментарии, репосты, лайки, хештеги; появляются иллюстрации и многочисленные коллажи по мотивам событий. Рождаются мемы, которые начинают жить своей собственной жизнью, становясь частью сетевого творчества, а сами события становятся предметом оживленных дискуссий на форумах и в блогосфере. Причем зачастую с диаметрально противоположной их оценкой.

Таким образом, информационные технологии открывают неограниченные возможности развития и самовыражения личности.

Обратной стороной развития информационных технологий явился неограниченный доступ корпораций и бюрократии к приватной информации граждан, а также возможности манипулирования их мнением.

Рассмотрим простой пример: мы начинаем набирать в информационно-поисковой системе запрос, и сразу начинают появляться варианты автозаполнения. Как оказалось, эти варианты могут быть использованы для манипуляций поведением пользователя. Иной раз надо приложить известные усилия, чтобы получить релевантные результаты поисковой выдачи того, что хотел найти пользователь в самом начале поиска.

Следующая особенность использования запросов в информационно-поисковых системах: спустя короткое время мы видим, что в поисковой выдаче начинают появляться результаты, связанные с нашими предыдущими запросами.

Более того, мы оплачиваем какой-либо товар, например, детские пеленки, банковской картой, причем перед этим не пользовались поиском по сопутствующим товарам и услугам, не вносили никакой информации в социальных сетях, но спустя некоторое время в результатах выдачи поисковых запросов получаем товары и услуги для новорожденных.

Обращаясь к блогосфере, можно заметить, что определенная часть материалов в ней представляет собой откровенные вбросы, хорошо отрежиссированные «вирусные атаки», попытки повлиять на настроения и систему ценностей пользователей, а иногда и спровоцировать на определенное поведение.

И если верен тезис *Чем больше воздействие личности на общество, тем оно духовнее, нравственное*, то вопрос, в какой степени должен быть верен и антитезис *Чем больше воздействие общества, контролируемого корпорациями и бюрократией на личность, тем меньше в нем гуманистического и нравственного?*

Очевидно, ответ на этот вопрос должны дать социально-гуманитарные исследования. Исследования на стыке наук, междисциплинарные исследования дают тем лучшие результаты, чем точнее у них совпадает объект исследования (в нашем случае – информация). Такие исследования могут проводить компетентные специалисты, владеющие знаниями и навыками не только в своей специальности, но и в смежных дисциплинах, и в частности, в информационных технологиях.

В Славянском университете уже более десятка лет реализуются образовательные программы в области применения современных информационных технологий в дисциплинах гуманитарного профиля.

В ходе обучения студенты осваивают широкий круг вопросов, связанных как с освоением офисных приложений, так и с разработкой и развитием собственных интернет-проектов, работой с библиотечными информационно-поисковыми системами, электронными библиотеками [2], а также специальным программным обеспечением (АБИС MARK SQL), системами машинного перевода Promt, программами для ведения библиографических баз данных EndNote.

Причем две последние из перечисленных программ могут быть интегрированы в MS Office, и студент может их осваивать и работать с ними в уже привычной ему среде – в офисном приложении появляются соответствующие ленты с инструментами для работы.

При установке приложения EndNote можно установить галочку, разрешающую интегрировать данную библиографическую базу данных в пакет программ MS Office. Пользователь настраивает приложение и, когда нужно, запускает нужную ему функцию на соответствующей ленте (Рис. 1).

В случае установки приложения автоматизированного перевода Promt Expert, всю работу по переводу текста или его фрагмента можно производить при помощи инструментов соответствующей ленты в программе MS Office.

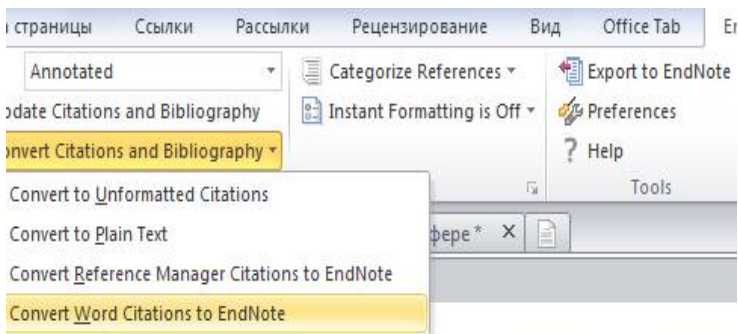

Рисунок 1. Лента приложения EndNote в программе MS Word

Данное приложение имеет достаточный период триального использования, позволяющий пользователю бесплатно и легально пользоваться данным продуктом в течение ограниченного времени. В частности, можно работать с пользовательским словарем или добавлять неперебиваемые аббревиатуры в список зарезервированных слов при настройке перевода (Рис. 2).

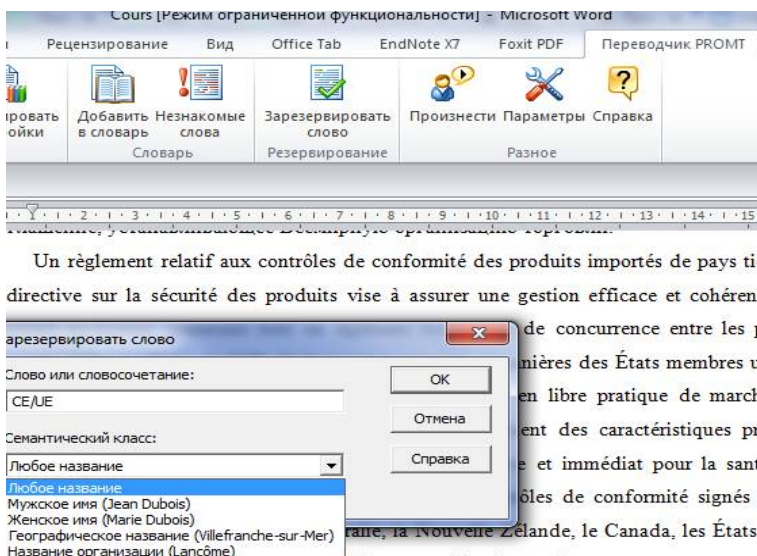

Рисунок 2. Работа со списком зарезервированных слов на ленте Promt

Среди других приложений, которые успешно осваивают студенты гуманитарного факультета, можно выделить:

1). Предметно-ориентированные информационные системы (ИС)

- Библиотечная информационно-поисковая система MARK SQL
- Портал межбиблиотечной информации Сигла, который позволяет сформировать запрос и найти документы в электронных каталогах крупнейших библиотек России и зарубежных стран, поддерживающих протокол Z39.50

2) Мультимедиа технологии и издательские системы

- MS PowerPoint
- Adobe InDesign

Студенты с большим интересом изучают программные продукты, которые позволяют им не только освоить новые технологии, но и творчески при этом проявить себя. В частности, при освоении издательской системы Adobe InDesign студенты журналисты верстают календари, буклеты, газеты, в которых используют собственноручно написанные и подготовленные статьи, интервью, очерки, заметки. Для них эти работы просто «бесценны», даже несмотря на проставленную «цену» (Рис. 3).

Рисунок 3. Фрагмент газеты, подготовленной студентами группы J13.

Как нами отмечалось выше, весьма плодотворны исследования, проводимые на стыке наук. Так и в нашем случае, в информационных технологиях весьма востребованы навыки филологов по анализу контекста, определению семантического ядра текста, необходимых для поисковой оптимизации (SEO оптимизация). Конечно, структурно-семантический анализ текста доступен и при помощи онлайн инструментов: Адвего, Stxt, Istio, Seozor, но он ни в коей степени не может заменить знания и навыки профессионала. А если речь идет о незнакомом языке, то все перечисленные онлайн инструменты оказываются бесполезными.

Так называемая «Рукопись Войнича», датированная XV веком, создана неизвестными авторами (Рис. 4). Более пяти веков пытаются разгадать ее загадку исследователи: язык манускрипта никому не известен [3].

Рисунок 4. Фрагмент «Рукописи Войнич»

Попытка прочесть этот труд привлекала множество ученых и научных коллективов различных стран. Так, из последних исследований можно упомянуть работу Марчело Монтемулло, опубликованную в 2013 году. Им был модифицирован и использован метод, предназначенный для изучения кодирования информации в процессе работы нейронов. Было показано, что «Рукопись Войнич» не бесполезный набор символов: в нем действительно кроется некое послание на неизвестном языке.

Годом позже, профессор Сан-Паулу Диего Амансио из Бразильского университета использовал метод Big Data, и показал, что структура неизвестного языка текста манускрипта совпадает в 90 процентах случаев со структурой, встречающейся в Библии и других известных книгах.

Хочется верить, что эта загадка и многие другие проблемы на стыке информационных технологий и гуманитарных наук получат свое решение в будущем. И кто знает, может среди исследователей этих проблем мы увидим фамилии наших выпускников.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Текст] // Новая технократическая волна на Западе: [Сб. ст.: Переводы] / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники; Сост. и вступ. ст. [с. 3-31] П. С. Гуревича. - М., 1986.

2. Лобанов А. Информационные технологии для студентов гуманитарных специальностей: метод. пособие. Кишинев, 2013.

3. Карпов М. Смотришь в книгу. Что скрывает загадочная и не поддающаяся расшифровке рукопись Войнича [Электронный ресурс] //Lenta.Ru 2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/09/02/voynich/> (дата обращения: 2.09.2016)

РЕЦЕНЗИИ

**ГРОСУЛ В.Я., СТАТИ В.Н., ПАСКАРЬ Е.Г. и др.
«ИСТОРИЯ МОЛДОВЫ». Том I**

*Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор истории, конференциар университета
(г. Кишинев, Молдова)*

В этом году под эгидой Ассоциации историков и политологов «Про-Молдова» при содействии Национальной кампании «Iubesc Moldova», руководимой Президентом Республики Молдова И.Н. Додоном, был опубликован трех- томный сборник статей под названием «История Молдовы». Не имея возможности охватить весь круг проблем, освещенных в изданном трехтомнике по причине его объема, мы решили в этом номере журнала остановиться на одном очень важном разделе первого тома, в котором авторы, по нашему мнению, с новых позиций представили сложный процесс этногенеза молдавского и румынского народов в так называемых «темных веках» нашей истории, то есть в период после отступления римских легионов с территории провинции Дакия. Оценку остальных разделов этого тома предполагается провести в последующих номерах нашего журнала.

Прежде чем перейти непосредственно к проблемам сборника, выскажу ряд суждений по его структуре.

Первый том получил название «Страна Молдова в эпоху средневековья (XI-XVII века)». Вызывает удивление тот факт, что авторский коллектив решил начать изложение средневековой истории Молдовы только с XI века. По международной периодизации средние века начинаются с V века н.э. Неужели до XI века вся

территория восточнее Карпат и до Днестра была безлюдна? Ведь известно, что после отступления римлян из Дакии в 271-275 гг. на эту территорию вторглись германские племена готов, потом гуннов, и в VI веке здесь расселились славяне, вплоть до Греции. Кстати, последние проживали в Карпато-Дунайском регионе довольно продолжительное время. Может, авторы исходили из того, что период истории Молдовы до XI века не получил должного освещения в исторической литературе? Сомневаюсь, что это соответствует действительности.

Недавно румынские исследователи издали два труда по истории. Первый - «История Румынии» - издан в Москве в 2005 году на русском языке (составители Иоан-Аурел Поп и Иоан Болован). Изложение истории Румынии они начинают с 1200 года до н.э., то есть на тысячу лет раньше, чем это сделано историками Молдовы в рецензируемом сборнике. Второй труд - это трех томное академическое издание «Istoria Românilor», (București, 2-е издание 2010 год). В последней работе история румын (частично и история Молдовы) излагается, начиная с 1 млн.800 тысяч лет до н.э., то есть со времен нижнего палеолита.

Оба труда обобщают материалы многочисленных археологических культур, население которых проживало продолжительное время в Восточно-Карпатском регионе. В том же 2010 году под эгидой Института материальной культуры Академии наук Республики Молдова был опубликован труд «Istoria Moldovei. Epoca Preistorică și antică (pînă în sec.V)». В этой работе археологи Дергачев Валентин, Левицки Олег, Никулицэ Ион, Коваленко Сергей, Кашуба Мая совместно с археологами из Санкт-Петербурга и Одессы привели очень много фактов по истории Молдовы.

Материалы всех трех перечисленных мною работ составляют богатый раздел о населении Молдовы в доисторическое время. Если бы авторы уделили должное внимание доисторической эпохе истории Молдовы, изданный ими сборник только бы выиграл. Тем более, что богатый археологический материал, добытый молдавскими, румынскими и украинскими археологами, не может быть интерпретирован иначе, как объективная информация о древней материальной культуре.

Однако следует отметить, что авторы первого тома Гросул В.Я., Стати В.Н., Паскарь Е.Г. и др. представили много новой ценной информации, ранее не публиковавшейся в учебниках и научных журналах Республики Молдова и Румынии. Эти «белые пятна» истории Молдовы и Румынии попытался устранить известный ученый Гросул В.Я. в разделе «Откуда пришли молдаване».

Казалось, что ответ на поставленный вопрос известен еще из советских и румынских учебников истории XX столетия. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что молдаване пришли из Марамуреша (Закарпатская область на северо-западе Румынии), региона, пользовавшегося в XIV веке автономией в составе Венгерского королевства. Их предводителем первоначально был Драгош, основавший Молдову в качестве марки королевства, а чуть позднее - Богдан, добившийся политической независимости Молдовы от Венгерского королевства.

Однако исследователь решил найти и исследовать материалы, которые дали бы ответы на вопросы: где находились молдаване до того, как попасть в Марамуреш, в каком веке и каким путем они добрались до региона, откуда в XIV столетии решили поселиться в Восточно-Карпатской области? Чтобы ответить на эти сложные

вопросы, автор использовал множество источников, в том числе исследования археологов У. Фидлера, В.В.Седова, Бабеша М, антропологов Т.И.Алексеевой, М.С.Великановой, а также ряда румынских, советских, историков и филологов. В итоге ему удалось поставить под сомнение теорию преемственности в процессе происхождения молдаван и румын в Карпато-Дунайском регионе. Конечно, подобные выводы, несмотря на веские аргументы, не будут приняты официальной историографией Румынии и Республики Молдова в силу политических причин.

Автор исходит из того, что еще значительная часть историков, основываясь на письменных свидетельствах современников двух опустошительных римско-дакийских войн, придерживается мнения, что население оккупированной римлянами Дакии было практически уничтожено. Надо учесть и тот факт, что армия Траяна преследовала и уничтожала отряды дакийцев далеко за пределами оккупированной Дакии, возвращаясь после этого на исходные позиции. Это было сделано с целью обезопасить новую римскую провинцию от грабительских нападений даков, проживавших на сопредельных провинции территориях.

Сами румынские историки утверждают, что доказательств присутствия в римской провинции Дакия коренного населения сохранилось намного меньше, чем свидетельства о проживании в более старых римских провинциях иллирийцев, фракийцев, кельтов или германцев[1, с.58]. Анализ топонимики в Дакии показывает полное отсутствие среди них дакийских топонимов а из 3150 антропонимов только 67 имеют дакийское происхождение, что составляет 2,12% [2, с.166]. Что касается религии коренных даков, то, по мнению румынских историков, в археологических находках не

осталось никаких признаков ее сохранения в римскую эпоху.

Возникает вопрос: откуда и когда пришли молдаване и румыны в Карпато-Дунайский регион, если после отступления на юг Дуная римской армии, администрации и абсолютной части дакийского населения на данной территории почти никого не осталось? А если допустить, что часть населения все-таки не ушла, тогда почему в молдо-румынском языке нет готских слов, принадлежащих племенам, захватившим всю территорию Дакии? Что стало с местным населением, когда после разгрома готов по этой территории прошлись опустошительными нашествиями гунны, а потом варвары? Прямых письменных источников на этот счет нет, как нет и достоверных археологических данных. Утверждения румынских историков о том, «что, возможно, не все население ушло», являются гипотетичными. От VI - VII вв н.э. сохранились свидетельства о проживании здесь славян, но о восточных романцах этого времени сведений нет.

Автор знакомит нас с исследованиями румынского филолога Руссу И., который связывает происхождение и название молдаван с регионом южнее Дуная. Он приводит доказательство, что только в мессапском языке, который считается диалектом иллирийского, есть термин *молдахуас*, что означает *мягкий, нежный, сладкий*. Исследователь полагает, что часть иллирийцев считали себя молдаванами. Иллирийцы находились под властью римлян почти 700 лет - срок достаточно большой для их романизации. После сдачи римлянами провинции Дакия «варварам» вся администрация, армия, а вместе с ними и значительная часть населения отступили в пределы империи, заметно увеличив плотность римского и романизованного населения на юге от Дуная. После их

переселения эта масса людей была оттеснена в центр Балканского полуострова.

Исследования антрополога Т.И.Алексеевой и ее сотрудников подтвердили этот вывод, доказав, что валахи западной части Балканского полуострова были романизированными иллирийцами. Другой антрополог, М.С.Великанова, определила, что антропологически молдаване, начиная с XIII до XV вв. связаны, с одной стороны, со славянами, с другой - с физическим обликом людей, населявших Балкано-Дунайскую область. Антропологические данные свидетельствуют о «промежуточном» положении молдаван по отношению к восточно-европейским группам, с одной стороны, и народам Балкано-Дунайской области - с другой. Эта генетическая связь популяции Днестра - Карпат и Юго-Восточной Европы подтверждается и более поздними антропологическими исследованиями.

В подтверждение этих выводов автор приводит доказательства немецкого археолога У.Фидлера, который на основе анализа всех археологических материалов пришел к заключению, что продолжавшееся три с половиной столетия римское и византийское господство не привело к романизации местных дако-фракийских племен. Более того, по его мнению, потомки романизированного населения к началу средних веков (к V столетию до н.э.) проживали разрозненными группами по всему Балканскому полуострову, в том числе в Македонии, Фессалии, Албании и Северной Греции. Он же считает, что после упадка византийского господства на полуострове часть потомков романизированного населения продвинулась в Карпато-Дунайский регион примерно в VIII или IX вв. Такого же мнения придерживается и видный российский археолог - славист В.В.Седов, писавший о периоде IV – V веках как «о начальном этапе

романизации нижнедунайского населения, который со временем приобретал все большую направленность».

Еще задолго до того как стали известны результаты современных исследователей по вопросу этногенеза румын и молдаван, свои научные позиции изложили в прошлом веке лингвисты. Однако их никто серьезно не воспринимал. Хорошо известны исследования А.Филиппиде, О.Д. Денсушану, которые считали, что румынский язык развивался до VII - VIII вв. на Балканском полуострове, то есть на юге от Дуная. В подтверждение идеи миграции приводятся исследования современных ученых: Андре дю Най (псевдоним выдающегося румынского исследователя) Роберта А.Холла из США, румынских филологов Г. Брэнкуш, И. Руссу доказывающих, что предки молдо-румын и албанцев говорили на одном языке в долатинском периоде, потому что словарь румынского языка располагает ста словами, содержащими пастушескую терминологию, что свидетельствует об их занятии скотоводством. Более 80% долатинского словаря, а также большая часть фонетических и морфологических элементов долатинского происхождения существуют и в албанском языке. В обоих языках – румынском и албанском - они представляют древнюю терминологию, которая не поддалась романизации и говорит об общем источнике. Оба народа имеют общих предков - иллирийцев. Романизированные иллирийцы, соседствуя продолжительное время с южными славянами, заимствовали у них 7% южнославянской сельскохозяйственной терминологии

Анализируя современное состояние источников, исследователь Гроссу В.А. изложил следующую картину развития дальнейших событий. В IX-X вв. с территории Балканского полуострова романизированное население,

прежде всего романизированные иллирийцы, двигаясь волнами на Север, могло оставить топоним «Молдова» на среднем Дунае, в том числе и Молдова Веке. Потом часть из них пошла на Запад и поселилась в Чехии и Словакии (моравские валахи).

Термин *Молдавия* в Чехию могли принести также и готы, та их группа, которая некоторое время находилась на Адриатике, а затем пошла на Север.

Другая часть романизированных иллирийцев пошла на Восток и обосновалась сначала в Марамуреше, а затем создала Молдавское государство. Эта вторая часть пришла непосредственно из Сербии и среди этих переселенцев могло быть некоторое количество сербов.

Переселение из-за Дуная отмечено в валашской летописи логофета Стойка Лудеску, который жил в XVII в. и написал свою историю Валахии от ее основания до 1688 года. Он прямо сообщал о передвижении с юга от Дуная романизированного населения, обосновавшегося в Турну Северин, Венгрии, вплоть до Марамуреша. Публикаторы этой летописи снабдили её комментариями, объявив сообщение Стойка Лудеску «большой ошибкой» и далее добавив, что «только наши враги из интереса, говорят, что мы прибыли с Балкан в более позднее время.».

Таким образом, исследователь В.А. Гросул считает, что первоначально появилась молдаване, а лишь затем название рек Молдова, Молдава (последняя в Чехии) и Молдавское государство. Наименование страны изначально было *Молдава*, а не Молдова. Так страна называлась на латинском, славянском, итальянском, польском, французском, немецком и других языках, на которых сохранились первые её упоминания. Из источников на этих языках мы черпаем и первые сведения о молдаванах как о народе, обитавшем на восточных

отрогах Карпатских гор, а затем и на берегах Днестра - восточной границе молдавского государства.

А теперь несколько слов о смысле противостояния автохтонной и миграционной теории в истории Молдовы и Румынии, которое еще не преодолено и сдерживает объективное изложение истории. Еще с самых древних времен миграции народов были обусловлены изменениями природно-климатических условий. С III по V вв.н.э. в Евразии наступило похолодание климата, время, обусловившее начало непрерывных набегов северных племен на римские провинции в поисках территории, климатические условия которой позволили бы выжить. Этими причинами объясняется и экспансия множества народов, получившая название «великого переселения народов». Эти миграции происходили с севера на юг и с востока на запад. Времена были жестокие, шла борьба за выживание. Чтобы спастись, племена оставляли обжитые места и переселялись в более безопасные. Для местного населения Дакии, а также для римских граждан этой провинции безопасным местом были южнодунайские территории Рима.

В XIX веке в Европе происходило образование национальных государств и определение их национальных территорий. В связи с этим политическая элита каждой нации стремилась утвердить свое историческое право на определенную спорную территорию, доказывая древность пребывания предков того или иного народа на конкретной территории, следовательно, и право потомков древних предков владеть данной территорией. Поэтому в большинстве стран, в том числе и в Румынии, стала господствовать теория автохтонного и непрерывного происхождения румынского народа, а вместе с ним и молдавского. Любое другое мнение, вопреки

доказательствам, подвергалось остракизму. История из науки превратилась в «служанку» идеологии.

Однаков правовом государстве история должна вернуться в сферу науки, то есть к отражению объективной и тождественной правды. И здесь надо дать должное тем румынским историкам, которые считают, что на современном этапе «с научной точки зрения бессмысленно подбирать разного рода археологические доводы, чтобы доказать присутствие в Дакии части населения бывшей провинции после ухода оттуда администрации и римской армии, как это постоянно делалось в румынской историографии» [1, с.88].

В заключение считаю необходимым отметить, что сборник статей «История Молдовы» является удачной попыткой объективного изложения процесса этногенеза молдован и истории народов, проживающих на территории от Восточных Карпат до Днестра. Данная работа является достаточно основательной документальной базой для издания академического обобщающего труда в виде учебника с целью объективного изложения истории нашего края.

Литература

1. История Румынии /Координаторы Иоан-Аурел Поп, Иоан Болова /. М., 2005.
2. Istoria Românilor. Vol.1. Ediția a II-a revăzută și adăugată. București, 2010

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

РУСИСТИКА В ХРОНИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОВОСТЕЙ

*Млечко Татьяна Петровна,
доктор педагогики, доктор хабилитат филологии
(г. Кишинев, Молдова)*

Осень – традиционное время научных форумов. В этом году она богата на масштабные мероприятия по русистике. В начале октября столица Татарстана принимала полтысячи гостей, съехавшихся со всей России и других стран на **V Конгресс РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»**. Кроме заседаний по актуальным вопросам преподавания и исследования русского языка, а также богатой культурной программы – Казань, Свияжск, Волга - участникам Конгресса была предоставлена возможность посещения учебных заведений различного типа, причем не только в столице, но и в отдаленных сельских местностях.

Республика, в которой проживают рядом в почти пропорциональном представительстве преимущественно татары и русские, является и территорией фактически двух конфессий – мусульманской и христианской. Их гармоничное сосуществование – это и результат исторического опыта взаимопонимания, и сегодняшняя национально-языковая политика.

Для образовательного сообщества нашей страны интересен опыт организации такого изучения языков, какой приводит к гармоничному билингвизму, а также к продвижению многоязычия в целом.

Яркое впечатление оставило посещение образовательного комплекса для носителей татарского языка, которые не только знают и любят свою культуру, но

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

обустроили у себя прекрасный пушкинский центр, в котором получают развитие творческие способности литературно одаренных детей. Это не просто досуговая форма работы, но полноценная система дополнительного образования детей.

Поскольку языковая подготовка детей начинается в дошкольном возрасте, то в этом плане нам был продемонстрирован эффективный опыт детского сада «Балансита», где дети обучаются параллельно сразу четырьмя языкам – татарскому, русскому, английскому и китайскому. С ними работают специально приглашенные носители этих языков. В четырех языковых отсеках здания «Балансита» всё, начиная от ступенек, «говорит» на соответствующих языках. В дизайне, музыкальном и изобразительном формате – погружение в культуру изучаемого языка.

Рис. 1. Участники V Конгресса РОПРЯЛ. Обмен опытом по языковой подготовке детей дошкольного возраста

Немаловажно отметить, что Конгресс РОПРЯЛ проходил под патронатом Президента Татарстана, который лично открывал Конгресс русистов и подчеркнул

значимость такого мероприятия для Татарстана. Также важно, что одна из ключевых тематик Конгресса была связана с вопросами описания русского языка в его статусе и функции государственного.

Русисты разных стран встретились на юбилейной **X Ассамблее русского мира**, которая прошла 3 ноября - накануне Дня национального единства в Москве. Проблемам русского языка была посвящена одна из двух главных подиумных дискуссий, которая в этом году прошла по теме «Русский язык: богатство многообразия и фактор единения». В том, что касается преподавания русского языка, на обсуждение была вынесена проблема учебников, ориентированных на самые разные формы обучения русскому языку, а также иных учебных ресурсов нового поколения, в которых нуждается современное образование.

Рис. 2. Выступление ректора СУРМ, проф. Т.П. Млечко на открытии X Ассамблеи русского мира

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

5-7 декабря в Сочи прошел **III Педагогический форум «Русский мир. Образование будущего»**, который был тематически сосредоточен на актуальных вопросах современного преподавания русского языка и литературы. Примечательной частью Форума является его конкурсная программа с представлением инновационных проектов, авторы которых уже достигли определенных результатов и представляют их на суд коллег, а также обозначают перспективы дальнейшей реализации. В этом году по 10 проектов были представлены в таких номинациях, как «Зарубежная русистика», «Инновационные методы и технологии преподавания русского языка и литературы в дистанционном формате», «Преподавание дисциплин современной русистики в вузах», «Развитие чтения на русском языке», «Русская школа за рубежом и современная российская школа». В последней из названных номинаций был успешно представлен проект от Славянского университета и МОПРЯЛ.

Рис. 3. Русисты МОПРЯЛ и Славянского университета – участники проекта «Русская школа за рубежом...». III Педагогический форум «Русский мир. Образование будущего»

Завершает цепочку мероприятий, в которых принимали участие русисты из Молдовы и, в частности, из Славянского университета, II Международная научно-практическая конференция **«Билингвизм и билингвальное образование в России и мире: современные тенденции»**, прошедшая 9 – 10 декабря 2016 года в РУДН. Более сотни специалистов из разных стран представили свои наработки в области внедрения в образовательный процесс новой терминологии и новых стратегий; поделились успешным опытом и острыми проблемами, а также выводами сравнительных исследований по языкам и особенностям разных типов двуязычия.

Рис. 4. РУДН. Секционное выступление ректора СУРМ, доктора хаб. филологии, профессора Т.П. Млечко. II Международная научно-практическая конференция **«Билингвизм и билингвальное образование в России и мире: современные тенденции»**

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Всё это говорит о том, что проблемы бытования русского языка в многоязычном мире не перестают быть актуальными, что для решения многих из них найдены интересные и эффективные решения, а также о том, что молдавская русистика является органичной и заинтересованной частью этих научно-педагогических исканий и участником международных диалогов по широкому кругу вопросов образования на русском языке.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 9. ПЛЮС»

*Горбачева Нина Анатольевна,
доктор педагогики
(г. Кишинев, Молдова)*

С 18 по 20 сентября 2016 года Славянским университетом РМ в партнерстве с Бюро межэтнических отношений РМ под эгидой и при содействии Национальной комиссии по аттестации и аккредитации (СНАА), Евразийской ассоциации университетов и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) проводилась международная научно-практическая конференция «Славянские чтения - 9. ПЛЮС». В юбилейном для Славянского университета году (20-летие СУРМ) конференция расширила свои тематические рамки, объединив под названием «Славянские чтения-9. ПЛЮС» и другие профильные направления, по которым ведется подготовка и исследовательская деятельность в Славянском университете.

Рис. 1. Председатель Бюро межэтнических отношений, доктор философии, профессор О.А. Бабенко приветствует участников МНПК «Славянские чтения-9. ПЛЮС»

На открытии конференции присутствовали и приветствовали ее участников члены Парламента Республики, послы славянских государств в РМ, представители общественных этнокультурных организаций.

В программу конференции было включено более 80 докладов по ряду актуальных проблем в области языкознания, педагогики и психологии, методики преподавания русского и иностранных языков, литературоведения, переводческой деятельности, международных отношений, культурологии.

Большая часть докладчиков – это специалисты из Молдовы. В конференции приняли участие преподаватели профильных кафедр университетов республики, сотрудники Института культурного наследия Академии наук Молдовы, Института педагогических наук, учителя лицеев. Страны ближнего и дальнего зарубежья были

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

представлены специалистами из России, Украины, Румынии, Германии.

Рис. 2. Делегация РУДН - участники МНПК «Славянские чтения-9. ПЛЮС»

В этом году в конференции приняла участие большая группа (15 человек) ведущих специалистов из Российского университета дружбы народов (РУДН), с которым Славянский университет поддерживает партнерские отношения в Консорциуме Сетевого университета стран СНГ. В состав делегации входили такие видные специалисты, как Денисенко В.Н., доктор филологических наук профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, Шаклеин В.М., академик, член Совета по русскому языку при президенте РФ, руководители кафедр, преподаватели.

Работа конференции проходила в шести секциях по следующим направлениям:

***- Славянство в диалоге культур и цивилизаций:
актуальные направления исследований***

- *Подготовка специалистов-филологов в XXI веке: модернизация учебных программ и курсов*
- *Лингвокультурологические аспекты современной исследовательской и педагогической практики*
- *Освоение мирового литературного наследия в условиях современного образовательного процесса*
- *Зарубежный русский мир: социокультурные контуры и запросы*
- *Развитие межгосударственного сотрудничества в гуманитарной сфере на постсоветском пространстве.*

Рис. 3. На открытии МНПК «Славянские чтения-9. ПЛЮС»

В этом году успешно прошло расширенное заседание Студенческого научного общества Славянского университета по теме «Прагматика научного поиска: постижение и достижение» с привлечением студентов, аспирантов и молодых ученых других вузов.

Рис. 4. МНПК «Славянские чтения-9.ПЛЮС». Расширенное заседание СНО СУРМ и др. вузов РМ, РФ

В формате круглого стола обсуждалась весьма актуальная для нашей страны проблема «Языковое и культурное многообразие Республики Молдова: ретроспективы и перспективы сбережения». Ученые, писатели, журналисты, руководители общественных этнокультурных организаций, педагоги и сотрудники Бюро межэтнических отношений говорили о необходимости взаимодействия разных культур в полиэтническом обществе, о динамике этого взаимодействия в наши дни, о проблемах, которые остаются нерешенными и т.д.

В рамках конференции состоялась презентация очередного номера научного журнала «Славянские чтения», посвященного памяти И.А.Ионовой, заведующего кафедрой славянской филологии в Славянском университете, которая была инициатором, создателем и идейным вдохновителем конференции «Славянские чтения» и редактором одноименного журнала.

Интересной и разнообразной была культурная программа конференции. Участники и зарубежные гости

приняли участие в Этнокультурном фестивале, организованном Бюро межэтнических отношений РМ.

Рис. 5. Делегация РУДН на Этнокультурном фестивале

Гости посетили Государственный молодежный драматический театр «С улицы Роз» (спектакль «Леди Макбет Мценского уезда»), побывали на творческом вечере молдавского композитора Евгения Доги.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ГУМАНИТАРИИ

*Сандульская Татьяна Александровна,
мастер гуманитарных наук
(г. Кишинев, Молдова)*

Каждый год в ноябре гуманитарный факультет Славянского университета тепло и душевно принимает в свою семью новое поколение студентов-первокурсников.

В этот день в актовом зале Славянского университета прошло уже ставшее традицией посвящение в первокурсники.

Рис. 1. Вальс студентов – гуманитариев

Такие мероприятия позволяют студентам развивать свои творческие способности.

Ораторское мастерство объединяет их для продуктивного общения на самые интересные и актуальные темы, а самое главное - развивает их самостоятельность, которая проявляется в разработке и осуществлении номеров, выступлений. Заведующие кафедрами, преподаватели, кураторы осуществляют лишь необходимую помощь – организационную и консультативную.

Рис. 2. Литературные перевоплощения студентов-филологов

Рис. 3. Незабываемые и обаятельные первокурсники -журналисты

За 20 лет существования университета (возраст совсем юный) Славянский крепко встал на ноги и сумел зарекомендовать себя как престижный и востребованный ВУЗ, заняв достойное место в системе высшего образования Молдовы. В дни юбилеев всегда хочется говорить «высоким штилем», писать стихи, слагать оды. Вот и на нашем праздничном мероприятии прозвучала не одна ода университету.

Рис. 4. На сцене: участники праздника «Посвящение в студенты». Награждение победителей. Эмоции, слова благодарности организаторам

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Перефразируя М.В. Ломоносова, хочется сказать, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов молдавская земля рождать».

Праздник прошел в дружеской и теплой обстановке. Подобные традиции – оплот крепких взаимоотношений в большой семье нашего Славянского университета.

Виват, Славянский!

**ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас к сотрудничеству в журнале «Славянские чтения», который решением Национального Совета по аттестации и аккредитации Республики Молдова № 146 от 27 июня 2013 года зарегистрирован в качестве научно-теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, искусствоведения и педагогики (категория «С»).

Журнал издается Славянским университетом и освещает исследовательскую деятельность преподавателей вуза по аккредитованному научному направлению «Славянские культуры в Республике Молдова», консолидирует специалистов Молдовы и зарубежных стран, научные интересы которых связаны со славистикой.

Сложившиеся тематические традиции журнала отражены в названиях разделов:

«Культурология»;

«Филология»;

«Философия»;

«Педагогика».

Особый раздел посвящается истории русской филологической науки в Республике Молдова.

Редколлегия журнала будет благодарна также за полезные информационные материалы, рецензии на новые издания и т.п.

Периодичность журнала – два номера в год. Для того, чтобы ваш материал попал в очередной номер, следует прислать его до 1 октября или до 1 марта по указанным электронным адресам. К публикации принимаются материалы на русском и других распространенных в

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Республике Молдова славянских языках, румынском языке.

*Редакционная коллегия
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»*

Следите за информацией на сайте Славянского университета: <http://www.surm.md>

Наш адрес: Республика Молдова, MD 2068, Кишинев,
ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет

Факс: (+37322) 022-43-03-81

Телефоны: (+37322) 022-22-47-50

(+37322) 022-43-03-81

E-mail: surm@starnet.md

ninagor58@mail.ru Горбачева Нина Анатольевна,
ответственный редактор

К сведению авторов научно-теоретического журнала «Славянские чтения»

- Материал, представляемый в печать, должен быть оригинальной и ранее не публиковавшейся работой автора.
- Работа должна быть структурирована согласно требованиям, предъявляемым к научным статьям: необходимо обозначить проблему, объект исследования, основания постановки и решения проблемы, выводы, заключение.
- К публикации принимаются статьи, рецензии на научные и методические издания, обзоры, информационные и другие материалы.
- Текст для публикации представляется в электронном варианте по указанным адресам.

- Стоимость публикации: объем статьи до 6 стр. – 200 леев (15 \$), более 6 стр. – 300 леев (20 \$). Материалы докторов хабилитат (докторов наук) публикуются бесплатно.

Основные требования к техническому оформлению материалов

- Текстовый редактор Microsoft Word.
- Формат листа А4 (21 x 14,8 см).
- Поля страницы – по 2 см со всех сторон.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Красная строка (абзацный отступ) – 1 см.
- Шрифт – Times New Roman, кегль 12.
- Примеры из художественной литературы, цитаты из научных источников набираются курсивом, выделяемые в них фрагменты – жирным курсивом.
- Примеры и цитаты заключаются в «косые кавычки»; закавычивание внутри цитат производится “лапками”: «... “...”...».
- Упущенные фрагменты цитируемых текстов обозначаются <...>.
- Стихотворные тексты набираются курсивом с абзаца, стихотворные строки разделяются двумя косыми скобками. Например:
«А теперь в бесприютном краю, // уж давно не снимая котомки, // качаю — ловлю я, качаю — ловлю // строки о русской речонке...<...>» (В. Набоков, «Река») [7, 33].
- Тире и дефис различаются.
- Таблицы, схемы, иллюстрации, фотографии с подписями – внедрены в текст, шириной не более 10 см.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

- Название статьи набирается заглавными буквами (12 кегль), полужирным шрифтом, по центру. Справа под заголовком указываются Фамилия, Имя, Отчество, ученая степень, должность, в скобках – город, страна.
- Через отступ от информации об авторе помещаются аннотации на русском и английском языках, до 50 слов; шесть ключевых слов. Авторы из Республики Молдова дают аннотацию также на государственном языке страны. Аннотации предваряются переводом названия статьи на язык аннотации (заглавными буквами, 9-й кегль).
- В конце статьи помещается в алфавитно-хронологическом порядке список использованной литературы (Литература) с указанием данных источника.

Образец: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Бацевич Ф.С. Функционально-семантические исследования глагольной лексики. // Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.

- В список литературы включаются только те работы, которые цитируются в статье или на которые ссылается автор.
- Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника в списке, далее через запятую номер страницы, например, [1, 13].
- Если источник многотомный, номер тома отделяется от номера источника двоеточием, например: [5: 2, 48]. Если источников несколько, между ними ставится точка с запятой. Например: [6, 213; 4:1, 60]. Название издательства не указывается.

- Там, где это необходимо, используются примечания внизу страницы с автоматической нумерацией. Постраничные примечания набираются курсивом (10 кегль).

Материал, предлагаемый к публикации, сопровождается справкой следующего содержания:

- Фамилия, имя, отчество автора.
- Ученая степень, звание.
- Адреса для связи: страна, индекс, город, улица, телефоны, факс, e-mail.

НАШИ АВТОРЫ

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук профессор кафедры общего и русского языкознания РУДН; г. Москва, Россия.

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций РУДН; г. Москва, Россия.

Горбачева Нина Анатольевна, доктор педагогики, заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Дамьян Надежда Андреевна, старший преподаватель кафедры *Язык и коммуникация* Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ; г. Кишинев, Молдова.

Демченко Людмила Ивановна, доктор филологии, конференциар университетар Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; г. Тирасполь, Молдова.

Дубровский Анатолий Дмитриевич, доктор истории, конференциар университетар, заведующий кафедрой журналистики Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии, ведущий научный сотрудник; заведующий Центром этнологии Института культурного наследия Академии наук РМ; г. Кишинев, Молдова.

Захарова Лариса Михайловна, магистр гуманитарных наук, университетский преподаватель кафедры славянской

филологии Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Кожокарь Ирина Владимировна, магистр психологии, преподаватель кафедры педагогики Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Колесник Любовь Анатольевна, доктор педагогики конференциар кафедры *Язык и коммуникация* Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ; г. Кишинев, Молдова.

Лобанов Альберт Николаевич, мастер экономики, преподаватель Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Луговская Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко; г. Тирасполь, Молдова.

Ляшенко Ольга Васильевна, специалист-координатор, методист Главного управления образования, молодежи и спорта; г. Кишинев, Молдова.

Микова Светлана Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН; Москва, Россия.

Мишаткина Мария Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков, и.о. заведующего кафедрой социальной педагогики РУДН; г. Москва, Россия.

Млечко Татьяна Петровна, доктор хабилитат филологии, профессор, ректор Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Пазина Наталья Васильевна, преподаватель Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; г. Тирасполь, Молдова.

Паскарь Лариса Михайловна, доктор педагогики, конференциар кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Молдова.

Полежаева Светлана Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им.Т.Г. Шевченко; г. Тирасполь, Молдова.

Сандульская Татьяна Александровна, мастер гуманитарных наук, преподаватель Славянского университета; г. Кишинев, Молдова.

Семикина Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; г. Волгоград, Россия.

Снегирев Илья Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков РУДН; г. Москва, Россия.

Сузанская Татьяна Николаевна, доктор филологии, конференциар кафедры славистики Бельцкого

государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Молдова.

Сулейменова Элеонора Дюсеновна, доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби; г. Алматы, Казахстан.

Топор Габриэлла Георгиевна, доктор педагогики, конференциар университетар кафедры *Язык и коммуникация*, декан филологического факультета Кишиневского государственного педагогического университета им. И.Крянгэ; г. Кишинев, Молдова.

Туницкая Марина Ивановна, доктор филологии, конференциар кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Молдова.

Цвик Ирина Осиповна, доктор педагогики, конференциар кафедры *Язык и коммуникация* Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ; г. Кишинев, Молдова.

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН; г. Москва, Россия

**СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

**СЛАВЯНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

**НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 8 (14)**

Аprobat spre tipar: 10.10.2016

Hartie ofset. Tipar ofset

Coli editoriale 22,23

Coli de tipar conv. 21,75

Format A5

Tirajul: 200 ex.

Comanda nr.5din

10.10.2016

Tipografia Asociației lucrătorilor instituțiilor de învățămînt
slavone din Republica Moldova – 2068, Chișinău, Florilor, 28/1,

Universitatea Slavonă

Tel./fax (+373 22) 43 03 81

surm@starnet.md